

ISSN 2076-3883

ФИЛОСОФСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

В е с т н и к

Ассоциации философских факультетов
и отделений

1 (6), 2015

Москва – Санкт-Петербург
2015

ББК 74
Ф 56

Рекомендовано к публикации
Бюро Санкт-Петербургского философского общества

Редакционный совет:

Председатель АФФО	В. В. Миронов (МГУ)
Сопредседатель АФФО	С. И. Дудник (СПбГУ)
Сопредседатель АФФО	В. С. Диев (НГУ)
	А. А. Гусейнов (ИФ РАН)
	В. А. Лекторский (ИФ РАН)
	В. А. Степин (ИФ РАН)
	Г. В. Драч (ЮФУ)
	А. В. Перцев (УрФУ)
	С. С. Аванесов (ТГУ)
	М. Д. Щелкунов (ПФУ)

Редакционная коллегия:

Главный редактор	В. М. Дианова (СПбГУ)
Ответственный редактор	А. А. Кротов (МГУ)
Члены редколлегии:	М. И. Билалов (ДГУ),
	Е. В. Борисов (ТГУ),
	Е. В. Брызгалина (МГУ),
	В. П. Горан (НГУ),
	Н. В. Кузнецов (СПбГУ),
	В. Н. Порус (НИУВШЭ),
	А. Е. Рыбас (СПбГУ),
	А. В. Тихонов (ЮФУ),
	О. Н. Томюк (УрГУ)
Ответственный секретарь	Д. Е. Прокудин (СПбГУ)

Ф 56 **Философское образование:** Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений: Вып. 1 (6), 2015. – М., СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. – 220 с.
ISSN 2076-3883 БК 74

Издается при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-33-01018.

© Ассоциация философских факультетов и отделений, 2015
© Санкт-Петербургское философское общество, 2015
© Авторы статей, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИРОДА ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

<i>Разумов В. И.</i> Философия в интеллектуальной культуре XXI века.....	5
<i>Рыбас А. Е.</i> Современная философия как «проблемное» знание.....	13
<i>Ноговицын Н. О.</i> Сериация как смыслообразующая модель.....	22
<i>Громов П. Е.</i> Информационные технологии: уточнение понятия.....	31

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

<i>Аблажей А. М.</i> Постсоветская наука: адаптационные процессы и перспективы трансформации	41
<i>Никитин В. Е.</i> Образование и наука в эпоху совершенства техники.....	50
<i>Черных О. Н.</i> Сетевые сообщества как вид социокультурной организации.....	60
<i>Пучковская А. А.</i> Иммануил Валлерстайн о миссии интеллектуалов.....	72

ИЗ ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Душин О. Э.</i> Средневековые университеты: формирование интеллектуальной элиты.....	81
<i>Соколов Е. Г.</i> Учителя: история.....	94

ЗАДАЧИ И ЦЕЛИ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Красиков В. И.</i> Философско-образовательная вертикаль в России	103
<i>Соловьев В. М.</i> Код русской культуры: опыт истолкования проблемы самоидентификации.....	114

ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: МЕТОДЫ И ОПЫТ

- Замалеев А. Ф.* Понять и выразить истину
(исследование схем в лекциях по истории русской философии)..... 124
- Дьяков А. В.* Что такое философия? Пропедевтическая лекция 132

О ФИЛОСОФСКОЙ КЛАССИКЕ

- Соколова Л. Ю. Г.* Башляр о формировании научного мышления..... 145
- Дианова В. М.* Теория цивилизаций Феликса Конечного:
своеобразие и смысловые параллели..... 154
- Власова О. А.* Психопатология и психология Карла Ясперса
как философия жизни 165

КОНГРЕССЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

- Дианова В. М., Цынар К. М.* Конференции философов
славянских стран..... 175
- Симосато Т., Хориэ Х.* IX Всемирный конгресс ICSEES
в Макухари (Япония)..... 184

ЮБИЛЕИ

- Акаев В. Х.* Подготовка специалистов-философов в Дагестане
(К первому юбилею образования отделения философии в ДГУ)..... 190

РЕЦЕНЗИИ

- Колесников А. С.* Рецензия на учебник: Философия / Ред.: В. Д. Губин,
Т. Ю. Сидорина. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. 816 с. 195

- АННОТАЦИИ 199
- SUMMARIES 206
- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 213
- CONTENTS..... 216

ПРИРОДА ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

ФИЛОСОФИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА

В. И. Разумов

Введение

Философию наравне с математикой можно считать древнейшей из созданных человечеством отраслей интеллектуальной культуры. Задумаемся о причинах и последствиях того, что с началом формирования науки Нового времени идет неуклонное возвышение математики при медленной, но ускоряющейся с возникновением позитивизма с середины XIX в., утратой философией своих позиций в интеллектуальной культуре. Причины происходящего кроются в ускоряющихся системных изменениях, затрагивающих глубочайшие слои в устройствах общества и человека. Вне зависимости от признания субстанциальности времени, очевидно, его неоднородность выходит за пределы Общей теории относительности А. Эйнштейна. Если воспользоваться гипотезой метаболического времени А. П. Левича¹, ход времени определяется скоростными параметрами свойствами внутренним средам объектов. Таким образом, рост активности в обществе, увеличение числа социальных процессов за единицу времени, характеризует объективный механизм ускорения времени в социальной реальности. Предположим: середина XX в. – завершение старой эпохи, конец второй половины XX в. – переходный период² – начало XXI в. манифестация новой эпохи.

Ситуация начала XXI в. вызывает колоссальные флуктуации на всех уровнях общества, дестабилизирует психику отдельных людей.

¹ Левич А.П. Метаболическое время естественных систем // Системные исследования. М.: Наука. 1989. С. 304–325.

² По масштабам и значению переходный период сопоставим с «осевым временем» К. Ясперса (800–200-е гг. до н. э.).

Перемены, естественно, очень серьезно затрагивают подсистемы науки и образования. Сформулирую тезис: кризис в науке и образовании не является следствием происходящих процессов в обществе; напротив, стагнация в науке и в образовании оказались первичными, проявившимися уже с 80-х гг. XX в., что было названо Н. С. Розовым «осенью эпистемологии»¹. Задумаемся о следующем. Со 2-й половины XX в. общество интенсивно инвестирует в науку и образование. Информационная и компьютерная революции, развитие новых видов связи предоставляют интеллектуалам колоссальные инструменты для творчества. На этом фоне: 1) не реализованы как стратегические программы 60-х гг. XX в.: энергетическая, космическая, био-медико-экологическая; 2) последним общепризнанным достижением фундаментальной науки можно считать открытие генетического кода.

В условиях сокращения ресурсной базы человечества, постепенного свертывания программ поддержки науки и образования, еще более жесткая конкуренция разворачивается между научными сообществами, различными профессиональными объединениями ученых и преподавателей вузов. Критерии успешности определяются способностями как к кооперации, так и к конкуренции. Рейтинг области интеллектуальной деятельности определяется тем, насколько прозрачны результаты соответствующей деятельности, а, главное, как они встраиваются в процессы трансферов знаний и технологий. Любая сфера интеллектуальной деятельности, включая философию, уже подпала под механизмы селекции.

Для того, чтобы происходящее приобретало для сообщества философов более осмысленный характер, выделим ключевые факторы наших рассуждений: 1) насколько понимание предмета философии соответствует новым тенденциям выделения предметов в интеллектуальной культуре XXI в., то есть, насколько интересными и продуктивными являются опыты философских фрагментаций универсума; 2) если исходить из некоего стандартизированного списка, содержащего 15 проблемных тем философии², то важно понять, как к ним отнестись сейчас: как к истории философии, или же выйти на новый уровень философских проблематизаций; 3) необходимо признать, что обновление интеллектуальной культуры теснейшим образом связано с разделением труда, выстраиванием междисциплинарных сооб-

¹ Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы: Учеб. пособие. Новосибирск, 2009. С. 10–12.

² Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1: Прологомены. М., 2002. С. 580–613.

ществ, сочетающих научную, учебную, производственную деятельности и коммерчески активных.

В такой специализации философы должны найти себя сами, иначе мрачная перспектива – уход на периферию интеллектуальной культуры, маргинализация.

С учетом перечисленных обстоятельств начнем обсуждение процессов в интеллектуальной культуре XXI в. и участия в них философии.

Новая эпоха и философия

С конца XX в. в мире произошли системные изменения, скорость которых нарастает. Причем, ускоряются, прежде всего, общественные процессы, причем как конструктивные, так и деструктивные. Обратим внимание на несоответствие скоростей антропогенеза и социогенеза. Вряд ли мы назовем еще какой-либо объект, который за 8–10 тысячелетий (от неолитической революции) столь глубоко трансформировался, от локальных, выделяющихся из животного мира сообществ – в общество (человечество), достигшее статуса «геологической преобразующей силы» (В. И. Вернадский).

С началом XXI в. манифестирует новая эпоха. Общество перешло в кардинально новое состояние – глобальное человечество. На фоне колоссальных достижений научно-технического прогресса следует констатировать: человек и общество в их наличествующей конституции, с учетом сложившихся целей, средств и параметров воспроизводства, не имеют стратегических перспектив.

Открывает ли современная философия для человека и общества новые горизонты, конструирует ли новые миры, указывает ли судьбоносные стратегии развития? Такая постановка задач – вызов современной философии, которая включает в себе антропологические и иные ограничения. Современная философия – это философская антропология в разных вариациях (онтологической, гносеологической, аксиологической...). Философия, как и теология не вышла за пределы антропо- и социоморфизмов, и она несет на себе ограничения, свойственные человеку и обществу в их наличном статусе. Проблемы современной философии относятся в основном к истории философии, но не к социальной реальности конца XX и начала XXI в. и сопровождающей ее интеллектуальной ситуации. В интересах понять глубину перемен рассмотрим следующее суждение: Платон, Кант, Хайдеггер жили в иной реальности, чем философы XXI в. Хайдеггер – философ индустриальной цивилизации, но его объединяют с Платоном и Кантом следующее: способы получения и переработки знаний, обращенность к тексту, институциональные форматы. Все перечисленные

философы – люди книги и слова, приемы перцепции, включенности в мир для них троих кардинально не изменились. Все три философа моноонтологичны.

Обратимся к образу философа XXI в. Это представитель экранной культуры (эпоха постгуттенберга), вместо книги и слова, он ориентирован на информационные потоки и инструменты подключения к ним. Он в разных вариациях участвует в новых формах субъектности – социальные сети, субкультуры, различные меньшинства и пр. Наконец, онтология философа XXI в. (и не обязательно постмодерниста) – мозаична. Отдавая дань долженствованию сохранения философской (историко-философской) традиции, следует понять, что философам предстоит совершить кардинальные преобразования философии. Эффективность действий в данном направлении определяется адекватностью понимания изменений, которые переживает человечество, а от этого зависит попадание или нет философов в мейнстрим новой эпохи.

Опыт философского дискурса о мировом системном кризисе

С 80-х годов XX в. начинается стагнация в науке, образовании, интеллектуальной культуре в целом. Больше чем за половину века нет стратегических прорывов в ведущих областях фундаментальных и прикладных исследований. Можно восхищаться играми разума математических физиков, обсуждающих модели возникновения и эволюции возможных миров, ищущих связи квантовой механики и релятивистской физики, но не напоминают ли эти построения, особенно, к примеру, в вопросах о связях космологии и теологии¹, сюжеты из поздней схоластики.

К числу факторов, определяющих спад в науке и в образовании, относятся: 1) старение парадигм; 2) усиление в науке и в образовании бюрократических тенденций в противовес креативным начинаниям. В средние века выделяются два типа университетов – профессоры (парижский), студентов (болонский). ВУЗы современной России составляют третий тип – ВУЗ бюрократов; 3) институциональная ригидность. Перечисленные факторы характерны для мировой науки, факторы 2 и 3 ярко выражены в современной России. Есть основание предположить, что бюрократизация есть следствие утраты социосистемой креативного начала. Это подтверждается при обращении к

¹ Крейг У.Л., Синклер Дж.Д. Каламический космологический аргумент // Новое естественное богословие / Ред.: У. Крейг, Дж. Морленд. М., 2014. С. 221–236.

институциональному уровню российских науки и образования. Подсистема науки и образования РФ после распада СССР просуществовала без структурных перемен более 20 лет, и это на фоне масштабной, быстрой и глубокой трансформации основных подсистем общества и государства.

Место и роль философии в формировании интеллектуальной культуры новой эпохи

Переход человечества в новую эпоху определяется сейчас, как никогда прежде, генерацией интеллектуальных инноваций, т. е., затрагивающих технологии мышления, рассуждения. Каковы возможности философии в этой области? В какой мере современная философия и философы способны наметить для культуры и цивилизации XXI в. новые горизонты? Какова мера новизны философии, оригинальности умопостроений философов в новейшей интеллектуальной культуре. К сожалению, антропо- и социоморфизмы, декосмологизируют, деуниверсализируют философскую мысль, ограниченную привычными представлениями о мире, обществе, человеке. Можно ли сейчас гордиться тем, что способ философствования от Платона до Хайдеггера не претерпел сущностных изменений. Речь идет не только о сравнении, к примеру, трансформаций математики и философии от античности к настоящему времени. Вопрос в том, что можно считать результатом философского исследования. На наш взгляд, результат любого познания, в т. ч. философского, определяется тем, включается ли оно в процессы движения знания, в междисциплинарные исследования, оказывается ли востребованным кем-либо кроме «специалистов в данной области».

Между тем, пока, не нашлась замена философии как отрасли, которая должна формировать новые смыслы и цели для человека и общества. Но, сейчас уже невозможно обойтись комбинаторикой уже известных определений и символов. Новые смыслы должны базироваться на новых технологиях мышления (интеллектуальная логистика, разрабатывавшаяся софистами, Аристотелем, стоиками, схоластиками, Р. Луллием, Ф. Бэконом, Г. В. Лейбницем должна быть выведена на новый уровень – такой, где автоматизация рассуждений и вычислений смогут дополнять друг друга).

Философскому сообществу следует отнестись внимательно к представлениям о трансгуманистическом, транссоциальном, в частности, к работам ведущимся в русле футуристического проекта¹. Следует учиться строить новые миры не ограниченные известными нау-

¹ Россия–2045. Стратегическое общественное движение. URL: www.2045.ru.
Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений

ками и религиями. Отчасти, эту задачу решают авторы фэнтези (У. Ле Гуин, Ф. Херберт). С сожалением приходится отмечать, что даже в областях, где лидерство философии кажется очевидным, доминируют другие мыслители и художники, и именно они оказывают преобладающее влияние на формирование мировоззрения, в т. ч. и нового поколения интеллектуалов.

Дрейф философии на периферию интеллектуальной культуры

Трудно не согласиться с идеей Р. Коллинза, что ведущей мотивацией интеллектуалов была и остается конкуренция за внимание¹. Пока философы в этой конкуренции занимают очень скромные позиции. Привлечем внимание к ситуациям и к областям, заслуживающим, на наш взгляд, наибольшего интереса.

Обращение к онтологической тематике в IT-специальностях протекает вне профессиональной философии.

Философия мало включена в междисциплинарные разработки, механизмы трансферов знаний и технологий не прорабатываются философами, а результаты философских исследований малоизвестны за пределами узких специалистов даже среди самих философов.

Вопросы ресурсов человека, психофизиологические тренировки оказываются за полем интересов большинства философов.

Перечисленные обстоятельства делают очевидным, почему в интеллектуальной культуре философия проявляет себя как маргинализацией философских направлений, так и кооперацией некоторых из философов с профессиональным андеграундом, формируемым на перифериях искусств, наук, религий.

Современная философия – боевая кавалерия XXI в.

Философия и новые горизонты развития мировой культуры и цивилизации

Приведенные критические соображения позволяют наметить несколько направлений, по которым должно начаться восстановление достоинства философии.

1. Концепция социальной реальности, учитывающая цифровую культуру, виртуальность, технологии бархатных, цветных революций, арабской весны, гибридных войн, ограниченности традиционных представлений о воспроизводстве на основе НТП. В списке «Кри-

¹ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ.: Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск, 2002. – 1281 с.

тических технологий» отсутствует тематика гуманитарных и социальных технологий, нет речи об инструментах идеологического воздействия на личности и социальные группы¹.

2. Поворот интеллектуальной культуры от анализа к синтезу, работа над соответствующими стратегиями мышления, участие в разработках новых интеллектуальных технологий.

3. Создание новых стратегий мышления. От линеаризаций мысли, речи, письма к визуализации рассуждений, гипертекстам и поддерживающим их логикам². В рекомендациях для авторов журнала «Вопросы философии» есть слова: «Рисунки и схемы крайне нежелательны»³...?!

4. Важна работа над переосмыслением суммы проблем философии. Принципиальна работа по выделению новых философских проблем, относящихся к переходному периоду конца XX в., а также определяющих контуры новой эпохи от начала XXI в.

5. Включение философов в теорию и практику междисциплинарных исследований и проектов. Эта деятельность должна быть связана с внутренней реорганизацией современных университетов в статусе центров, интегрирующих многообразие знаний и видов познавательной деятельности.

6. Обращение к интеллекту как инструменту распаковки ресурсов человека и общества, когда философ способен выступать носителем теории и практики психофизических достижений.

Заключение

Относительно поставленных во введении проблем сформулируем соответствующие им предположения.

1. Взамен дуады: мир-человек, укажем, что предмет современной философии формируется относительно триады: мир-общество-человек.

2. Философское сообщество должно начать серьезную дискуссию о проблемах новейшей философии⁴.

¹ Указ Президента РФ от 7 июля 2011 г. N 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации». URL: www.base.garant.ru.

² Полеценко К.Н., Разумов В.И., Сизиков В.П. О возможностях интеллектуальной поддержки инновационной деятельности // Инновации. 10 (120). 2008. С. 121–124.

³ Требования к рукописям статей, поступающим в журнал «Вопросы философии». URL: vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=12&Itemid=27.

⁴ Разумов В.И. Философия глобальных перемен в становлении новой эпохи // Компаративное измерение философской инноватики. Сб. научных трудов / Отв. ред. А. М. Старостин. Ростов н/Д., 2014. С. 25–32.

3. Обращение философии к междисциплинарным исследованиям следует сопровождать осмыслением глобальной темы синтеза философии, физики, математики, как основы когнитивной культуры XXI в.

Вступление человечества в новую эпоху знаменательно также тем, что на фоне известных факторов доминирования – военно-политического, гео-экономического, демографического, все большую роль играет гео-культурный фактор. Жаль, что немногие, включая представителей российской элиты, осознают усиление отставания РФ от мировых лидеров именно в этой области. В условиях новых вызовов, полученных Россией в 2014 г., перед философами открываются значительные перспективы для распаковки культурного потенциала страны. Достаточно указать на возможности использования в новейшей интеллектуальной культуре способностей к синтезу, определяющих русский язык и особенности российской ментальности. Продвижения отечественной философии в этом направлении должно способствовать выходу из стагнации фундаментальных наук и интеллектуальной культуры в целом.

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК «ПРОБЛЕМНОЕ» ЗНАНИЕ

А. Е. Рыбас

Среди множества подходов к интерпретации существа философского знания особо выделяется подход, который можно назвать «проблемным», поскольку он предполагает кардинально отличающееся от традиционного понимание предметности философии и позволяет представить философское познание не как стратегию обретения инвариантного универсального содержания, а как процесс творческого моделирования и актуализации возможной действительности. Именно проблемный подход определяет сейчас «современность» философии, хотя в то же время он претендует и на раскрытие сути философии «как таковой», так как при помощи «преодоления» традиции обеспечивает ее преемственность.

Говоря о философии как «проблемном» знании, необходимо прежде всего обратить внимание на специфику понятия «проблема». Известно, что в формальной логике проблемой называется ситуация неразрешенности какого-либо вопроса при крайней необходимости его разрешения. Следовательно, проблемная ситуация предполагает *актуальность* поставленного вопроса и *отсутствие* требующихся на него ответов. В философии проблема также характеризуется ситуацией неразрешенности, однако специфика последней состоит в том, что неразрешенность эта носит *принципиальный* характер. Это означает, что проблема, коль скоро она поставлена в философии, ценна сама по себе и не предполагает поиск окончательных решений, поскольку даже потенциальное их наличие уничтожает ее как проблему.

Почему же так важно сохранять сейчас понимание проблемности философского знания, то есть понимание невозможности адекватно ответить на фундаментальные вопросы? И не является ли такое понимание следствием неспособности современных философов соответствовать тем требованиям, которые предъявляются к ним традицией?

Современная философия характеризуется тем, что отказывается от продуцирования систематического знания, прежде всего потому,

что ограниченность какой бы то ни было «картины мира» давно уже стала очевидной. Мир, в котором мы живем и который обуславливает предметность философии, не замыкается в пределах действительности, как бы эта действительность ни понималась: эмпирически – как совокупность явлений, существующих здесь и сейчас; трансцендентально – как реализация априорных форм познания; метафизически – как система вечных идей или сущностей. Фундаментальным атрибутом действительности оказывается ее *процессуальность*, динамичность, а значит – принципиальная незавершенность и открытость для творческого преобразования человеком. Мы живем в мире становления, а не сущего, и философски познавать этот мир можно только учитывая примат возможного над действительным. Именно возможное – то, что может быть, но чего еще нет, – определяет существо того, что есть: действительность всегда проективна, она осмысливается с точки зрения будущего, ибо только в этом случае она и может быть рационально понятой и, следовательно, пригодной для существования человеком.

Вот почему взамен разработки различных стратегий постижения Абсолюта и концептуального выражения его содержания современные философы сосредотачиваются на том, чтобы добиться *правильной постановки вопросов*, в результате чего и обнаруживается их проблематичность. Не случайно часто приходится слышать, что философия в современном мире отнюдь не является «наукой наук» или же «высшим знанием», что она вообще не дает ответов на важнейшие вопросы, а только помогает задавать их. Тем самым определяется и основная функция философии в настоящее время: она состоит не в том, чтобы объяснить мир или оправдывать существование культурных, духовных, эстетических и других ценностей, а в том, чтобы актуализировать *возможное* содержание действительности.

Показать специфику философии как проблемного знания можно на примере проблематизации понятия «человек», которая является одним из ключевых условий современного философского мышления.

Как тема для размышлений, человек всегда привлекал внимание философов, но только в XX в. была осознана проблематичность этого понятия. Суть проблемы человека довольно точно сформулировал М. Фуко, утверждавший, что «в наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека»¹. Говоря о человеке как о препятствии для философского мышления, Фуко имел в виду прежде всего ту модель субъективности, которая была сформирована в ра-

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 362.

ционалистической философии Нового времени. Такая, картезианская, модель человека как *res cogitans*, соответствующая требованиям научного дискурса классической эпохи, весьма затрудняет сейчас понимание ключевых моментов действительности и должна быть отброшена. Однако деструкция картезианской субъективности и критический анализ дискурса, породившего соответствующую интерпретацию человека, – это всего лишь предварительное, хотя и необходимое, условие актуальной философии. Задача критики, как показывает Фуко, не ограничивается дискредитацией исторически сложившихся представлений о человеке, а предполагает обоснование необходимости «пустого», деантропологизированного пространства для разворачивания философской мысли. Другими словами, задача критики заключается в том, чтобы не только развеять убедительность традиционных толкований человека, а в том, чтобы представить человека как *проблему* философии.

Очевидно, что если бы нужно было только показать ложность модели человека классического рационализма, то тогда разоблачение ошибочности данного учения оставляло бы надежду на создание учения истинного. В этом случае картезианский субъект был бы понят как помеха восприятию сущего как сущего, не искаженного законами «антропологического сна», как кривое «зеркало природы»¹, в котором отражаются его собственные галлюцинации, и устранение этой помехи могло бы привести к «беспредпосылочному» видению истинного субъекта. Стоит вспомнить, что подобные попытки не раз предпринимались в европейской философии XX в. и ни одна из них не увенчалась успехом. Например, Э. Гуссерль, обосновывая феноменологию как «строгую науку», надеялся при помощи преодоления «естественной установки» и используя «трансцендентальную редукцию» совершить переход от сознания эмпирического субъекта к «чистому сознанию» – априорному основанию научного знания. М. Хайдеггер, осуществляя деструкцию европейской метафизики и показывая обусловленность картезианского субъекта «временем картины мира», предложил понимать человека как *Dasein* – существо, «вовлеченное в мир», которое бытийствует как экзистенция и позволяет человеку увидеть «подлинное в себе». Однако ни «трансцендентальная субъективность» Гуссерля, ни *Dasein* Хайдеггера не привели к появлению новой онтологии (или новой антропологии), в которой бы было окончательно прояснено существо человека. Напротив, философские проекты Гуссерля и Хайдеггера, вернее, их неудача, способствовали осознанию неизбежной проблематичности человека. Таким образом, разоблачение ложности истолкования человека в философии класси-

¹ *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.

ческого рационализма стало доказательством несостоятельности какой бы то ни было модели человека вообще.

Характеризуя «пустое» пространство как условие философии, Фуко стал говорить о «смерти» человека. Как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд, но именно «смерть» человека впервые позволила правильно поставить вопрос о том, что такое человек. Вообще тезис о смертности, или конечности, человека можно считать недавним философским открытием. Непосредственной причиной этого открытия является известный афоризм Ф. Ницше, вложенный им в уста «безумного человека», – «Бог умер»¹. Вряд ли будет преувеличением сказать, что человечество в течение практически всей своей истории не знало смерти, хотя постоянно говорило о ней и на страхе смерти строило религиозные и метафизические системы. Дело в том, что, говоря о смерти, имели в виду не принципиальную конечность человеческого существования, а переход человека из одного состояния, которое называлось жизнью поосторонней, земной, временной, в другое, но качественно однородное состояние – жизнь потустороннюю, вечную. «Смерть» поэтому обозначала «жизнь», причем в еще большей степени; о смерти мыслили исключительно в терминах жизни. Не удивительно, что в таких условиях человек понимался с точки зрения вечности и имел инвариантную сущность, или идею, которую и пытались постичь философы.

Критика морального истолкования мира и человека, начатая Ницше, позволила отказаться от сущностного мышления, в результате чего стало очевидным, что не сущность обуславливает существование, а, наоборот, существование – сущность. То, что называется «человеком» и что действительно является таковым, определяется случайными обстоятельствами: например, переплетением «перспектив» в реализации их «воли к власти», противоборством различных «дискурсов» или «практик» и т. п. Именно *случайность* играет здесь ключевую роль, так как она выступает причиной необходимости: необходимым становится только то, что случилось, потому что случилось оно так, а не иначе; случившееся, или ставшее, необратимо и поэтому необходимо. Кроме того, случившееся всегда уникально. Уникальность ставшего обуславливает, с одной стороны, его конечность, а с другой, невыразимость. В связи с этим уместно вспомнить высказывание Ж. Делеза, который писал, что «в самой глубине судь-

¹ Ницше Ф. Веселая наука ("la gaia scienza") // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 593.

ективности нет никакого «я», зато есть необычное сочетание, некая идиосинкразия, тайный шифр»¹.

Человек как случайно ставшее и поэтому необходимо существующее уникальное нечто обладает, как известно, способностью к саморефлексии. Вследствие этой способности он и обнаруживает себя как проблему, как только отказывается от традиционной привычки «мыслить только в форме речи»², то есть при определении своего существа апеллировать к априорным сущностям или идеям. Человек становится проблемой потому, что он, понимая себя как «бытие становления»³, каждый раз вынужден как-то определять себя, и каждый раз, определяя себя, он тем самым дистанцируется от собственной определенности, демонстрируя невозможность какого бы то ни было определения. Человек мыслящий, таким образом, принципиально не является тем, чем он является. Он «умирает» сразу же, как только заявляет о своем «бытии».

В современной философии проблема человека описывается поразному. Фуко, например, подчеркивает, что субъект не фундирован ни в физическом бытии, ни в социальной сфере, ни в духовном опыте и не может быть определен ни через его отношения с внешним миром, ни через самого себя, ни тем более через трансцендентную реальность. Неуловимость субъекта при помощи дефиниций, согласно Фуко, – это следствие фундаментальной неукорененности человеческой экзистенции, ее «номадичности». Не существует никакого «места» человека в природе, которое бы обуславливало смысл его жизни как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Однако отсутствие собственного места вполне компенсируется тем, что человек способен занять *любое* место, более того, он способен создать свое место *сам*. Каждое место, которое занимает человек, в равной мере свидетельствует о том, чем человек является, и о том, чем он не является. Та или иная позиция определяет существо человека до тех пор, пока она не становится предметом рефлексии, но как только человек осознает себя соответствующим образом, его субъективность ускользает от него и занимает уже другую позицию. В результате, как показывает Фуко, субъект постоянно «кочует» с одной позиции на другую, а философская мысль появляется только в том пространстве, где человека уже «нет».

Субъект-кочевник, остающийся неуловимым для мысли человека о себе самом, виден, тем не менее, *со стороны*. Для того, чтобы зафиксировать субъект и связать его с той или иной позицией, нужен

¹ Делез Ж. Критика и клиника. СПб., 2002. С. 163.

² Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 296.

³ Делез Ж. Ницше и философия. М., 2003. С. 75.

другой человек. Именно другой, под взглядом которого субъект обретает свое бытие¹, способен исчерпывающе определить его сущность, потому что только другой может понять человека как *функцию* того места, которое он занимает.

Следует заметить, что понимание человека как функции появилось давно. Так, уже К. Маркс определял сущность человека как «совокупность всех общественных отношений»², подчеркивая не только ее социально-историческую обусловленность, но и способность к бесконечной трансформации. В. И. Вернадский, создавая учение о биосфере и ноосфере, указывал на «функциональную зависимость человека, как природного объекта, и человечества, как природного явления, от среды их жизни и мысли»³ и тем самым опровергал философские теории, утверждавшие самодостаточность человека, его существенное отличие не только от явлений внешней природы, но и от других живых существ. Поскольку человек не может быть правильно понят вне контекста его существования, делал вывод Вернадский, то человек – это функция биосферы и его следует рассматривать вместе со средой его обитания. В современной философии функциональный статус человека демонстрируется, как правило, при помощи анализа тех дискурсов, которые порождают представление о «Я» как центре человеческой личности. В результате деконструкции этих дискурсов оказывается, что субъективность – это скорее всего некое виртуальное пространство, в котором сходятся различные перспективы интерпретации смыслов. Возникающая при этом иллюзия «Я» представляет собой эффект интерференции, схождения и наложения дискурсивных «волн».

Однако если человек – это проблема философии, а не предмет сущностного познания, то отсюда, на первый взгляд, следует, что философское изучение человека является невозможным. Действительно, как изучать человека, если существо его постоянно меняется? Как только удастся сказать что-то важное о человеке, например, зафиксировав взглядом со стороны его функциональный статус, соответствующий той или иной позиции, так сразу же оказывается, что сказанное о человеке уже к нему не относится или что это уже не определяет его как человека. В итоге остается скептически констатировать, что существо человека по сути непознаваемо и что философия

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2000.

² Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М., 1955. С. 3.

³ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 13.

не в состоянии сообщить о человеке никакого положительного знания.

Однако такой вывод неверен. Демонстрация фиктивности *сущностного* познания человека еще не доказывает ложность его познания *вообще*. Философская критика статического рассматривания человека убедительно свидетельствует лишь о том, что у человека нет никакой аисторической сущности, которая бы всецело определяла его существование. Но если сущность не подлежит познанию, то совсем не так обстоит дело с существованием. Именно анализ последнего – разнообразных форм исторической определенности человека – позволяет добиться адекватных содержательных высказываний о человеке. Это означает, что человека следует изучать исключительно на основании прошедшего, то есть на основании истории его становлений.

Очевидно, что каждая конкретная форма субъективности является исторически обусловленной и не может поэтому претендовать на адекватное выражение сущности человека. Но, тем не менее, каждая конкретная форма субъективности – в силу того, что она уже состоялась, – отчасти проливает свет на то, что же такое человек. Ведь то, что случилось, стало действительным, поскольку было возможным, а значит, позволяет судить о человеке с точки зрения реализованной возможности. Изучая различные модусы человеческого существования, мы тем самым объективируем максимально доступное для философского познания содержание понятия «человек». Можно сказать и так: философскому познанию подвластен не сам человек, во всей полноте его потенциального содержания, а те *следы*, которые он оставляет в истории и по которым его нужно искать. Продвигаясь по следу человека в процессе историко-философского исследования, мы познаем то, что уже стало действительностью, а значит, действительно относится к существу человека. Важно только при этом не пытаться, исходя из ставшего, получить полное представление о становящемся, абсолютизируя значение следов. Каждый след одновременно и позволяет правильно судить о человеке, и искажает его существо. Например, картезианская субъективность, если ее абсолютизировать, выдавая за адекватную сущность человека, безусловно, является препятствием для философского мышления, и поэтому сначала требуется подвергнуть критике картезианскую систему взглядов, чтобы получить возможность правильно поставить вопрос о существовании человека. Однако та же картезианская субъективность, если ее понимать в контексте соответствующей интерпретации сущего, позволяет понять существенное в человеке, а именно его способность моделировать такую картину мира, в которой он будет являться законодательным трансцендентальным субъектом.

Итак, современное философское познание человека предполагает осмысление существовавших ранее его смысловых определенностей. Здесь необходимо сделать одно очень важное методологическое замечание. Дело в том, что, обращаясь к истории с целью получения знаний о человеке, нельзя рассматривать исторические свидетельства как *факты*, то есть как такие данные, которые допускают только одно и притом однозначное истолкование. Как показал в свое время Ницше, существуют не факты, а только их интерпретации¹. Это означает, что каждая из случившихся в истории определенностей человека, хотя и относится к прошлому, но, тем не менее, в контексте ее понимания связана с настоящим. Нельзя поэтому с полной уверенностью утверждать, что тот же картезианский субъект, например, – это объективная характеристика соответствующей эпохи – «классической эпистемы» (Фуко) – и мыслящего в ней человека. Вполне возможно – а, скорее всего, так оно и есть, – что и картезианский субъект, и сопряженная с ним конфигурация «слов» и «вещей» во многом являются продуктами современного историко-философского дискурса. Во всяком случае, о фактах нужно всегда говорить с осторожностью, допуская возможность бесконечного множества их интерпретаций, одинаково имеющих право на существование.

Поскольку исторический материал может быть понят по-разному – в зависимости от того, как и для чего он актуализируется в настоящем, то сама история оказывается принципиально *вариативной*. Вариативность истории позволяет увидеть в ограниченном числе фактов *континуум* истолкований человека. Кроме того, собирая образы человека, характерные для прошедших эпох, мы узнаем о человеке ровно настолько, насколько *сами моделируем* его. В данном случае справедлива известная максима «Понять – значит сделать», потому что опыт познания человека как другого есть в то же время и опыт саморефлексии. Таким образом, если мы в состоянии понять субъективность так, как предположительно понимали ее в какую-то отдаленную от нас эпоху, или же если мы можем представить себе функциональный статус человека, при помощи уяснения которого данная эпоха становится для нас понятной, то этого достаточно, чтобы познать нечто существенное как в самих себе, так и в человеке вообще. Адекватность интерпретации исторических фактов, как это следует из вышесказанного, не играет здесь никакой роли: если та или иная интерпретация действительно удалась, то соответствующая ей субъективность все равно уже состоялась.

¹ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. С. 281.

Наконец, так как познание человека ведется лишь на основании реализованных в истории форм его существования, то философия возможна сейчас только как *история философии*. Вполне можно согласиться с Фуко в том, что одна из задач актуальной философии заключается в воссоздании «археологии» имеющихся знаний о субъекте, то есть в раскрытии структуры мышления, определяющей рамки концепций современной эпохи. Необходимо только добавить, что деструкция субъективности будет в то же время и практикой «собрания человека». В итоге «пустое пространство», являющееся условием понимающего мышления, окажется новой субъективностью и откроет горизонты для новой проблематики философского познания.

Историко-философский дискурс структурируется сейчас при помощи как минимум трех фундаментальных позиций, которые принято называть космоцентризмом, теоцентризмом и антропоцентризмом. Каждая из этих позиций по-своему определяет существо человека и является поэтому актуальной. Современное проблемное философское знание о человеке базируется на этих трех определенностях. При этом реализованные в истории модусы человека берутся не как факты, а как интерпретации. Таким образом, историческое прошлое становится материалом для вариативного истолкования, а «собрание человека» – его моделированием. Творческие эксперименты по изучению человека прошлых эпох являются опытом интерпретации его сущности в контексте возможного существования.

СЕРИАЦИЯ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ МОДЕЛЬ¹

Н. О. Ноговицын

Наверное, наиболее подробно разработанная теория смысла можно найти в книге Ж. Делеза «Логика смысла». Основным достоинством этой работы является то, что Делезу удалось объединить все предшествующие точки зрения в единую органичную систему и таким образом очертить границы и внутреннюю структуру философии смысла. Опираясь на уже имевшее место, он создает новую самостоятельную позицию, соединяющую в себе все то, что привлекало его внимание в логике и психоанализе. Подобное лавирование между различающимися направлениями отнюдь не случайно, Делез осознает его и обосновывает. Собственно, идея соединить до сих пор несоединимое лежит в основе «Логики смысла», где во введении Делез пишет: «Предлагаемая читателю книга – это попытка написать роман, одновременно логический и психоаналитический»². Для исследований культуры такая попытка представляет особенный интерес, поскольку она позволяет через простое и очевидное понятие смысла объединить личностное, материальное и культурное в одно целое.

Опорной точкой для Делеза служит психоанализ. Делез, как и Фрейд, отрицает возможность говорить о бытии как о чем-то находящемся вне языка, у него нет того противопоставления языка и действительности, которое мы встречаем на протяжении всего творчества Л. Витгенштейна. Фрейд мало занимался метафизикой, поэтому все то, что мы нашли непосредственно у Фрейда, нам приходилось вычитывать между строк, додумывая и продолжая мысль Фрейда там, где она обрывалась на самом интересном для нас месте. У Фрейда есть оправдание, он интересовался не столько теоретическими конструкциями, сколько практическим их применением. Его идеи

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-33-01018.

² Делез Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 14.

нуждались в развитии, в той части, где речь шла о смысле, их развил Делез.

Фрейд старался избегать высказываний об истинности того, что говорит психоаналитик, поскольку последний работает главным образом в области фантазмов. Делез более последователен, поэтому он обосновывает эту позицию. Он говорит о том, что все, с чем разум имеет дело, может познаваться или чуть смутно, или слишком отчетливо. То, что познается отчетливо, лежит на поверхности сознания и поэтому оно безупречно и, несомненно, не требует ни дополнения, ни уточнения. Но у поверхности есть обратная сторона, где тела пребывают сами по себе и где нельзя говорить о том, что что-то существует, поскольку там есть только существование и нет никакой определенности, то есть все находится в непрерывном становлении. С этого различия между поверхностью и глубиной Делез начинает свои исследования.

Человек во всех своих делах и намерениях интересуется не столько самими вещами, сколько их общим смыслом. Но, если бы подобное мышление целиком исчерпывало бы все, с чем человек может встретиться, открытиям Фрейда не было бы места, а система «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна была бы вполне жизненной. Но никогда нельзя забывать, что поверхности всегда соответствует нечто, вне разума, находящееся среди несовершенных вещей, на глубине, в состоянии нераздельного смешения.

Глубина, как и поверхность, присутствует в языке. Если не различать их, то язык оказывается однородным, как это получилось у Витгенштейна. Но Делез говорит о том, что в языке присутствуют два рода «частиц», принципиально отличных друг от друга. Существительные отсылают нас к совершенным и не терпящим изменения событиям, а глаголы говорят об изменении или действии, совершаемом над или самими вещами. Существительные, следовательно, всегда подразумевают поверхность, а глаголы – глубину. Само же предложение находится посередине и является местом пересечения поверхности и глубины. Поэтому статус предложения представляет для нас особый интерес, ведь именно там рождается и существует смысл. Позже Делез будет сравнивать предложение со «складкой» и характеризовать его как сгиб поверхности, придающий поверхности объем и так дающий смыслу существование, но в то же время образующий подкладку смысла, мешающий плоскому восприятию.¹

Ключевой характеристикой поверхности является абсолютная завершенность всего того, что там находится. На поверхности никогда ничего не происходит, поэтому там обитают события, а не тела.

¹ Делез Ж. Лейбниц и складка барокко. М., 1998.

События – возможные положения вещей – неизменны по своей сути. И то, что они могут обладать действительностью, никак не затрагивает их сущность. Тем более что, как мы покажем в дальнейшем, для того чтобы стать актуальным, событие должно оказаться в достаточно специфической, не чисто поверхностной ситуации – ситуации предложения. Время существования событий достаточно специфично, поскольку изменение невозможно, оно сводится к переходу от одного события к другому, например, от одной секунды к другой.

Глубина, в противоположность поверхности, является местом постоянного изменения состояния. Тела на глубине меняются безостановочно, поэтому у тела невозможно различить органы. Но эти тела как раз и являются тем, что безупречно и несомненно актуально, что очень хорошо показывается на примере современного искусства.¹ У телесного мира есть свое, так же не допускающее различия время – Хронос, время безостановочного изменения. Как только человек сталкивается с окружающим его миром напрямую, а не посредством знания, он оказывается среди таких тел. И лучшим свидетельством этому является то, что на некоторое время такой человек остается без слов.

В некоторой степени глубина есть абстракция, поскольку непосредственно с ней человек в здравом уме и трезвой памяти столкнуться не может. Это замечательно проиллюстрировал Флоренский в своей теории обратного времени сновидений. Смысл этой теории заключается в том, что, когда мы сталкиваемся с чем-то не поддающимся проговариванию (в примере Флоренского таким элементом выступает первое впечатление после сна), мы не можем отличить это от воспоминания о нем. И, таким образом, все не помещающееся целиком в наш язык предстает нам лишь в воспоминании, в возможности, как абстракция. Точно так, хотя и на другом основании, абстракцией является поверхность, состоящая из возможных событий.

Действительное появляется только тогда, когда возможным событиям приписываются актуальные действия. Только в предложении вещи (описываемые через события) становятся действительными и позволяют совершать над собой все новые и новые действия. Но проверить истинность предложения можно лишь из другого предложения, поэтому говорить об истинности вообще бессмысленно, и истинность следует заменить адекватностью предложения результату высказывания. Эта позиция Делеза почти совпадает с тем, что мы ви-

¹ См., напр.: *Heimrich R. KunstSprache NaturKörper. Ideen von G.Deleuze über das verhältnis von kunst und philosophie.* URL: nomoi.philo.at/per/rh/mei/kuphi.html.

дим в психоанализе, хотя, как отметил он сам, она выражена языком, не слишком понятным психоаналитикам¹.

Итак, только в предложении возникает актуальная различенность. И там же возникает смысл как то, что выражается предложением. Но, несмотря на то что смысл существует только в предложении, он, по Делезу, не является атрибутом предложения. Для того чтобы сделать смысл атрибутом языка, мы должны работать с противопоставлением языка действительности, только тогда смысл по закону исключенного третьего станет принадлежать языку. Делез, как мы уже показали, не говорит о действительности вне языка. Наоборот, все его работы построены на том, что действительность и язык абсолютно неразличимы, это настолько очевидно для него, что даже не нуждается в доказательстве. Здесь его позиция, пожалуй, целиком идентична с той, которую занимает большая часть французских философов двадцатого века и которую замечательно выразил Жак Деррида: «Итак, чтение не должно ограничиваться удвоением текста, однако оно не имеет право выходить и за его рамки, обращаясь к чему-то другому – к внешнему объекту... или к внетекстовому означаемому, содержание которого возникло бы вне языка, то есть в нашем смысле слова, вне письма как такового... Внетекстовой реальности не существует»². Соответственно с этим утверждением, смысл, по Делезу, оказывается абсолютно самостоятельным, но в то же время направленным на язык и на вещь одновременно. Вот что пишет Делез: «Смысл – это и выражаемое, то есть выраженное предложение, и атрибут положения вещей. Он развернут с одной стороны, к вещам, а с другой – к предложению. Но он не сливается ни с предложением, ни с положением вещей или качеством, которое данное предложение обозначает. Он является именно границей между предложениями и вещами. Это именно тот *aliquid*, который обладает сразу и сверхбытием и упорством, то есть тем минимумом бытия, которое побуждает упорство. Именно поэтому смысл и есть «событие, при условии, что событие не смешивается со своим пространственно-временным осуществлением в положении вещей»³.

Смысл хоть он и определяется через пересечение вещей и языка, но он есть абсолютно самостоятельная сущность. Более того, по Делезу, не язык выражает смысл, а смысл обосновывает язык. Действительно, в предложении происходит актуализация возможных событий. В результате любое предложение должно выражать действительное положение вещей, то есть смысл. Но смысл при этом совер-

¹ См.: *Deleuze G. I Have Nothing To Admit*. URL: busch.cs.tamu.edu.

² Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 313.

³ Делез Ж. Логика смысла. С. 42.

шенно не выводим ни из поверхности, ни из глубины. Более того, как мы уже сказали, и поверхность, и глубина являются абстракциями, то есть мы можем говорить о них лишь на основании существования различных смыслов. Смысл оказывается первичным.

Но, признав самостоятельность смысла, мы тут же вынуждены отказаться от представления о едином и неделимом смысле. Если основание смысла двоично, то и в нем самом должно быть что-то от четкости и абсолютной различимости поверхности, а что-то от темной слитности всего со всем, господствующей на глубине. Как показывают исследования Фрейда, эти две стороны неотличимы друг от друга настолько, что дальше констатации их различия пройти очень трудно, поскольку возникает сопротивление этой различимости, свидетельствующее об их тесной переплетенности. Впрочем, сделать это, очевидно, возможно, поскольку в противном случае психоанализ оставался бы лишь на теоретическом уровне.

Единственным смыслом могло бы обладать только предложение, высказанное в идеальном языке, одном из тех, которые пытался создать Г. Фреге¹. Но Делез показывает, что такой язык невозможен, или, точнее сказать, на таком языке нельзя сказать ничего нового, поэтому он применим лишь к событиям, требующим минимума действительности, о геометрических фигурах например. А любое предложение, говорящее о вещах, всегда двусмысленно и парадоксально, хотя эта парадоксальность и не всегда очевидна.

Сила парадокса в том, что он показывает двусмысленность обычных предложений. Причем, встречаясь с парадоксальными ситуациями, человек сталкивается с опасностью потери того единственного смысла, той языковой игры, с которой он жил до сих пор. Поэтому Делез пишет: «Парадокс прежде всего – это то, что разрушает не только здравый смысл в качестве единственно возможного смысла, но и общезначимый смысл как приписывание фиксированного тождества»².

Аналитическая философия ограничивала смысл именно тем, что Делез называет здравым и общезначимым смыслом, то есть в ее основе лежало предположение о том, что смысл един и равен самому себе, неизменен. Делез рассматривает ситуацию намного шире. Тождество смысла является лишь насильственным ограничением всей широты смысла. Это ограничение является, безусловно, необходимым, для

¹ См., напр.: *Фреге Г. О научной оправданности понятийного письма // Метафизические исследования. Вып. 12: Язык. СПб., 1999.*

² *Делез Ж. Логика смысла. С. 18.*

того, чтобы построить новоевропейскую науку. Также, как показал Витгенштейн в «Философских исследованиях», без этого ограничения невозможно понять ни одну жизненную ситуацию. Но точное понимание не является абсолютно адекватным, поэтому, если мы стремимся ко всей полноте понимания, мы не должны ограничивать себя лишь одним контекстом-прочтением. Но тогда любое понимание оказывается двусмысленным, и оказывается, что «от парадоксов не избавиться»¹.

Парадокс неизбежен по самой сути смысла. Как мы уже говорили, смысл обращен в две стороны одновременно – к вещам и к языку. Соответственно, и понимание всегда может оказаться двойственным. Как показывают примеры психоанализа, сознательно мы всегда обращены к событиям, к бестелесным эффектам. «Стройная, логически связанная между собой фраза значительно легче и дольше удерживается в памяти. Абсурдное же в общем запоминается столь же трудно, сколь и редко, как и беспорядочное и бессвязное... Сновидения забываются потому, что они лишены внутренней связи»². Это не значит, что вторая часть смысла остается всегда непонятой. Незамеченной она действительно оказывается, но при этом она оседает в бессознательном, где и остается до определенного времени – до времени появления симптома.

Любое предложение имеет, по крайней мере, два смысла. Первый смысл – тот, который вписывается в ту языковую игру, которую ведет в данный момент субъект. Это понимание говорит о бесстрастных совершенных событиях, растягивая уже имеющееся-ожидаемое на настоящее, а также на общезначимый смысл, отождествляющий ожидаемое с действительным и действительное с самим собой.

Но парадокс выявляет другое направление смысла и таким образом показывает, что ситуация не является однозначной. Поэтому парадоксы и вызывают такое сопротивление сознания, понимающего только четкость и однозначность. «Не удивительно, что парадокс – это мощь бессознательного. Он всегда располагается либо между сознаниями, противореча здравому смыслу, либо позади сознания, противореча общезначимому смыслу»³. Этот второй смысл в сущности ничем не отличается от первого. Это такое же действительное положение вещей, но он вписывается в совершенно иной контекст, он является элементом совершенно иной игры. Причем эта игра не просто отлична от первой, но они несовместимы и даже противоположны друг другу. С точки зрения первой игры, вторая вторгается в язык

¹ Там же. С. 107.

² Фрейд З. Толкование сновидений: Сб. произв. М., 2000. С. 84.

³ Делез Ж. Логика смысла. С. 114.

незаконно, она характеризуется как ужасная, всепоглощающая и всеразрушительная. Но если мы встанем на вторую позицию, то же будем думать и о первой.

У смысла две стороны, и на какую бы из них мы ни встали, другая окажется для сознания, в частности и для культуры в целом, навязчивым кошмаром. Именно поэтому Делез говорит о том, что он, понимающий мир так, не считает себя культурным человеком¹. Очень важно понимать, что оба смысла-направления парадокса неотделимы друг от друга, поэтому точнее говорить не о нескольких смыслах, но о пониманиях, смыслах-направлениях. «Противоположностью здравого смысла выступает не другой смысл; другой смысл, это разве что развлечение ума, его забавный почин. Но парадокс-мука показывает, что нельзя разделить два направления, что единственно возможный смысл не может быть установлен – ни для серьезной работы, ни для отдыха и несерьезных игр»². К счастью, наша точка зрения не часто дает нам оценить всю полноту смысла, и ограничивает нас, и так высвобождает сознанию поле для деятельности. «А это значит, что слов “я мыслю там, где я не есмь, следовательно, я есмь там, где я не мыслю”... здесь уже будет недостаточно. А правильно будет сказать вот так: “я не есмь там, где я игрушка моей мысли; о том, что я есмь, я мыслю там, где я и не думаю мыслить”»³. Эта ситуация неизбежна и неминуема.

Сознание же может оценить двусмысленность благодаря тому, что в разном контексте разные фразы имеют различные смыслы. Это по достоинству оценил Витгенштейн в «Философских исследованиях», которые, как мы теперь можем утверждать, построены именно на раскрытии парадоксальности сознательным. Но Витгенштейн лишь вступил на этот путь, а развил его Ж. Лакан, который приходит к выводу о том, что «смысл дискурсу добавляет удачно расставленная пунктуация»⁴.

Итак, смысл это атрибут положения вещей, возникающий в тот момент, когда язык фиксирует данное положение вещей, делая его актуальным и говоря о том, что данное положение вещей имеет место. Смысл не есть атрибут языка, но вне языка смысла нет. Язык, поскольку он структурирован, существует во времени, и то же можно

¹ См.: Алфавит Жюль Делеза (совместно с Клер Парне). URL: dironweb.com/klinamen/End_Deleuze-ABC-Final_kli.pdf.

² Делез Ж. Логика смысла. С. 110.

³ Лакан Ж. Инстанция буквы или судьба разума после Фрейда. М., 1997. С. 74.

⁴ Лакан Ж. Поле и функция речи в психоанализе. СПб., 1998.

сказать и про смысл. У языка и смысла одно и то же время существования – Эон – время событий. События не изменяются, но они бестелесны, поэтому время событий сводится к переходу от одного события к другому. При этом длительность здесь отсутствует, поскольку имеется лишь смена событий, не обладающих протяженностью.

Вне предложения события существуют в прямых и пересекающихся сериях, по сути дела замкнутых на себе. Событие уникально, и потому, как показывает Делез в «Различии и повторении», формой его существования является повторение себя. Ситуация решительно меняется, когда событие высказывается в синтетическом предложении. Если аналитическое предложение просто высказывает это повторение, то в синтетическом предложении событие вырывается из круга и устанавливает связь с окружающими событиями. Несколько серий пересекаются в определенной точке, и эта точка, смысл синтетического предложения, уже не замыкается в одну серию, но существует в своей действительности все то время, пока предложение проговаривается. Впрочем, поскольку на поверхности господствует Эон, то, по всей видимости, такое событие и есть единица времени.

Интересно отличие формы существования события в своей серии от события, ставшего точкой пересечения серий. Как мы уже видели, событие само по себе уникально, а потому повторяется. Но точка пересечения уже не может повторяться, и, следовательно, она может быть скопирована, то есть смысл в отличии от тавтологии, не может быть адекватно пересказан и передан другими словами.

Такова вообще организация любого смысла: смысл подчиняется парадоксу регресса, связка имени и смысла не является однозначной и самодостаточной, она всегда нуждается в продолжении. У имени всегда есть свое имя, а у того имени есть свой смысл и т. д. «Серия может регрессировать бесконечно, чередуя реальное имя и имя, обозначающее данную реальность»¹. Это правило не всеобщее. Поскольку часто, по крайней мере в художественной литературе, можно встретить то, что называется nonsensom – слово, отсылающее только к себе. Регресс nonsensa также бесконечен, но он, подобно тавтологии, замкнут на себя.

Итак, мы проследили аргументацию Делеза и вынуждены признать ее убедительность. Если мы предположим смысл обособленным, то, опираясь на вышеизложенные аргументы, вынуждены будем признать ограниченность здравого смысла и всеобщность парадоксов. Смысл оказывается имеющим подкладку, причем обе его стороны, прямая и обратная, всегда избегают друг друга, противоречат

¹ Делез Ж. Логика смысла. С. 51.

друг другу и тем сводят узнавшего их вместе человека с ума. Но узнать обе стороны почти невозможно, поскольку смысл сливается с языком, в котором он выражен, а язык всегда трудно отличается от конкретной бытовой ситуации, скрывающей парадоксальность. События формируются в языке выстраиваясь в серии и, следовательно, мы можем утверждать что сериальность – один из наиболее важных феноменов категории смыслообразования.

Смысл никогда не достигим сам по себе, но всегда в любой момент времени в любом предложении нам показывается смысл фразы в отношении к контексту. Это никоим образом не разрушает единство смысла, но показывает, что у смысла есть несколько сторон, и что в любой данный момент (Эон) смысл показывает лишь одну свою сторону, а другая надежно скрыта за ней. Поэтому смысл оказывается структурой через те отношения, в которых смысл показывает себя. Форма этой структуры – серия.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЯ¹

П. Е. Громов

Сегодня часто говорят: «информационные технологии», «информация», «информатика – это наука об информации». Подобное словоупотребление столь привычно, что сложно заметить: полисемичность использования размывает суть используемого термина. Самое близкое труднее всего определить; еще Хайдеггер заметил об истине Бытия и ее – непосредственной и одновременно с этим незримой – близости: «...человек поднимается на ноги, экстатически вынося его [Бытие] на себе, т. е. принимая его с заботой, он не распознает ближайшее и держится того, что следует за ближайшим. Он даже думает, что это следующее и есть ближайшее. Но ближе, чем все ближайшее, и вместе дальше для обыденной мысли, чем ее самые далекие дали, пролегает самая близкая близость: истина Бытия»².

Близость рассматриваемого в этой статье – информационного, настигшего нас, повсеместно и радикально нас инкорпорирующего в свои структуры – большая проблема, потому как близость маскирует и затушевывает информационное, его смысл, низводя его до «обычного», не дает нам его ухватить и раскрыть в своей полноте, выставляя, как нечто, в духе Умберто Эко³, занятно-позитивное. Феномены информационной культуры приобретают характер «простых» и «обычных», хотя не являются таковыми.

Современные информационные технологии и их место в культуре повседневности привлекают все больше внимания исследователей из разных сфер. Так, вопросами о месте цифровой культуры в культуре повседневности задавалась Н. Л. Соколова. Она также замечает в частности, что «исследование цифровой культуры не исчерпывается

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект №15-33-01018.

² Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 203.

³ Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст. Отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20.05.1998 // Интернет. 1999. № 6–7.

анализом цифровых технологий, форматов и гаджетов, а затрагивает самые разные стороны жизни современного человека, предполагает анализ изменений самих практик и продуктов человеческой деятельности. Так что исследование цифровой культуры предполагает не только анализ ее феноменов, сам по себе важный, но оборачивается исследованием того, что происходит с культурой в эпоху распространения цифровых технологий¹.

Примечательна работа «Связи и отношения в структуре гипертекста (на материале Интернет-коммуникации в сообществе «Владивосток» (www.livejournal.com))» В. А. Шульгинова². Автор подходит к анализу указанного в названии Интернет-сегмента с серьезных филологических позиций и подробно анализирует специфику общения, интерпретации и восприятия графических, языковых символов, анализирует сопутствующую семантику.

Наоми Нэмура (Naomi Nemura) в своей статье «A Study of Change of the Body View in Cyberculture»³ рассматривает феномен информационных технологий в контексте их беспрецедентного влияния на концепт телесности в современной культуре. То, что ранее было предметом научной фантастики жанра «киберпанк», а именно своеобразная «онтология бестелесности», вера в то, что технологии помогут трансцендировать тело, – сегодня становится нашей реальностью. Ввиду распространения цифрового окружения в нашем обществе, современная киберкультура содержит попытки выражения нового телесного опыта.

Нельзя не упомянуть и классика Мануэля Кастельса, его ключевую работу об Интернете «Галактика Интернет»⁴, хотя его видение Интернета и киберкультуры относится преимущественно к эпохе Веб 1.0–2.0 и сегодня, как будет показано, существенно устарело⁵.

¹ Соколова Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху // Международный журнал исследований культуры. 2012, №3(8). URL: [www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03\(8\)_2012.pdf](http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03(8)_2012.pdf).

² Шульгинов В.А. Связи и отношения в структуре гипертекста (на материале Интернет-коммуникации в сообществе «Владивосток» (www.livejournal.com)) // Молодой ученый. М., 2012. № 12 (47). С. 342–350.

³ Naomi Nemura. A Study of Change of the Body View in Cyberculture // Journal of Socio-Informatics. Tokyo: Mitaka Business Park Soho, 2014, Nov. Vol. 7, №1 P. 37–46.

⁴ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ.: А. Матвеев; ред. В. Харитонов. Екатеринбург, 2004. С. 31.

⁵ Громов П.Е. Интернет, Хайдеггер и глубокая скука // Обсерватория культуры. №5. М., 2014. С. 33.

Актуальность проблематики информационных технологий и их места в современной культуре повседневности подтверждается объективными данными и практикой быта. Оперативное доставление сведений: о погоде, курсе валют и актуальных новостях; личных сообщений от наших знакомых; музыкального и видео контента; а также иных форм мультимедийности, для которых не вполне возможно дать сегодня именование («комплексный гипертекст», структура текстовых узлов которого образует сложный интерактивный опыт с реципиентом, например, «статьи» журнала ВОС) – и главное, что все по нашему запросу, – также определяет понятие информационного.

Так, у пользователя глобальной сети имеется возможность блуждать по бесконечному пространству гипертекста по своему усмотрению, самостоятельно определяя свой путь; это позволяет ему самостоятельно осуществить отмежевание собственных гипертекстуальных инвариантов от бесконечного и неконтролируемого потока информации. Структурируемый самим пользователем как активным актором хаос информационного отличен, скажем, от предопределенных и детерминируемых извне потоков телевизионного: хоть мы и можем сменить канал, судьба нашего потребления предопределена продюсером, редактором, рекламодателем или идеологом с «той» стороны. Плюрализм как в авторстве контента, так и в потреблении контента, имеющий место в Интернете, исключает подобный детерминизм.

Таким образом, имеется определенного рода структурное отличие. Можно ли назвать подобную ситуацию «технической» в своем роде? Для ответа на этот вопрос нужно кратко рассмотреть этапы развития Интернета как инкорпорирующей, пронизывающей и таким образом детерминирующей текущую повседневность технологии.

В дискурсе информационных технологий период развития Интернета, когда он преимущественно представлял собой гипертекстовую машину, принято именовать термином «Веб 1.0». Зародившись в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в., Интернет продолжал свое линейное и довольно предсказуемое развитие вплоть до середины 90-х годов, до момента образования консорциума W3C в 1994 г.¹ По факту Веб 1.0 представлял собой набор гипертекстовых узлов с возможностью перехода между ними по гиперссылкам – это является примером «классической» гипертекстовой модели. Возможности мультимедиа были ограничены, равно как и возможности идентификации, интеракции, распознавания, перестроения самой гипертекстовой системы и любых форм обратной связи с пользователем. Среди прогрес-

¹ *Leiner B.M., Cerf V.G., Clark D.D. A Brief History of the Internet // ACM SIGCOMM Computer Communication Review. 2009, October. Vol. 39, No. 5.*
ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ ФИЛОСОФСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ И ОТДЕЛЕНИЙ

сивных форм взаимодействия того периода можно отметить использование фреймов (frames), предполагающее включение нескольких независимых страниц в единую страницу-родитель на уровне браузера пользователя – широко распространенная технология, позволявшая реализовать идеи трансвключения (transclusion) Теодора Нельсона¹, то есть неоднократного включения одного и того же текста в другие – тотального соналожения, сочленения и сопроникновения текстов, когда текстовая единица не просто ссылается на другие текстовые единицы, но и содержит фрагменты других текстовых единиц не как ссылку, но как свою неотъемлемую часть (трансляцию)². На настоящий момент концепт фреймов был предан забвению.

«Веб 2.0» стал новым этапом развития Интернета и длился с середины 1990-х до конца 2000-х годов. В этот период получают развитие первые попытки введения интерактивности, развиваются веб-чаты, «гостевые книги» и форумы; впервые появляется возможность обнаружить Другого в его информационной ипостаси на просторах Сети. Информационные системы, еще замкнутые, впервые получают возможность получить от пользователя обратную связь. Мультимедиа в Сети также активно развиваются, предлагая все более зрелищные и сложные технологии, включаемые в гипертекстовые узлы, такие как видео, аудио, анимация Flash. Существовал также несостоявшийся проект Adobe™ Atmosphere, позволявший создавать реалистичные трехмерные миры (позднее: «окружения» или «среды»; environments) и путешествовать между ними через так называемые «порталы» (трехмерный, пространственный аналог гиперссылок)³ – смелое, но несвоевременное начинание, которое закономерно было предано забвению. Впервые активно развиваются многопользовательские браузерные онлайн-игры.

Данный этап сопровождался серьезным ростом скоростей обмена информацией и компьютеризацией и информатизацией культуры: именно на этот этап приходится переориентация экономики и общественной жизни на цифровой способ существования. В этот момент начинается демаркация общества по принципу владения информаци-

¹ Nelson T.H. File Structure for the Complex, the Changing and the Indeterminate // Proceedings of the ACM 20th National Conference. 1965. P. 84–100.

² Krottmaier H., Maurer H. Transclusions in the 21st Century // Journal of Universal Computer Science. 2001. No. 7 (12). P. 1125–1136.

³ Chard S.M. Building a Virtual Classroom: An Education Environment for the Internet Generation. 2011. P. 11.

онными технологиями; рождаются первые «цифровые аборигены»¹, то есть дети, чье становление пришлось уже на цифровую эпоху, ввиду чего они свободно взаимодействуют с окружающей их цифровой средой еще в бессознательном возрасте; иногда – раньше, чем начинают говорить. Бумажные носители все чаще замещаются электронными, хоть и выглядит это как некое «новшество».

Актуальное состояние Интернета на сегодня можно обозначить как «Веб 3.0». Веб 3.0 несет серьезно отличается от того, что было ранее: он сам перестраивает себя под нужды конкретного пользователя и позволяет ему самому создавать среду своего взаимодействия и опыта. Для достижения отзывчивости кибер-среды, с одной стороны задействованы алгоритмы персонализации и слежения, а с другой применяются семантические методы организации контента; системы сами общаются между собой и уточняют смысловое наполнение друг друга². Джейсон Калаканис (Jason Calacanis), международный эксперт в развитии Интернета, определил веб 3.0 как систему, «позволяющую одаренным индивидам создавать высококачественный контент и сервисы, используя как основу механику платформы Веб 2.0»³. Это тесно связано с идеей просьюмерства (prosumer – от английского produce и consumer – потребитель и одновременно производитель [контента]). На это в частности указывает Соколова в своей статье «Цифровая культура или культура в цифровую эпоху»⁴, указывая, что «игроки становятся соучастниками производства [компьютерных] игр – “просьюмерами”», что, к слову, отличает современные игры от игр Веб 2.0, когда все правила и вся атрибутика была предопределена заранее разработчиком. Роль непосредственного автора отходит со второго плана – на третий; а на первый выходит – интеракция и обмен, вирулентное распространение информации и, что немаловажно, комментарий, ставший сегодня более важным, чем комментируемое (ср. феномен видеоблоггеров-комментаторов: комментируемое приобретает в значимости не как само по себе, но как часть комментария; а сам видеоблоггер всегда более востребован, чем описываемое им).

¹ Palfrey J. Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives. New York: Basic Books, 2008. P. 5–7.

² Horrocks I. Ontologies and the Semantic Web // Communications of the ACM – Surviving the data deluge 2008, December. Vol. 51, No.12. P. 58–67.

³ Calacanis J. Web 3.0, the «Official» Definition. 2007. URL: calacanis.com/2007/10/03/web-3-0-the-official-definition.

⁴ Соколова Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху // Международный журнал исследований культуры. 2012. №3(8).
Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений

Эпоха Веб 3.0 предполагает также в качестве своего структурного компонента – общение между собой непосредственно самих информационных систем, реализуя таким образом quasi-искусственный интеллект, в корне которого – статистическая значимость тех или иных действий пользователя и релевантный на то ответ. Если вы искали статью на тему «Подготовка к родам», то через девять месяцев автоматизированная система начнет предлагать вам купить детскую коляску, а через шесть лет – портфель к первому сентября. Более того, эпоха Веб 3.0 приходится на новый виток развития киберкультуры как таковой. Конвергенция разрозненных до этого технологий, перекликавшихся между собой до этого лишь «по случаю», теперь достигает своего пика. Как пишет Прамонд Найяр (Pranod Nayar), киберкультура представляет собой цифровое окружение, где различные технологии и медиаформы сонаклаиваются и пересекаются: видеоигры, Интернет и электронная почта, личные страницы, онлайн-чаты, персональные технологии коммуникации (такие как соловый телефон), мобильные развлечения и информационные технологии, биоинформатика и биомедицинские технологии¹.

Учитывая все обозначенное выше, можем ли мы рассматривать информационное как «техническое»? Так, под информационным понимается сегодня цифровое, имеющее вполне механистические коннотации, хотя должно – коммуникационное. Не является ли модель и способ хранения информации в двоичном коде лишь научно-технической частностью, которую не следует считать определяющей в вопросе о самом принципе современных технологий, их пути и судьбе?

Можно сделать вывод о том, что информационность, как свойство нашей эпохи – образование иного качества и порядка, чем сама техника, и не в полной мере принадлежит ее области.

Так, в своей статье «Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей» Д. В. Галкин вводит разграничение типов технического, переломным моментом считая изобретение механических часов²: «Механические часы – первый универсальный автомат, кото-

¹ Nayar P.K. The New Media and Cybercultures Anthology. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. P. 1-5.

² Галкин Д. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Цифровая культура Digital Culture: Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). С. 11-16.

рый человек сделал второй природой, неотъемлемой частью повседневной жизни. Именно в часах автомат как принцип и артефакт показал свою силу и совершил вторжение в физический и социальный строй жизни – автомат захватил время, заключил его в некое течение механических процессов, ритм зубчатых колес». Несмотря на очевидный прорыв, который принесли механические часы в распорядок общественной жизни, данное предположение может вызывать некоторые вопросы. Техника, даже сложная и причудливая, была частью жизни человека многие века, начиная с Древней Греции, а в примитивнейших формах – еще раньше; бок о бок была *инструментом* в его руках. Структурно, часы мало чем отличаются от, скажем, водяной мельницы: они облегчали жизнь человека, но не вводили в нее новых оснований и не порождали искусственную среду, новое поле игры. Механические часы были механистическим отражением циклической природы мира, в которой уже существовал человек и которую уже осознавал. Более того, после их изобретения человек не впал «автоматически» во власть распорядка и жесткого расписания; подобное произошло намного позднее и скорее в связи с ускорением темпов экономического роста и новой формой рыночного функционирования индивида, и развитием средств производства.

Таким образом ни одно «техническое» новшество, несмотря на то или иное улучшение качества жизни (как в примере с часами), не может само по себе считаться достаточным для того чтобы быть водоразделом культурных эпох. Понятие «современные технологии» распадается поэтому на непосредственно техническое (например, мельницу, механические часы, калькулятор или двигатель), то есть некоторую «артефактную» составляющую, и нечто, что больше чем человек и чем вся техника; и это нечто параллельно всем феноменам и артефактам культуры. Это нечто, – выращенное, конечно, на основе цифровой системы организации данных, – отлично от классической техники – так как вводит новый порядок функционирования культуры и общества. Мыслить информационные технологии сегодня надо отталкиваясь не от технического или историко-научного дискурса, но исходя из проблематики культурных коммуникаций. На первый план выходит новый способ коммуникации и релевантная ему новая среда функционирования и оперирования, испещренная и поддерживаемая поставляемыми техническими новшествами, и уже затем, на втором плане, – нечто техническое. Исходя из этой точки зрения, мы вынуждены признать, что изобретение телефона и телеграфа имеет большее отношение к современной информационной культуре, чем даже изобретение калькулятора. Возможно, такая постановка вопро-

са может показаться несколько радикальной, поэтому проясним ее небольшим мысленным экспериментом. Скажем, некий писатель-фантаст мог бы написать книгу об параллельной вселенной, где бы никогда не был изобретен транзистор – и техника бы продолжала свое развитие в его обход. Мы бы тогда все равно имели право говорить об информационной культуре, предоставляющей нам сходные коммуникативные возможности, даже если бы у нее был нецифровой принцип кодирования и/или неэлектрический принцип функционирования.

Можно привести пример и другого важного свойства информационной эпохи. К примеру, ваша обувь уже рассказывает глобальной сети о ваших перемещениях и путешествиях: RFID-метка (Radio Frequency Identification Tag), внедряемая сегодня в огромное количество предметов потребления, начиная от книг и заканчивая обувью, в момент попадания в магнитное поле отправляет сообщение о модели, серии и партии, таким образом обозначая свое текущее положение. RFID-метки могут служить основой для любой системы слежения – в данном ключе проблема приватности выходит на принципиально новый уровень и заслуживает отдельного рассмотрения¹. В этом нет вашего активного участия как актора; здесь индивид, оцифрованный и пронумерованный, является лишь частью потока «большой интерпретации», обреченный коммуницировать со средой помимо своей воли и даже не осознавая этого. Таким образом, среда агрессивно инкорпорирует его в пространство виртуального взаимодействия, по-нуждая к виртуальной коммуникации.

Взаимообмен информацией между различными объектами быта, их каталогизация и сбор на серверах, распознавание и идентификация индивида, их использующего, автоматизированная обработка – все это позволяет валу информационного подстроиться специально под конкретного человека: отзывчивая среда, которая всегда предложит то, что нужно вам, и вы не сможете ей отказать, потому что, в отличие от менеджера по продажам, она *уже* знает о вас почти все.

Мы чувствуем структурное отличие и в следующем. Персональный компьютер, – классический атрибут и символ цифровой культуры – отсоединенный от глобальной сети, ближе к калькулятору, и даже – к турбине на заводе, или танку, – или вообще рогатке. И одновременно мы понимаем, что простой карбоновый браслет, который отправляет информацию о нашем пульсе на сервер медицинского уч-

¹ Абельсон Х., Ледин К., Льюис Г. Атака битов: твоя жизнь, свобода и благополучие в цифровую эпоху. СПб., 2009. С. 44–46.

реждения – ввергает нас во власть этого странного, плохо определяемого и почти неуловимого информационного Нечто.

Обобщая, мы можем сказать, что природа информационного в высвобождении коммуникации. Нутро коммуникационного лежит в приближении и множественном распространении, неуправляемом и quasi-управляемом копировании. Создание быстрого и близкого как последовательное исключение временности и протяженности – мы получаем сообщение по электронной почте из любой точки земли в течение двух-трех секунд – лишь одна из черт сегодняшнего бума технологий.

Все это доказывает то, что тургор информационного привел нас куда дальше, чем сфера исчислимости и предоставления гипертекстуальных и мультимедийных связей. Коммуникация, сбор, перераспределение, статистическая аналитика информации и перестройка системы под нужды конечного актора (или мета-автора гипертекста – менеджера контекстной рекламы), его идентификация, трассировка его маршрутов, аналитика его социальных связей и проч., является основной того самого, что сегодня называют довольно просто: «информационными технологиями», но подспудно подразумевают – намного большее.

Приходится сделать вывод о том, что то, что называется сегодня информационным – почти всегда низводят к цифровому, digital. Подобное упрощение, в том числе в академических работах, делает затруднительным выделение структурных черт информационной эпохи, наводя определенный уровень туманности в вопросах того, что является информационным, что техническим, проводя ложную преемственность от счетной машины Паскаля до современного Интернета. Мы могли бы предположить систему, не базирующуюся на двоичном коде и принятых стандартах бинарного кодирования, хранения, транспортировки и оперирования информацией. Мы должны разделить понятие технического и информационного, так как последнее несет коммуникативные коннотации, в то время как первое – механистические, указывающие на технические особенности основы современной информационной культуры. Ведь информационные технологии сегодня индуцируют культуру не просто как текст – что до этого и делал непосредственно текст. Интернет обладает большей властью и создает культуру именно исходя из порожденной им структуры коммуникации, отчуждая индивида из самого себя и навязывая ему гипертекстовый способ функционирования, новый способ существования культурного человека, новую систему способов действий и восприятий. Так, например, виртуальные события, развернувшиеся на просторах Интернета, влекут стихийное создание гипертекстовых узлов, содержащих критику, мнение касательно этих вирту-

альных событий. Подобные «волны» разрастания гипертекста, предметом и сюжетом которых служит также тот или иной гипертекстовый узел, событие, – возможно никогда не имевшее место в реальности, а существовавшие лишь в Сети («на экране», как сказал бы Бодрийяр)¹ – демонстрирует то, что гипертекст в форме Интернета живет своей собственной жизнью и все меньше нуждается в реальной референции. В очередной раз можно признать недостаточную ясность терминологии в вопросе о техническом, что понуждает исследователя из работы в работу прояснять свою терминологию, указывать «какое» информационное он имеет в виду.

В качестве вывода можно также отметить, что мы показали, как «классическое» техническое отличается от «информационного» технического за счет индуцирования создания принципиально новой сферы культурной коммуникации и функционирования.

Указанные выводы в некоторой мере проясняют суть информационного и его взаимосвязь с техническим, однако порождают ряд новых вопросов. Какова действительная роль «автора» и имеет ли он вообще место сегодня? Какими способами реализует себя коммуникация, в том числе культурная и политическая, в ситуации, когда становится затруднительным контакт с Другим, если его среда подвижна, подстраивается под него, «автомультимедийна» и часто ограждает от воздействий извне? Имеет ли место ре-идентификация, повторное высвобождение индивида из власти гипертекста, в ситуации креативных сред Веб 3.0 и что происходит с идентичностью – на полях нового, «отзывчивого» Интернета, предоставляющего пользователю новые степени свободы и одновременно с этим предопределяющего весь набор потенциальных возможностей?

Данные вопросы еще только ждут своего разрешения.

¹ Бодрийяр Ж. Дух терроризма // ИноСМИ. 2001. URL: www.inosmi.ru/untitled/20011106/142061.html.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

ПОСТСОВЕТСКАЯ НАУКА: АДАПТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

А. М. Аблажей

Решение стоящих перед страной задач невозможно без самого активного участия науки и научного сообщества, в связи чем важнейшее значение имеют ответы на вопросы о том, способна ли отечественная наука решить поставленные перед ней задачи в инновационной сфере, обладает ли она необходимым кадровым потенциалом, фундаментальным научным заделом, адаптационными ресурсами, соответствующей материально-технической базой. Не менее важны анализ социальных процессов, происходящих в науке, прежде всего в ее академическом секторе, выявление как кризисных моментов, так и точек роста – имея в виду прежде всего изменение ценностных установок человека науки.

Актуальность подобных исследований не в последнюю очередь связана с часто звучащими в адрес научного сообщества упреками в «консерватизме», «неумении (нежелании) перестроиться», «чрезмерном увлечении фундаментальными исследованиями в ущерб прикладным» и т. д. Между тем сфера исследований и разработок – а речь пойдет в первую очередь о фундаментальной (академической) науке – при сохранении внешне вполне традиционного облика все же за последние 20 с небольшим лет очень сильно изменилась по целому ряду важнейших параметров. Исходя из этого, академическая наука де-факто является элементом инновационной системы страны.

Важнейшую роль в анализе ситуации в отечественной науке и построении прогнозов ее дальнейшего развития призваны сыграть социальные исследования «внешних» и «внутренних» связей науки (острую необходимость в которых подчеркивает, например, один из

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 15-03-00437.
Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений

крупнейших отечественных ученых А. Юревич¹). С этой целью в 2009–2013 гг. мы провели серию фокусированных интервью с руководителями (на уровне ученых секретарей и заместителей директоров по науке) ряда академических НИИ Новосибирского, Иркутского, Красноярского и Томского научных центров СО РАН. Адаптированный под задачи исследования вопросник включал следующие основные блоки: структура финансирования института, соотношение фундаментальных и прикладных исследований, кадровая ситуация, способы оценки научной деятельности сотрудников.

Финансирование науки

В целом сложившуюся практику финансирования академического института можно представить в виде своеобразной триады: базовое бюджетное финансирование, конкурсное бюджетное финансирование, внебюджетное финансирование. Что касается долей того или иного вида финансирования, то в типичная схема выглядит следующим образом: «около 1/3 всего финансирования [института] – это так называемый базовый госбюджет... сейчас эта цифра стала чуть побольше, и это связано с окончанием пилотного проекта... повысили оклады научным сотрудникам, поэтому даже если научный сотрудник не имеет грантов или каких-то внебюджетных источников, тем не менее уровень зарплаты сейчас... приемлемый... Следующая часть финансирования – это всевозможные гранты, [в том числе] бюджетные – в нашем Сибирском отделении это интеграционные проекты, программы РАН. По сути, это тоже бюджетное финансирование, но только на конкурсной основе распределяется. Другие гранты – гранты международные, гранты РФФИ и т. д. Все вместе это тоже около 1/3. Оставшиеся около 30–40 % – это контракты и хоздоговоры».

Что касается принципов распределения ресурсов в рамках институтов, то на сегодня сложились две типовые модели распределения средств, поступающих на конкурсной основе (интеграционные и междисциплинарные проекты, гранты, хозяйственные договоры и пр.). Первую модель можно условно обозначить как федеративную: в рамках административно единого института существуют лаборатории (сектора, группы), обладающие той или иной степенью самостоятельности: («институт – как федерация различных направлений, которые

¹ Гиндилис Н. Серия интервью с российскими учеными // Вестник Института социологии. 2011. № 2. Приложение № 3. С. 1–106. URL: www.vestnik.isras.ru/article.html?id=133&jid=105&jj=7.

друг с другом не конкурируют»). Зарабатываемые ими деньги, за исключением определенной доли (в разных институтах она разная, но в целом колеблется вокруг цифры в 20%), отдаваемой в общеинститутскую кассу и поступающую, таким образом, в распоряжение руководства института, они распределяют сами, внутри себя, не спрашивая на то разрешение дирекции. Это неизбежно приводит к тому, что появляются «бедные» и «богатые», как лаборатории, так и научные сотрудники («при этом, конечно, дифференциация в зарплатах достаточно большая, если говорить о научных сотрудниках, потому что если люди активные, помимо своего бюджетного оклада хорошо публикуют статьи, готовят студентов – это добавляет баллы в систему ПРНД, эти же люди, поскольку они активны, они и гранты выигрывают соответственно»), со всеми вытекающим отсюда последствиями. Это не в последнюю очередь касается межличностных отношений между членами одного академического коллектива: возникает чувство зависти, несправедливости, появляются обиженные, «обойденные» и пр. Многие ученые, особенно старшего поколения, воспринимают подобную ситуацию очень болезненно. Задача сглаживания возникающих конфликтов путем перераспределения ресурсов (те самые 20%) ложится на ученый совет и дирекцию.

Вторая модель – унитарная: все зарабатываемые институтом деньги, в том числе по грантам и хоздоговорам, сосредоточиваются в руках дирекции, которая при их распределении учитывает не только личный вклад ученого или лаборатории, но исходит в первую очередь из выработанной ею стратегии развития института, *своего* понимания того, как нужно распределить средства между подразделениями и отдельными людьми. Понятно, что при такой модели на дирекцию падает большая доля ответственности за положение дел в институте, не исключая лоббистской деятельности в фондах, органах власти и т. д. Такая схема, кстати говоря, отнюдь не устраняет материальную дифференциацию в коллективах академических учреждений, о которой говорилось выше.

Следует отметить и то очень важное обстоятельство, что деление на «богатых» и «бедных» зачастую повторяет разделение на «фундаментальщиков» и «прикладников», при вполне справедливом негодании первых: ведь прикладные разработки, как правило, основаны на фундаментальных результатах, ставших так или иначе итогом исследовательских усилий всего коллектива института: «неправильным было все время ориентироваться лишь на результат, без фундаментальных исследований не будет прикладных. Когда все поймут, что хватит уже эту часть сокращать».

На фоне недавней дискуссии о дальнейшей судьбе государственных научных фондов сами ученые не склонны переоценивать их ре-

альную долю в финансировании исследований: «в последние годы уровень финансирования и по программам РФФИ, и по программам ведущих научных школ – он стал просто очень-очень маленьким, потому что когда грант ведущих научных школ в 400 тыс. рублей на коллектив из 20–30 человек, это даже не смешно. Ну и грант РФФИ средний – 400 тыс. – на коллектив из 10 человек, это тоже, на самом деле, несерьезные деньги, поэтому в этом и есть, наверное, одна из причин такой сложной ситуации с молодежью, потому что привлекать ее можно тогда и только тогда, когда будут большие проекты, миллионники, конечно же, и тогда, когда из этих миллионников можно будет платить той самой молодежи, чтобы она все-таки работала в основном здесь, а не где-то на стороне».

В отдельных, наиболее успешных с финансовой точки зрения институтах внебюджетное (хоздоговорное) финансирование зачастую составляет более 50% всего бюджета института. Правда, в соответствии со сложившимися принципами подсчета в сумму средств по статье «хоздоговора и контракты» включаются также средства от зарубежных грантов, однако в проведенных интервью вполне четко прозвучала мысль, что место зарубежных партнеров как основного в недавнем прошлом источника внебюджетных доходов сегодня прочно заняли отечественные компании. Наиболее распространенной формой сотрудничества стали хоздоговора с отечественными бизнес-структурами. Повсеместное распространение получил курс на гораздо более тесное сотрудничество с местными властью и крупным бизнесом. Особенно это характерно для НИИ естественнонаучного и информационного профилей Красноярского научного центра, что связано с реализацией целого ряда крупных проектов, например строительством Богучанской ГЭС или развитием «Норильского никеля». По итогам 2013 г. общая сумма поступлений в бюджет институтов СО РАН по статье «Целевые и безвозмездные поступления, включая гранты РФФИ и РГНФ», составила 984,9 млн. руб. (в 2008 г. – 1215,8 млн.), тогда как по статье «Хозяйственные договора и контракты» – 5740,9 млн. (в 2008 г. – 3983,5 млн. руб.)¹.

Увеличение доли внебюджетного финансирования, помимо отмеченной выше дифференциации доходов научных сотрудников в рамках одного учреждения, влечет за собой и рост интенсивности труда («люди работают без выходных и отпусков»), и естественное падение значения традиционных, сугубо научных показателей успешности

¹ Сибирское отделение РАН в 2013 году. URL: www.sbras.ru/win/sbras/rep/rep2013/tom2/1_2.pdf.

научной деятельности: «у нас бывают крайности такие: если человек работает по контракту, у него зачастую не хватает времени на выполнение других работ – на написание статей. У него зарплата может быть достаточно высокой за счет контракта, но за счет других составляющих может понизиться». По сути, это может означать, что для некоторой части научных работников наука становится бизнесом и соответствующим образом оценивается – не по количеству статей, а по величине доходов. Надо ли говорить, что подобное развитие ситуации может привести к самым неожиданным для науки последствиям.

При этом часть научных сотрудников, прежде всего старшего поколения, вообще считает все разговоры о деньгах, грантах и т. д. неприемлемыми с точки зрения этоса науки, характерного для российских ученых. Подобная тенденция проявилась не сегодня: результаты проведенного нами в 2004 г. массового опроса сотрудников научных и образовательных центров Сибири показали, что большинство из них негативно оценивали усиливающуюся коммерциализацию науки, имея в виду выдвигание на первый план сугубо коммерческих дивидендов от того или иного исследования, зачастую в ущерб научным¹. Из этого следует, что оценивать эффективность деятельности академического института, исходя исключительно из финансовых показателей, было бы неправильно, поскольку заметная часть сотрудников и не ставила себе подобной цели, считая первоочередной задачей получение нового знания, что, напомним, в рамках классической модели науки Р. Мертона является ее главной задачей.

Кадровая ситуация

Прежде всего стоит отметить консервацию кадровой структуры академических учреждений, поскольку одним из условий поэтапно реализованного в 2006–2008 гг. пилотного проекта был запрет на открытие новых ставок при одновременном 20% -м сокращении существующих (заметим: в большинстве институтов «резать по живому», т. е. сокращать реальных людей, а не «мертвые души», пришлось только на последнем этапе, в 2008 г.). Старшее поколение очень неохотно уходит на пенсию (поскольку это означает падение уровня доходов в несколько раз), как следствие, ротация кадров и возможности омоложения коллективов академических учреждений сильно осложнены. Выходы самые разные: от дробления ставок, когда на од-

¹ Плюснин Ю.М., Куперштох Н.А., Аблажей А.М. Научные сообщества сибирских городов (по материалам полевых исследований) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 4. С. 130–141.

ной бюджетной ставке могут находиться до нескольких человек («на сокращенные ставки – 0,5 и т. д. – переводили людей, которые могли бы поддержать себя другими средствами, например грантами. В одной лаборатории вообще все перешли на 0,9 ставки, чтобы дать возможность оставить одного человека, которому грозило сокращение: профессиональная солидарность»), до примеров содержания молодых за счет либо внутрилабораторных, либо институтских внебюджетных средств. В одном из институтов Красноярска в ходе интервью ученый секретарь уверенно заявил, что существующие финансовые возможности дирекции дают ей большую свободу маневра и нужного специалиста институт может содержать на внебюджетные деньги и год, и два, и три – до тех пор, пока не освободится бюджетная ставка. Часть руководителей НИИ считает такое решение кадровой проблемы, как дробление ставок, вынужденным и объективно нарушающим принципы существования академических институтов; другие, напротив, считают этот способ вполне приемлемым, рассматривая его, кроме прочего, в качестве весомого стимула для того, чтобы сотрудники активнее искали источники дополнительного финансирования.

Что касается институтов Новосибирского Академгородка, то здесь специфика сложившейся кадровой ситуации тесно связана с историей становления научного центра: «Пока торжествует схема эволюционной смены, естественного ухода старшего поколения, но вряд ли она оптимальна. Задача – создать финансовую основу для отправки людей на пенсию, при возможности приходиться в институты [для занятий наукой]. Сегодня характерна консервация кадрового состава институтов, и пока не видно способов, как в этих условиях привлекать молодежь». Своеобразным ноу-хау Сибирского отделения с 2007 г. стал проект организации специальных 2-летних ставок для молодежи (некий аналог постдоков), масштаб которого постоянно возрастал: с 300 – в 2007 до 600 – в 2009 г. Жестким условием при этом являлось обязательство молодого научного сотрудника за эти два года защитить кандидатскую диссертацию. В октябре 2010 г. РАН сумела «выбить» в правительстве 1 тыс. отдельных ставок для молодых кандидатов (до 35 лет) и докторов наук (до 45 лет) (в соответствии с поручением президента по итогам встречи с Президиумом РАН 15 декабря 2009 г.).

В целом мнения респондентов о кадровой ситуации разделились. Часть из них, соглашаясь с наличием дефицита научных сотрудников среднего возраста (от 40 до 55 лет), одновременно говорила о подросшей смене и выражали уверенность в том, что смена поколений будет идти без резких и болезненных колебаний. Другие, напротив,

оценивали ее гораздо более негативно: «Не окажемся ли мы в ситуации научного Чернобыля, когда все есть, а людей нет, даже несмотря на большие относительно зарплаты? Если раньше была проблема, что не на чем было работать, то теперь есть на чем, но уже, похоже, некому. Не знаю, насколько это остро стоит в других институтах, но у нас проблема просматривается».

Оценка продуктивности научной деятельности

Большинство наших респондентов сошлось на том, что существующие системы оценки (ПРНД) вызывают, как минимум, неоднозначную реакцию среди научных сотрудников академических институтов: «доведение до общего сведения рейтингов как отдельных сотрудников, так и лабораторий вызывает неоднозначную реакцию. Кто-то недоволен, начинаются жалобы, растет напряженность внутри коллектива. Но мы это понимаем и твердо выдерживаем свою линию: должны быть лидеры и очевидные успехи должны поощряться». Подходы бывают разные: одни институты стараются включить в систему дополнительных выплат максимально большое число сотрудников, что приводит к «размазыванию» премиального фонда и крайне незначительному размеру надбавок. В других – подход может быть противоположным: «наш подход – лучше опубликовать одну статью, но в престижном журнале и резко поднять свой индекс цитирования, чем много мелких публикаций, которые никто не читает. За это институт готов платить внушительные надбавки – до 20–30 тысяч в месяц из фонда дирекции».

Результаты проведенного исследования позволяют опровергнуть многие критические утверждения. Прежде всего, совершенно очевидно, что наука в России, включая планирование и организацию научных исследований, принципы и способы их финансирования, результативность, оценку продуктивности, наконец, профессиональный менталитет значительной части членов научных сообществ, стала существенно иной, по сравнению с серединой 1990-х или началом 2000-х гг. Ученые научились работать в рыночных условиях, приобрели опыт быстрой и успешной адаптации к меняющемуся социальному, управленческому и экономическому контексту.

В постсоветскую эпоху происходит постепенная, но весьма существенная трансформация системы ценностей и профессиональных приоритетов российских ученых. Воспроизводство науки как социального института и той сложной системы взаимоотношений, которая вокруг него выстраивается, происходит в качественно иных условиях, притом что важнейшие тенденции, складывавшиеся с середины 1990-х гг., когда, собственно, и началась масштабная реформа

русской науки, продолжают сохранять свое значение и сегодня. Среди ученых нарастает ощущение того, что кризисное положение науки в обществе, невнимание к ее нуждам негативно сказывается на квалификации людей, работающих в науке. Почти половина наших респондентов, оценивая профессиональный уровень своих коллег, дали ему среднюю оценку, и лишь один человек поставил высший балл. Анализируя полученные от участников обследования ответы относительно степени их индивидуальной адаптации к новым социальным и экономическим условиям жизни, следует сделать вывод, что здесь картина относительно благоприятная. Более половины обозначили свой уровень адаптации как средний, каждый десятый вообще выразил уверенность, что он хорошо адаптирован. Правда, четверть респондентов отметила, что адаптация к новым условиям происходит с трудом.

Взаимодействуя сложным образом с различными культурными образцами (поведения, построения карьеры и т. д.), находясь под мощным влиянием изменяющихся социальных и экономических условий, и сама наука как социальный институт, и люди науки существенным образом меняются. Эти изменения особенно характерны для периодов кризиса традиционной модели профессиональной карьеры ученого (появления нескольких конкурирующих векторов жизненного пути ученого), что ярко проявилось в отечественной науке в последние два десятилетия. Молодой ученый академического института середины 2000-х гг., с одной стороны, хорошо усвоил правила игры и выстраивания карьерных стратегий, сложившиеся в современном российском, преимущественно советском по происхождению, академическом сообществе, с другой – гораздо более адекватно реагирует на постоянно изменяющиеся условия существования науки, более активен в различного рода контактах с зарубежными коллегами, не заикливается на устоявшихся формах успеха и т. д. И такой тип ученого – это уже продукт постсоветской науки.

Важный момент – роль науки, научной атмосферы, общения с учеными как питательной среды для появления инновационного мышления. Наши исследования показывают, что участие в научном поиске, следование высоким образцам морального и профессионального служения науке являются важнейшим мотивом для прихода молодежи в науку. И даже уйдя из нее в инновационный бизнес, человек сохраняет уважение к науке, умеет говорить на ее языке и т. д. Роль науки в социуме двояка: будучи в хорошем смысле консервативным социальным институтом, сохраняя высочайшую планку интеллектуальных требований, воспитывая профессионалов, она одно-

временно является и локомотивом прогресса. Другое дело, что наука зачастую проигрывает соревнование за таланты с новыми сферами приложения сил для одаренной молодежи, имеющей высокий уровень образования и повышенную планку жизненных потребностей. Но пройденная в науке школа, если угодно – школа самого инновационного мышления, – всегда является мощнейшим ресурсом профессионального роста и карьеры в различных сферах интеллектуальной деятельности.

Анализ первых итогов проведения радикальной реформы сферы фундаментальных исследований (реформирование РАН, создание Федерального агентства научных организаций и другие мероприятия) показывает, что в основе всех современных трансформаций данной сферы лежит конфликт дирижистских и нелиберальных сценариев ее развития в кратко- и среднесрочной перспективе. Наряду с усиливающейся тенденцией к бюрократизации, сужению свободы маневра для научных организаций наблюдается рост интереса к вопросам коммерциализации результатов исследований, спроса на рыночные способы планирования, финансирования и оценки результативности деятельности исследовательских структур. Существенное влияние на процессы, идущие в сфере фундаментальной науки, оказывает ее взаимодействие со сферой высшего образования, налицо тенденция к углублению интеграции, и инициатива здесь исходит, как правило, от крупных передовых вузов – федеральных или национальных исследовательских университетов. В перспективе весьма вероятно создание научно-образовательных холдингов или консорциумов как минимум регионального масштаба при ведущей роли тех же самых университетов. Тенденция к интеграции будет укрепляться и не в последнюю очередь в силу обострения конкуренции за сокращающиеся ресурсы. Наконец, важнейшее значение имеет то, как поведет себя профильное министерство и ФАНО, останутся ли НИИ слугами двух господ – РАН и ФАНО, или так или иначе станут частью «глобальных университетов».

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В ЭПОХУ СОВЕРШЕНСТВА ТЕХНИКИ

В. Е. Никитин

Как только техника становится все-объемлющей формой материального производства, она переписывает всю культуру.

Герберт Маркузе

«Совершенство техники» – так называется одна из известных работ Ф. Юнгера, идеи которой легли в основу авторского замысла данной статьи. Но если Ф. Юнгер уделил основное внимание общечеловеческим и социальным проблемам, связанным с технизацией современной жизни, то автор этой статьи обращается к анализу специфики существования образования и науки в мире развитого автоматизированного производства. Современная система образования ориентирована на научно-техническое отношение к миру. Дисциплины, изучаемые в школе, в подавляющем большинстве представляют собой пути, ведущие к храму современной науки, которая, по известному выражению П. Фейерабенда, превратилась ныне в церковь. Предметы же, изучаемые в университетах, предполагают знакомство с основами научных знаний и научных методологий. Такая система образования закладывалась еще в Новое время и стала приобретать современные очертания в XIX веке. Уже в трудах основателей позитивизма Сен-Симона и Конта присутствует обоснование ориентации образования на науку и ее достижения. Специфика современной ситуации заключается, прежде всего, в том, что нынешняя система образования преимущественно ориентирована на математическое естествознание и технические науки. В чем же причина такого положения вещей, и каковы его последствия для развития культуры и человеческого существования в целом? Авторитет математического естествознания и, основывающихся на нем, технических наук в современном

мире обусловлен, прежде всего, тем обстоятельством, что данные науки выступают в качестве теоретической основы и средства для создания «второй природы», мира технической цивилизации. Современная наука ориентирована уже не столько на познание действительности, сколько на исследование, направленные на создание машин, обеспечивающих человеку материальный комфорт и расширяющих его возможности в деле эксплуатации природы. Это силы, творящие, созидающие новый мир, в котором господствуют техника и рациональность, порядок, прагматизм и расчет. Мир, в котором человек все меньше работает, но все больше производит и потребляет, мир, где мысль вытесняется и подменяется информацией. Это мир, который продолжает жить иллюзией Огюста Конта, утверждавшего, что именно опытная наука и техника смогут в обозримом будущем решить все насущные человеческие проблемы, о которых веками бесплодно рассуждала философия. Именно эта старая иллюзия лежит в основе современной системы образования, которая уже не видит иных дорог к храму. В результате то, что ныне зовется образованием, уже не соответствует своему понятию, своей сущности.¹

Вместо образования, основная цель которого изначально заключалась в духовном становлении человека, в формировании его неповторимой индивидуальности, мы имеем обучение навыкам, законам, правилам и алгоритмам деятельности. Человек в этих условиях становится объектом рационального управления. Его поведение в мире задается рациональными правилами и функциями. Следствие – автоматизм существования, при котором человек уже не нуждается в работе творческого мышления. Современная техника в руках рационального человека является не только инструментом для разграбления природных богатств, но и средством для истощения его собственных духовных ресурсов. Научно-технический прогресс, коренным образом изменяя мир, изменяет и самого человека. Состояние души современного человека, его жизненные установки в значительной степени определяются характером той цивилизации, которая возникла усилиями математического естествознания и техники. Именно об этом предупреждали человечество Ф. Ницше, Н. А. Бердяев, А. Швейцер, Х. Ортега-и-Гассет и многие другие мыслители в конце XIX и начале XX века. Только «вхождение машины», как назвал это явление Бердяев², оказалось куда более глобальным, а его последствия ставят под сомнение дальнейшие перспективы человека. Кстати,

¹ Никитин В.Е. Кризис образования и философия // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. М.; СПб., 2009. С. 41–50.

² См.: Бердяев Н.А. Смысл истории. Глава VIII: Конец Ренессанса и кризис гуманизма. Вхождение машины. М.: Мысль, 1990.

это вхождение уже давно фиксируется в фигурах нашей повседневной речи. «Он работает как машина» – нередко говорим мы о человеке, который эффективно и сосредоточенно трудится, не нуждаясь подолгу в отдыхе. «Красная машина» – так восторженно называли на западе легендарную советскую сборную по хоккею с шайбой, которая из года в год, с редкими паузами относительных неудач, завоевывала золотые медали на мировых чемпионатах и олимпийских играх. Этого оборота речи не избежал и наш выдающийся коллега М. К. Мамардашвили, по известному выражению которого, миф является «чело-векообразующей машиной»¹.

Ощущение приближающейся угрозы машинного царства присутствовало во многих научно-фантастических произведениях прошлого века. Основная же ошибка футурологов и фантастов заключалась в том, что там предполагался некий конфликт между машиной и человеком, предполагалось грядущее восстание машин-роботов против человека, в котором бездуховная, но точная машина, противопоставлялась духовному, но склонному к ошибкам и эмоциям, человеку. И человек, в конечном счете, успешно противостоял умной и коварной технике, подавляя ее восстание. Действительный ход событий, как всегда, превзошел все самые фантастические ожидания. Дело в том, что главным и, можно сказать, судьбоносным результатом этого процесса явилась технизация и инструментализация самого человека, который незаметно для себя самого стал превращаться в подобие технического устройства при сохранении прежнего внешнего человеческого облика.

В чем же заключается сущность технизации человека и каковы последствия этого процесса? В век техники, в условиях автоматизированного производства человек становится элементом технической организации, которая видит в нем, прежде всего, носителя некоторой функции и оценивает его с точки зрения успешности выполнения этой функции. Техническая организация или «технический коллектив» в терминологии Ф. Г. Юнгера – это коллектив, который держится на механическом принуждении и труд в котором принимает принудительный характер. В то же время, эта принудительность может быть не очевидной и не осознаваться самими членами коллектива. В основе деятельности такого рода коллектива лежит целесообразное мышление, изначально заложенное в технике и, по мере ее функционирования в обществе, превращающееся в особую организацию труда и жизни. Само существование технического коллектива предполагает

¹ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М., 1997. С. 12.

функцию руководителя, организатора или бюрократа. Власть функционера, возглавляющего коллектив, формально опирается на право, но в действительности ее опорой является совокупность технических принципов, которыми определяется функционирование технического коллектива. Узкий функционализм в организации труда, господствующий в таком коллективе формирует соответствующих узких специалистов: специалистов-рабочих, специалистов-техников, специалистов-ученых и специалистов-организаторов. Такого рода коллективу нужны не люди-личности, а люди-функции, которых ему услужливо готовит современная система образования. Обучение и образование в технократическом обществе ориентированы на то, чтобы сформировать человека-специалиста, «сделать из него полезное и готовое к использованию существо, необходимое для рабочего процесса и его функций»¹.

Техническое так глубоко входит в плоть человеческой жизни и мышления, что граница между техническим и собственно человеческим началами это не граница между машиной и человеком в физическом пространстве этого мира, а граница между машинным и собственно человеческим, проходящая через саму нашу душу, через наше сознание. В результате человеческое сознание, возникшее в ходе использования инструментов и механизации труда, попадает в составленную им самим ловушку целесообразной рациональности. С одной стороны, человек исторически формировался в процессе трудовой деятельности, но, чем более этот труд становится машинным, тем более машинными, становятся жизненный мир и сознание человека.

Определяя сущность современной капиталистической экономики, М. Вебер ввел понятия «рационализации» и «целерационального действия», где под рационализацией имеется в виду тотальное подчинение всех общественных сфер стандартам рационального прагматического решения. Рационализация социальной жизни распространяется на функционирование всех систем современного общества, включая науку и образование, лишая эти системы, автономности и способности к разумной реконструкции.

Целерациональная деятельность по своей природе предполагает не только наличие определенного порядка существования социальных систем и самого человека, но осуществление неусыпного контроля за их функционированием. Формами такого контроля в системе образования являются различные тесты, стандарты, рабочие программы и количественные показатели. В науке – это, прежде всего, различные индексы цитирования. Неэффективность такого рода форм контроля весьма очевидна. О чем, как правило, может свиде-

¹ Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб., 2002. С. 471. Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений

тествовать высокий индекс цитирования? Прежде всего, он свидетельствует о том, что идеи данного автора и методы его исследований принадлежат достаточно известной научной парадигме, которая разделяется большинством ученых в данной области. Это свидетельство того, что речь идет о хорошо известных и разделяемых научным сообществом идеях и понятиях, которые не выходят, по известному выражению Т. Куна, за рамки «нормальной» науки, то есть, не предполагают новых фундаментальных открытий и научных революций. Таким образом, наиболее высокий рейтинг обеспечен не тем исследователям, которые совершают новые открытия и предлагают оригинальные идеи, а тем «нормальным» труженикам науки, которые последовательно придерживаются уже давно известных, апробированных взглядов и концепций. Здесь тон задают скорее попугаи, чем редкие райские птицы. Такая система контроля за деятельностью ученых способствует развитию консервативных и застойных тенденций в науке. При этом самым главным и высоко оцениваемым качеством ученого оказывается способность его мышления отвечать задачам тотального планирования. В итоге научная деятельность приобретает форму универсального рабочего плана, который носит принудительный характер и резко ограничивает свободу ученого и его творческий потенциал, ибо подлинное творчество не возможно без свободы. Тотальное планирование и нормирование научной деятельности ведут не только к эксплуатации, но и к неоправданным затратам интеллектуальной энергии. Если над головой ученого висит дамоклов меч плана, согласно которому он обязан к определенному сроку написать определенное количество научных работ, то его основной задачей становится выполнение количественных показателей, а не научное творчество, не решение реальных научных проблем. Открытия в науке не совершаются по заказу и плану начальства. Научная деятельность в этих условиях приобретает характер имитации. Производится огромное количество научных работ, но сама наука при этом не развивается и не дает существенных результатов.

Если в природе мы имеем дело с уникальным и неповторимым (там нет двух абсолютно одинаковых деревьев или двух одинаковых камней), то в мире технического производства преобладает повторяемое и воспроизводимое. Эти повторяемость и воспроизводимость присутствуют как в деятельности производителя, так и в результатах этой деятельности. Поэтому, производимое и сам производитель становятся здесь воспроизводимыми и заменимыми. ЕГЭ – отнюдь не случайное, а закономерное явление в этом мире, это тоже определен-

ная техника по созданию неразличимого, одинакового и заменимого. Эффективность тестирования в различных сферах определяется тем, что человек становится все более рациональным, а, значит, и прогнозируемым существом. Слово «стандарт» в современной системе образования стало священным. Без стандартов и создаваемых на их основе безликих программ образование уже практически немислимо и недопустимо. Это признак того, что идеалы и нормы машинной цивилизации, наконец, восторжествовали и здесь. В итоге образование все более превращается в машинный, автоматический процесс, в котором человек-учитель вытесняется учителем-машиной.

Современное государство – это тоже машина, которая действует прагматично и беспощадно по отношению к человеку. Плоть этой машины – чиновничество. Чиновник отчужден от живой человеческой жизни, бездушен и ограничен не в силу своих внутренних качеств, а в силу того, что он является элементом государственной машины, исполняющим определенные функции. Чиновник – это функционер-специалист, управляющий деятельностью технического коллектива. При этом в качестве идеала, образца этой деятельности выступает машина, в которой все регламентировано и взаимозаменяемо. Чиновник – это узкий специалист, кругозор которого ограничен его непосредственными функциями. Он не выходит за рамки этих функций, не знает и не понимает сущности процессов, которыми управляет. Его задача заключается в том, чтобы управляемый им коллектив осуществлял некоторую деятельность, дающую определенный результат и, чтобы этот коллектив обладал надежностью машины. Такого рода функционер становится все более необходимой и доминирующей фигурой в современной технократической цивилизации.

Именно чиновник, а не ученый-преподаватель, ныне становится главной фигурой и в системе образования. Его основная задача на современном этапе, о которой он может и не подозревать, исправно выполняя свои функции, – перестройка этой системы согласно нормам и идеалам технической, машинной цивилизации. В этом и заключается основной смысл тех реформ, которые проводятся в образовании, окончательно извращающих его подлинную сущность.

Рационализация жизненных взаимосвязей в соответствии с принудительными стандартами и правилами означает институционализацию особого типа управления и господства, которые не укладываются в традиционные политические схемы. «Хитрость» технического разума, лежащего в основе такой общественной системы, заключается в том, что он как бы скрывает тайну ее подлинного содержания. На поверхности мы наблюдаем как бы ошибки, недочеты отдельных исполнителей, глупость или корыстный умысел чиновников. Иногда даже возникают подозрения о действиях некой «пятой колонны»,

которая исполняет тайный заказ, исходящий от внешних недругов. На самом же деле все это следствия или отдельные проявления деятельности технического разума, который представляет собой некую тотальную идеологию современного технократического общества. Причем, идеологию «по умолчанию», идеологию, скрывающую себя. И в этом ее страшная сила, в этом ее власть. Она является некой «темной материей» современного социума, определяющей его существование. Результатами давления этой «темной материи» являются возрастание репрессивности и отсутствие реальной обратной связи между отдельными элементами системы с органами управления и контроля, обратной связи между «эффективными менеджерами» разных рангов и теми, кем они руководят. Машине безразлично, что о ней думают и как к ней относятся. А если исчезает обратная связь, то исчезает и ответственность за принятие решений. И здесь мы оказываемся перед лицом кризиса самой рациональности, разумности этих решений, ибо они могут приниматься не на основе общезначимых проектов и ценностей, а на почве личного вкуса или корыстного интереса.

Одним из прямых следствий такого положения вещей является деполитизация основной части населения, его отчуждение от управления социальными и политическими процессами. «Решение технических задач не нуждается в публичном обсуждении... Поэтому новая политика государственного интервенционизма требует деполитизации основной массы населения»¹. Социальное развитие в этих условиях определяется логикой технического разума, которая воплощается в обществе в формах бюрократического контроля и управления. При этом решения, которые принимает бюрократия, исключаются из сферы общественного обсуждения. В итоге де-юре народ процветает в условиях демократических свобод, но де-факто он существует в пространстве тоталитарной бюрократической машины, решающей свои собственные задачи. Эта форма господства укрепляет свои позиции посредством различных современных технологий, в том числе, компьютерных. Но при этом и сама она является некой технологией, некой машиной. Тотальность этого господства заключается в том, что оно распространяется на все сферы культуры. Так, стремление науки и техники к господству над природой, в конечном счете, приводит к их господству над человеком. Теперь это, по выражению О. Шпенглера, «хитрое хищное животное» в стремлении максимально освободить себя от проблем непосредственного взаимодействия с природой,

¹ Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. М., 2007. С. 86.

оказывается в состоянии новой несвободы как зависимости от технического, которое создавалось им для собственного благоденствия и комфорта.

В технократическом сознании происходит очевидное вытеснение нравственности, ее отрицание как категории жизненных отношений. Нравственные оценки и принципы замещаются оценками юридическими. Современное право, современная юриспруденция представляют собой правила организации технократического социума и методы контроля за соблюдением этих правил. Развитие техники «как бы подвергает традиционные ценности прагматическому испытанию. В конце концов, ценностные убеждения должны сохраняться лишь постольку, поскольку они контролируемым образом взаимосвязаны с существующими и мыслимыми техниками, то есть с возможной реализацией ценности в производимых благах»¹.

В своем победоносном шествии технический разум, тем не менее, озабочен собственной безопасностью, собственной неуязвимостью. Поэтому, он, как правило, не декларирует своих собственных принципов и целей, и старается не оказаться объектом анализа и критики. Решая эту задачу, он стремится лишить общество, лишить человека возможностей для такого рода критики. В этом свете современная реформа образования, которая захватывает не только Россию, но и практически весь мир, может рассматриваться как целерациональное действие технического разума, направленное на утаивание, сокрытие собственной сущности. Эта деятельность технического разума является не осознанной до конца отдельными ее носителями, но она с необходимостью вытекает из внутренней логики его эволюции.

Подлинная, но не артикулируемая задача современных реформ заключается в создании такой системы образования, при которой, прошедшие ее, уже не имели бы возможности для осмысления ситуации, в которой они находятся, и не могли бы на нее влиять. Технократическая цивилизация, возникшая на почве научного прогресса, как это ни парадоксально, не предполагает фундаментального научного образования для большинства. Что касается ее отношения к гуманитарным наукам, то они терпимы для нее лишь в той степени, насколько способны оказать помощь техническому разуму в решении задачи сокрытия его подлинной сущности и устремлений. В этом основная причина непопулярности гуманитарных наук и философии. Дело не только в том, что эти науки изначально ориентированы на ценности и идеалы, далекие от норм и порядка машинной цивилизации. Дело в том, что они в определенной степени вредны и опасны этому порядку целеориентированного машинного царства, ибо спо-

¹ Там же. С. 143.

способны раскрывать и демонстрировать его антигуманную, античеловеческую сущность.

Не приходится спорить с Ницше относительно того, что человек есть незаконченное, незавершенное существо, что он лишь мост или путь к человеку будущего. Но вырисовывающийся на фоне обсуждаемых событий образ человека будущего представляется весьма далеким от ницшеанского проекта под названием «Сверхчеловек». В современном человеке, формирующемся машинной, технократической цивилизацией все отчетливее проступают черты не дионисийского половодья чувств, а контуры холодного рационального и бездушного механизма. Сверхчеловек начинает нам являться в неожиданном облике человека-машины. Технический разум, машинная рациональность, захватившая рычаги социального управления, выстраивает мир и в том числе науку, образование и культуру в целом, согласно своим принципам, согласно своей машинной идеологии.

С чем же могут быть связаны наши надежды на будущее и на что могут быть направлены наши усилия в настоящем? Необходим переход от рационально-машинного, потребляющего способа бытия к творческому и духовному. Эта необходимость может исторически реализоваться или в форме катастрофы, к которой нас ведет технократическая цивилизация, или в форме постепенного сознательного и направляемого самим человеком процесса. Разумеется, второй путь предпочтительнее, но для его реализации необходимы фундаментальные изменения в сознании человека, которые, в свою очередь, не возможны без столь же существенных изменений в характере цивилизации и, в частности, в самом образовании. Преодоление сложившегося порядка возможно только при наличии осознания и понимания его подлинной сущности. Поэтому, дело философа в этой ситуации должно заключаться не в отстранении, не в саркастических замечаниях и насмешках над этой системой (хотя она этого вполне заслуживает), и даже не в отчаянной борьбе с отдельными проявлениями идиотизма технического разума в лице отдельных его представителей. Задача заключается в объективном анализе происходящего, в том, чтобы открыть глаза тем, у кого они еще способны открываться, открыть для того, чтобы увидеть, что нынешний король на самом деле, все-таки голый. Но все наши усилия могут не дать никакого результата, ибо истина, как говорил тот же Ницше, сама по себе не обладает силой. Истина приобретает свой подлинный статус только при условии ее включенности во властный контекст. Власть должна не только услышать, но и возжелать этой истины. Что же касается новой системы образования, то она должна соответствовать челове-

ской природе, которая не исчерпывается и не определяется только гармонией холодных чисел. В этой системе образования должны занять свое место гуманитарные науки и философия, как науки предметом исследования которых является самое сложное из известных нам в мире существ по имени человек.

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ВИД СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ¹

О. Н. Черных

В ситуации реструктуризации социокультурной среды и возникновения новых форм коммуникации и трансляции опыта мы можем видеть новые способы полагания границ социального действия. Речь идет о возникновении *новой формы социокультурного взаимодействия*², основанной на сетевом организационном принципе – о сообществах, формирующихся на основании подвижных идентификационных границ отдельных участников коммуникативного процесса, формирующих совместные идентичности с другими участниками. Данную новую форму социальной солидарности и конституирования культурной реальности обозначают как сетевые сообщества.

Сетевые сообщества – новый вид социокультурной организации, основанный на принципе, прежде всего, «виртуально»-сетевой коммуникации³, технологическую инфраструктуру которой предоставляют коммуникативные возможности Интернета, хотя подобного рода групповые взаимодействия далее распространяются и в среде «дей-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект №15-33-01018.

² Впервые о формах общественного взаимодействия, которые приобретают разнообразные целеполагания, интересы и мотивы индивидов, писал еще Г. Зиммель. Идея форм социального взаимодействия может быть исходной для определения параметров современной социокультурной ситуации. См., напр.: *Зиммель Г. Общине. Пример чистой, или формальной социологии* // Зиммель Г. Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М., 1996. С. 487–490.

³ В своей последней монографии «Communication power» (2009) М. Кастельс трактует коммуникацию как процесс разделения смыслов и значений между участниками взаимодействия посредством взаимообмена информацией. Она определяется используемыми технологиями, характеристиками адресантов/адресатов, их культурными «кодами» и рамками самой коммуникации. См.: *Castells M. Communication Power. Oxford, New York, 2009.*

ствительных» связей, которые также начинают функционировать в близком к сетевому режиму. Таким образом выстраиваются профессиональные, досуговые и прочие персонализированные группы, предполагающие периодичность и «сериальность» единых групповых действий. «Виртуально»-сетевое сообщество¹ представляет собой «ячейку» социокультурной организации « сетевого» общества. Это коммуникационно-деятельностная интересубъективная «сетевая» групповая общность с принципиально подвижной множественной индивидуальной включенностью. Последняя соответствует принципу «множественной» идентичности, в которой находит целостность современная позиция Самости, реализующая свое «Я» через разнообразные позиции групповой идентичности.

Такая идентификационная практика формируется в рамках специфических взаимодействий, которые обладают некоторыми особыми характеристиками. Сетевая коммуникация может основываться на обмене как логически-линейными, так и чувственно-образными сообщениями, зачастую допускающая новые формы знаковых выразительных средств, что существенно расширяет возможности взаимопонимания и консолидации индивидов. В этом плане сетевая коммуникативная деятельность обретает важное значение не только для выполнения каких-либо социокультурных функций, но и, прежде всего, в порядке ключевой стратегии культурной идентификации в современном мире. Это дает возможность представителям различных культур, имеющим минимально необходимые навыки работы в Сети, легко адаптироваться и интегрироваться в коммуникативные взаимодействия, а также просто создает возможность получения человеком относительной полноты коммуникативного опыта как взаимодействия, так и знаний, хотя при этом и происходит снижение «пафоса глубины», то есть практика общения существенно стереотипизируется.

Концептуализируя современное пространство взаимодействий, задаваемое сетевой технологией, известный коммуникативист М. Кастельс говорит об исторически новой форме коммуникации, основанной на интерактивных коммуникационных возможностях Интернета, и для ее определения вводит понятие «массовой личностной коммуникации» (mass self-communication)². Данная новая ком-

¹ Примером данных сообществ могут выступать блогговые сообщества («текстовые» сообщества дневников), например, livejournal.com; более универсальные по целям коммуникации сообщества вроде vkontakte.ru, odnoklassniki.ru и т. п., имеющие большую популярность в России. Могут быть и специализированные сообщества – научные, политические, в т.ч. экстремистские и т. п.

² Castells M. Communication Power. P. 55.

муникативная модель сочетает в себе свойства как межличностной, так и массовой коммуникации: с одной стороны, она является массовой, поскольку потенциально может достичь глобальной аудитории, например, через такие всемирные ресурсы как YouTube, «блоги» и т. п.; с другой стороны, она является межличностной, поскольку само сообщение и совокупность его получателей изначально определяется индивидуально, и востребованность данного сообщения, включая принадлежность к его местонахождению в конкретной социальной сети определяется исключительно индивидуально.

«Массовая личностная коммуникация», таким образом, предполагает как межличностные, так и межгрупповые взаимодействия в режиме «реального» времени, с использованием любых доступных сетевых каналов общения, как глобальных, так и локальных или межиндивидуальных в зависимости от произвольно избранных целей и задач участников. Данная форма коммуникации сосуществует с наличными формами межличностной и массовой коммуникации и дополняет их.

Сочетание в одной коммуникативной практике различных форм фиксации опыта – текстовой, аудиальной, визуальной (включая такой опыт видения как «видео»), а также возможность произвольного связывания последних в процессе взаимодействия, создает возможность полагания в каждом отдельном случае уникального группового опыта, реализуемого в сетевых сообществах. Каждое сетевое сообщество обладает специфическим набором (из арсенала возможного) форм фиксации и презентации коллективного опыта – смыслов, образов и эмоциональных переживаний с помощью «типологизированных» внутри группы средств выражения, что создает специфическую общность и идентичность участников.

Множественные взаимодействия, а также их специфический персонализированный характер каждый раз создают уникальный план опыта, имеющий целостный групповой характер, но переживаемый каждым отдельно, поскольку индивид, включенный в практику сетевых взаимодействий, каждый раз оказывается в ситуации уникальной множественности переживаний, соотнося себя с избранным количеством групповых идентификационных программ. Такая возможность обретения множественного, но одновременного опыта стимулирует активность человека. В то же время, чем более активен оказывается индивид, тем выше становится и степень стимулирования данной активности, постоянно повышая потенциал креативности и создавая гибкие и изменяющиеся условия самореализации. Данная «гибкость» способов реализации внутригруппового опыта, оказывает

существенное влияние на идентификационную позицию индивида. Современный человек в рамках потенциального разнообразия сетевого взаимодействия, может найти свое «место» практически в любой, не противоречащей его персональным позициям, сетевой группе, а также в рамках разворачивающейся коммуникации изменять отношение к целому ряду идентификационных позиций. Открытая множественность сетевых групп представляет индивиду возможности самореализации в границах собственной идентификационной системы в рамках соответствующих последней избранных сетевых взаимодействий.

Реализация различных образов Самости происходит через разнообразные группы, где отдельные измерения последней преломляются в специфической коммуникативно-деятельностной практике конкретного сообщества, имеющего свои «проекты» и «сценарии». Сами же группы имеют тенденцию к обособлению, где каждое объединение, несмотря на общие для всех сообществ организационные модели, претендует на уникальность собственного коммуникативного сценария, разворачивающегося вокруг центральной проблематики. Это оказывается возможным постольку, поскольку внутригрупповое взаимодействие предполагает совместную межиндивидуальную деятельность, и, кроме того, последняя регламентирована определенными внутригрупповыми нормами.

В целом границы сетевых групп достаточно подвижны в силу того, что в деятельности последних заложена тенденция к непрерывным изменениям, поскольку в основе этой деятельности лежит принцип самоорганизации, усиливаемый специфической свободой сетевой коммуникации, предполагающей жесткую систему интерперсональной организации. Жесткость здесь основывается в том, что, собственно, само существование сообщества базируется именно на непрерывности и энергичности коммуникативных взаимодействий, при разрушении которых исчезает сама группа. Стоит, правда, отметить, что динамика интерперсональных взаимодействий может иметь различный характер, предполагая как периоды интенсивных, так и пассивных действий. Функционирующие, например, в социальных сетях группы могут на каких-то этапах вести энергичную деятельность, затем ее приостанавливать, потом снова активировать, при этом часто активизация будет вызвана изменением состава участников взаимодействий или же осуществляемых «проектов».

Сетевые сообщества – это форма свободной интеграции, участие индивидов в данных сетевых взаимодействиях предполагается как свободное и условное, но при этом уровень организации коллективной деятельности может быть исключительно высоким. Каждый конкретный индивид в рамках сетевых взаимодействий может осу-

ществовать разнообразную intersубъективную коммуникацию с представителями различных сообществ, причем в каждом случае как принимать социокультурные установки собеседника, идентифицируя себя с его сообществом, так и не разделять представления и практики данного сообщества. Тем не менее, он будет, пусть и поверхностно, переживать некоторый опыт участия, выражаемый в презентативных практиках, например, принимая «революционную» образность и отдельные броские формулы и лозунги, но не стремясь к реальным агрессивным действиям, допустим, «экстремистских» групп.

Это дает нам возможность утверждать, что индивид при включении в данные сообщества может сохранять собственную ценностную и деятельностьную ориентированность и формировать подвижные и множественные границы одновременного присутствия в различных сетевых группах, зачастую весьма противоречащие друг другу по идеологическим, эстетическим и т. д. установкам.

Сетевой принцип организации также предполагает автономность кластерных сообществ и «горизонтальные», внеиерархичные взаимодействия. Так, М. Кастельс пишет, что все сетевые сообщества функционируют, основываясь на двух главных, общих культурных ценностях: ценности горизонтальной свободной коммуникации и самоорганизации, дающей возможность каждому придерживаться собственных социокультурных ориентаций. Все остальные ценностные критерии определяются внутри группы и, как правило, связаны с ее презентативными практиками, то есть имеют, скорее, формально-стереотипный характер, служа продуктивности типологизации внутренних и внешних регламентаций деятельности своих участников. Более того, такая расстановка ценностных ориентиров распространяется из Интернет-сообществ по всему социальному пространству¹, что позволяет говорить о расширении сетевого принципа организации на все социокультурное пространство глобального мира.

Внеиерархичность формируемого мира позволяет по-новому рассмотреть вопросы о массовости и элитарности, поскольку если тенденция к массовизации сохраняется, то она подчиняет себе и принцип «избранности» и уникальности. Это выражается во множественном представлении об «элитах».

В рамках конкретных сетевых сообществ организация может иметь вполне иерархичную структуру с фигурами «основателей» группы, лидеров и «модераторов», которые могут исполнять, например, дисциплинарную функцию или функцию «законодательную». В

¹ Кастельс М. Галактика Интернет. М., 2007. С. 72–73.

плане контроля за действиями участников жестко регламентированные сообщества в рамках своей «юрисдикции» могут рассматриваться как абсолютное выражение принципа дисциплинарности и полная реализация идеи «паноптического» общества, раскрытого М. Фуко. Дисциплинарные практики как «техники изготовления полезных индивидов», через которые реализуется «нормализующая власть», систематизирующая пространство, не заполненное законами, и устанавливающие тотальное «инфранаказание» за каждый проступок (как отклонение от принятых «эксплуатационных» норм)¹, являются достаточно опасной тенденцией в Сети. Тот «далекий гул сражения» за свободу от дисциплинарного общества, который призывал услышать М. Фуко в последних строках «Надзирать и наказывать» может оказаться звуком новых «дигитальных» оков: так, в Сети фигура Надзирателя сменяется фигурой Модератора. Данная проблематика свободы в Сети вызывает обеспокоенность у многих авторов, например, у Г. Рейнгольда, одного из первых исследователей, взявших концептуализировать феномен сетевых сообществ, который сменил оптимистичный тон своего первого издания «Виртуальной общины» (1993) на нейтральный во втором, ревизионном издании, вышедшем семью годами позже, когда сетевая коммуникация получила достаточно массовое распространение. Так, Рейнгольд говорит о том, что перспективы развития Сети включают в себя как реализацию идеи «электронной агоры», так и «паноптикума»².

В то же время в сообществах в основном отсутствует контроль за не связанными с деятельности группы интересами участника. Кроме того, в процессе функционирования отдельного сообщества могут формироваться новые «партии» участников, способные захватить «власть» как организационную позицию и трансформировать нормативные порядки деятельности. Более того, принципиальная свобода сетевой коммуникации заключается в том, что любой участник Сети может создать свое сообщество, что достаточно проблематично во внесетевой социальной реальности.

Рассматриваемые нами «виртуально»-сетевые взаимодействия, предполагающие высокий уровень самоорганизации, могут быть достаточно кратковременными. Г. Рейнгольд метафорически обозначает кратковременный принцип организации сетевых сообществ как «роение», при котором вокруг реализации какой-либо конкретной идеи активизируется взаимодействие участников, зачастую не свя-

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать / Пер. В. Наумов; ред. И. Борисова. М., 1999. С. 240, 260, 269, 309 и др.

² Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. Rev. ed. Cambridge, Mass., 2000. P. 376.

занных друг с другом какими бы то ни было другими позициями. Такое взаимодействие ориентировано на складывающуюся ситуацию, предполагая моментальное реагирование на любое изменение обстоятельств с целью максимально быстро, полно и адекватно реализовать совместный «проект». Г. Рейнгольд предполагает, что такого рода «проекты» в позитивном плане характерны для творческой среды, в негативном же плане реализуются силовыми структурами или террористическими группами.

Необходимо уточнить, что сетевые сообщества могут иметь и достаточно устойчивый характер и существовать на протяжении многих лет, но насколько прочными являются данные социокультурные группы, сказать сейчас невозможно, в связи с их относительно недавним появлением. Что мы точно можем наблюдать, это существование «проекта», реализация которого может привлекать различных участников, хотя «костяк» группы или «автор» (в том числе и коллективный) все же чаще всего сохраняется.

Структура сетевой коммуникации основывается на связанности социокультурного пространства как единой сетевой среды, где сама множественность коммуникативных групп предполагает постоянную подвижность и непрерывность внутренних и внешних взаимодействий. Мы можем говорить о сложной структуре межгруппового взаимодействия, где пересечение интересов отдельных индивидов в рамках разнообразных сетевых групп, дополняется пересечением между отдельными группами. Это задает оптимально гибкую структуру временных индивидуальных и групповых взаимодействий.

«Основаниями» «виртуально»-сетевых сообществ как коммуникативно-деятельностной «ячейки» сетевой социокультурной организации могут быть: единство идеи – профессиональной, досуговой, политической, религиозной, маргинальной и т. п. (например, сообщества философов, культурологов и т. п.); единство коллективной «биографии» (или избранные способы «сборки» последней), объединяющее людей по признаку «локальной» связанности этапов и мест жизни и деятельности (в том числе и проектируемых в будущем; например, сообщества одноклассников, сослуживцев, эмигрантов и т. п., группы жителей административных районов Санкт-Петербурга, отдельных улиц и домов и т. п.); единство личных интересов, практик, а также жизненные обстоятельства участников (например, сообщества велосипедистов, «сообщество тех, кто спит на боку», группы, организованные вокруг помощи людям в критических ситуациях со здоровьем и т. п.); общественные события (например, акции гражданской солидарности и т. п.). Возникнув однажды, сетевое сообще-

ство функционирует вокруг реализации избранной идеи «общественного блага» в рамках совместной деятельности. Реализация основопринципов сообщества предполагает сотрудничество участников, создание внутригрупповых норм поведения (в т.ч. «этикета») и правил коммуникации, а также коллективный контроль за их исполнением, включая принятую в сообществе систему «наказаний» и «поощрений», фиксируемую в системе «репутации».

Факторы, относимые к возникновению сообществ, могут быть расширены. Если же провести обобщение, то можно утверждать, что в основании любого рода сетевых взаимодействий, как «он-лайн», так и «офф-лайн», лежит идея «проекта», вокруг которого и формируется групповая идентичность участников. Именно «проект», «проективность» является той новой формой *солидарности* индивидов, которая позволяет формально говорить о новизне самой современной сетевой организации.

Проектный характер современных социокультурных взаимодействий имеет своим основанием коммуникативную инфраструктуру, рождающуюся в глобальном мире в связи с появлением новых информационных технологий. Динамичность, быстрота и множественность современных повседневных взаимодействий, особенно сетевых, оставляет все меньше места долговременным социокультурным взаимосвязям, сюда же можно отнести и постоянный интерес индивидов к совместно разделяемому новому опыту, имеющий трансгрессивный характер. Все это делает коммуникативную организацию индивидов вокруг избранных «проектов» – наиболее оптимальной формой социокультурного взаимодействия.

Совместные «проекты» могут основываться практически на любых позициях – игровых, творческих, образовательных, научных, политических, коммерческих и т. д. Важным основанием коммуникативно-деятельностных проектов являются различные «информационные поводы», которые выступают первичным стимулом для объединения людей вокруг той или иной идеи, ситуации и т. п., что в дальнейшем может приводить к формированию относительно устойчивых сетевых групп, централизованных вокруг конкретного «проекта». «Информационный повод» при этом представляет собой актуальное событие или ситуацию, которая затрагивая сферу интересов различных индивидов, позволяет им осуществить совместную, как правило коммуникативную, деятельность и формирует социокультурные позиции подобного рода сообществ»¹. Как пример, можно привести сетевые журналы «блоггеров», объединяющиеся в группы по признаку идеологической, политической и т. п. симпатии в ходе

¹ Сурова Е.Э. Идентичность. Идентификация. Образ. СПб., 2010. С. 72.
Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений

комментирования различных новостей. Само явление «информационного повода» во многом совпадает с идеей «медиавируса» Д. Рашкоффа¹. Через восприятие «медиавирусов» во многом и формируются, собственно, системы представлений современного массового общества и взаимодействия.

Организация взаимодействий вокруг идеи «проекта» дает современному индивиду возможности расширенной реализации преобразовательной деятельности: если не творческой, то креативной, в любом случае – имеющей существенное значение для формирования как презентационно-персонифицированной, так и сущностной области Самости и «картины мира».

Сама идея «проекта», «проектности» возникла намного раньше актуальных коммуникативных процессов в культуре и обществе. Ее основания можно увидеть в сфере искусства. Можно, например, вспомнить о проекционизме – направлении в советском изобразительном искусстве 20-х гг. XX в., связанного с деятельностью группы «Метод»². Разработчиком теории проекционизма («Манифест проекционистов», 1919) и его лидером был С. Б. Никритин. В концепции проекционизма речь шла о презентации проектов или «проекций»: идей и концептов изображаемых явлений как цели деятельности художника. «Проекция» понималась как главное содержание произведения искусства, они должны были отражать метод автора и его принцип организации художественного материала. Так, в качестве конечных продуктов творчества зрителям представлялись таблицы, чертежи, фотографии, объемные модели, концепции исследований в области живописного пространства и т. п.³. Речь шла о создании нового художественного языка, имеющего универсальный характер, который позволял создать проекцию метода художника в творчестве последующих авторов. По сути, в данном случае, мы уже сталкиваемся с идеей сериальности, поскольку художественное произведение реализуется в последовательных воплощениях, что позволяет говорить о попытке создания художественного метаязыка или «метадискурса», фундирующего собой данный конкретный творческий проект. Окончательное воплощение подобные идеи находят в концептуальном ис-

¹ Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на наше сознание. М., 2003. С. 12.

² В группу «Метод» входили такие деятели искусства, как С. Б. Никритин, С. А. Лучишкин, К. Н. Редько и др.

³ См., напр.: Каталог 1-й Дискуссионной выставки объединений активного революционного искусства. М., 1924.

кусстве 60-х гг. XX в., хотя для концептуализма были важными и другие составляющие: конкретные объекты, ситуации и т. д.

В современной ситуации «проектность» становится частью повседневных взаимодействий, как сетевых, так и происходящих в прежних порядках социокультурных связей, имеющих институциональный характер. Представления о «проектах», использование соответствующей терминологии стали распространенными в экономике, культуре, политике, межличностных взаимодействиях. Так, речь может идти о коммерческих, культурных (музейно-выставочных и т. п.), политических и т. п. проектах.

«Проект» выступает особой формой взаимодействия, которое может иметь под собой любые разделяемые участниками цели, осуществляемые в данном конкретном случае ради них самих же. «Проект» целостен и конечен по своей сути. Спецификой «проекта» выступает ограниченность его процессуальности и развертывания – во времени и пространстве, а важнейшими его характеристиками являются свобода участия и самоорганизация, во многом связанная с ситуативностью. В этом отличие проектности от планирования, которое, во-первых, являет собой инструментальную функцию и направлено на выполнение вышестоящих целеполаганий, а также имеет четкое линейное развертывание и принудительность для участников.

Как упоминалось выше, объединение индивидов в форме «проекта» наиболее соответствует порядкам сетевых взаимодействий.

Как форма взаимодействия «проект» может иметь различную длительность и пространственную (в том числе, речь может идти и сетевом «пространстве потоков») протяженность. Так, в качестве наиболее ограниченного во времени и пространстве «проекта» может выступать такое взаимодействие как «флэш-моб» или ситуативная группа в социальной сети (например, посвященная совместной встрече и т. п.). Более длительными могут быть разнообразные творческие, коммерческие и др. проекты. Один и тот же индивид может участвовать в открытом множестве разнообразных проектов.

По завершению проектного сетевого взаимодействия между участниками могут оставаться «слабые связи», сохраняющие возможность как возобновления реализованного проекта, так и формирования на его основании нового.

Развертывание проектности «виртуально»-сетевых взаимодействий как формы организации может иметь существенные последствия, как для «картины мира» нашего современника и потомка, так и для социокультурной организации в целом.

Сетевые сообщества как форма «он-лайн» и «офф-лайн» коммуникации имеют тенденцию все большего распространения и влияния в современном социокультурном пространстве. В сетевой коммуни-

кации появляются возможности свободной, творческой (или, скорее, «креативной») и солидарной коллективной деятельности. Деятельность «виртуально»-сетевое сообщества и отдельных его участников возможна в любом месте и в любое время, в режиме «реального времени» при условии наличия соответствующих коммуникационно-технических возможностей, что придает данной форме интеграции предельную «гибкость» как в формировании индивидуального образа Самости и коллективной идентичности, так и при решении конкретных инструментальных задач.

Данная форма интеграции позволяет индивиду успешно реализовывать многообразие своей коммуникативно-идентификационной деятельности и адаптироваться в ситуации трансформации некогда определявших его жизнь и деятельность социальных институтов в «автономный» и «анонимный» мир глобализованных экономических и политических структур.

Таким образом, мы можем утверждать, что коммуникационная структура взаимодействий в современной социокультурной среде образует сетевые сообщества. Данные группы формируются под влиянием различных интересов участников, а также «информационного повода», и далее функционируют в рамках целостного проекта, реализация которого не задает жестких рамок участия для индивидов. «Проект», проектность организационных оснований социокультурного взаимодействия является новой формой, в соответствии с которой конституируется социальная и культурная реальность, прежде всего, в порядках сетевых связей. Участие в «проекте» является сравнительно свободным и допускает также возможность со-участия в проектах других различных порядков, через которое современный человек может реализовать потребности по формированию своей Самости в отнесенности к множественному Другому через формирование разнообразных групповых идентичностей. При завершении сетевого проекта возможна дальнейшая проективная сериальная преемственность в переходе к последующим действиям, что отнюдь не обязывает индивида сохранять связи с данным сообществом, кроме того, такие связи могут на разных этапах быть более или менее интенсивными. Современная коммуникативная ситуация имеет тенденцию к формированию на основе сетевого принципа организации, в которой устанавливаются горизонтальные связи, а приоритетность того или иного проекта оценивается участниками самостоятельно и является в достаточной мере относительной, выявляя, с одной стороны, «массовый» характер проектности в современных коммуникативных условиях, с другой стороны, локализуя участников в избираемых ими

«элитарных» группах. Организации современных повседневных социокультурных взаимодействий на основании проективности, связанной с этим идентификационно-коммуникативной специфике, соответствуют новые порядки построения опыта (трангрессивный принцип) и соответствующая «картина мира».

ИММАНУИЛ ВАЛЛЕРСТАЙН О МИССИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ¹

А. А. Пучковская

Понятие «интеллектуал» стало широко использоваться после 1890 г. в связи с кампанией в знак протеста против действия французского правительства в деле капитана Дрейфуса. Вслед за знаменательным письмом Э. Золя «Я обвиняю», ряд университетских профессоров, литераторов, студентов и пр. подписали петицию с требованием пересмотра приговора Дрейфусу. Опубликованный манифест получил название «Протест». Один из главных антидрейфусаров – М. Баррес – переименовал петицию в «Протест интеллектуалов». С этого момента термин стал общеупотребительным². Однако вначале понятие *интеллектуал* имело негативный оттенок, и только в середине XX века этот термин стали понимать в привычном для нас смысле³.

На протяжении XX в. проблема значимости и роли интеллектуала в современном мире еще не раз становилась предметом горячих споров. Острую полемику вели М. Фуко, Ж.-П. Сартр, А. Камю, А. Кожевников, Дж. Бенда (J. Benda) и др. В начале нынешнего столетия о проблеме размышлял Ю. Хабермас в статье «Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала»⁴.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-33-01018.

² См.: Шарль К. Французские интеллектуалы от дела Дрейфуса до наших дней: память и история // Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М., 2005. С. 291–321.

³ Интеллектуал – человек с высоко развитым интеллектом и аналитическим мышлением, представитель интеллектуального труда. См.: Социология: Энциклопедия / Сост.: А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск, 2003. С. 156–163.

⁴ *Habermas J.* Ein avantgardischer Spürsinn für Relevanzen. Was den Intellektuellen auszeichnet // *Blätter für deutsche und internationale Politik.* 2006. № 5. S. 550–557.

О том, что вкладывает в понятие *интеллектуал* сам И. Валлерстайн и в чем видит главную задачу этой группы людей, американский ученый пишет в одной из своих статей «Интеллектуалы в эпоху перехода» («Intellectuals in an Age of Transition»)¹. Статья была опубликована в сборнике, посвященном работам и исследованиям И. Валлерстайна «Актуальные вопросы для мир-системы в двадцать первом веке: новые теоретические направления в рамках современной мир-системы» («Emerging Issues in the 21st Century World-system: New theoretical directions for the 21st century world-system») под редакцией В. Данавей (W. Dunaway). В данном исследовании анализ этой статьи и ссылки даются на текст первоисточника.

Суждения И. Валлерстайна об интеллектуалах вытекают из его видения мира как системы², которая после нескольких столетий своего существования приходит к концу, трансформируясь в иную систему. И в эту эпоху перехода к иной, еще неизвестной системе, особую миссию И. Валлерстайн возлагает на интеллектуалов – людей, по его мнению, способных мыслить открыто, имеющих активную политическую позицию и отвечающих за свои слова. Обоснование миссии интеллектуалов выводится им исходя из анализа состояния сложившегося дисциплинарного знания и необходимости его трансформации. Он отмечает, что начиная со второй половины XX в. наблюдается реальное и активное исчезновение (*vanishing*) границ между дисциплинами, в результате чего многие самостоятельные обществоведческие дисциплины утратили свой статус. Все более призрачной становится прежняя четкая институционализация знания, хотя ее все еще придерживаются. Диссонанс заключается в том, что различные «научные организации стремятся дисциплинировать не научную мысль, а практику. Они создают границы намного более устойчивые, чем порождаемые научными дисциплинами интеллектуальные конструкции»³. Наряду с И. Валлерстайном приверженцы мир-системного подхода видят в этом главную методологическую проблему научного знания.

¹ *Wallerstein I. Intellectuals in an Age of Transition//Emerging Issues in the 21st Century World-System: New theoretical directions for the 21st century world-system. Greenwood Publishing Group, 2003. P. 14–26.*

² См. подр.: *Дианова В.М., Пучковская А.А. Мир-системный и цивилизационный подходы: точки сопряжения // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 3. С. 57–63.*

³ *Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Ред. В. Л. Иноземцев. М., 2003. С. 296.*

На основании того факта, что культурные продукты имеют социальную природу и корнями уходят к общественному восприятию и aberrациям, И. Валлерстайн замечает, что «исследования неравновесности и культурологические исследования переместили, соответственно, естественные и гуманитарные науки в сферу общественных наук. Некогда центробежное поле сил в мире знания стало центростремительным, и теперь общественные науки занимают в нем центральное место»¹. Американский исследователь приходит к выводу, что навыки не могут и не должны растворяться в какой-то бесформенной пустоте, они всегда являются частичными, и поэтому должны интегрироваться с другими частичными навыками, нисколько не умаляя ценности ни тех, ни других.

В одной из своих статей «Антропология, социология и другие “неопределенные” дисциплины» («Anthropology, Sociology, and Other “Dubious” Disciplines»), написанной в 2003 году на материале лекций, прочитанных в Университете им. Джонса-Хопкинса, И. Валлерстайн особо заостряет внимание на проблеме методологии целостного знания.

Уже существующее разделение гуманитарных наук на дисциплины, на первый взгляд, отлично организовано. У каждой из них есть свои «сферы влияния» (turfs), свои «апостолы», а также свои последователи. Во имя защиты своих идей, они готовы устно или письменно отстаивать свои точки зрения в разрезе «мульти-, интер-, трансдисциплинарных дебатов, проектов, ученых званий. И все это доказывает, что широко известные и давно сформировавшиеся дисциплины имеют под собой твердую основу в виде верифицированного набора научных проблем, этакого вышитого предметного “гобелена” (tapestry)»².

И. Валлерстайн описывает сегодняшнюю задачу ученых метафорически как «сбор урожая» (harvesting). Легко проследить явные коннотации с исторически первоначальным значением слова «культура» (от лат. «возделывать»). Таким образом, по мнению ученого, будет легче «найти методику для анализа или язык описания, которые смогли бы служить “мостом” между противоречиями, присущими процессу познания»³. И. Валлерстайн констатирует, что принципиальными характеристиками отличающимися интеллектуала должны

¹ Там же. С. 330.

² *Wallerstein I. Anthropology, Sociology, and Other Dubious Disciplines // Current Anthropology. 2003. Vol. 44. No. 4. P. 456.*

³ *Ibid. P. 457.*

выступать широта кругозора, разнообразие методик, взаимодействие с остальным миром науки. Такое научное знание, а значит и систематизация, упорядочивание всех исторически и социально ориентированных феноменов, даст возможность найти альтернативные пути человеческого развития¹.

Публикация эссе «Антропология, социология и другие “неопределенные” дисциплины» в 2003 году заметно всколыхнуло научную общественность. В рецензии социолога С. Ф. Алатаса (S. F. Alatas) с кафедры социологии Национального Университета Сингапура читаем: «Как постулирует Валлерстайн, проблема социологических наук – согласование постоянного исторического движения с устоявшимися научными концепциями»². Это, на взгляд рецензента, ведет, прежде всего, к отказу от обеих форм анализа: номотетического и идиографического, что, по его мнению, крайне проблематично на сегодняшний день. И все-таки, если рассуждать о реконструкции социального знания, то главная задача построения новой структуры должна исходить из феномена глобального разделение труда, рассмотрение которого и должно быть отправной точкой такого рода исследований.

Историк и социолог К. Брумманн (Ch. Brumann) из Университета Кельна, также комментирующий суждения И. Валлерстайна, более позитивно оценивает его точку зрения. К. Брумманн видит в концепции американского исследователя действительно инновационный подход к систематизации гуманитарного знания³.

Если вспомнить основные идеи американского исследователя, становится ясным, почему он отводит интеллектуалам важную роль в кризисный для современной мир-системы момент. С одной стороны, это ультраспециализация, которой подверглись все общественные науки и которая была как неизбежной, так и саморазрушительной. Тем не менее, И. Валлерстайн не отрицает поиски разумного баланса между глубиной и широтой знания и между дифференцированным и синкретическим видением. С другой стороны, «стрела времени» (феномен современности) непредсказуема, поскольку идет постоянное переживание бифуркаций, исход которых не определен.

Это вынуждает опираться на лиотаровские «метанаррации» или, как их определяет У. МакНил, «мифоистории» (mythistory)⁴. По существу, организующие мифы, с помощью которых трактуется со-

¹ Ibid. P. 460.

² Alatas S.F. Comments // Current Anthropology. 2003. Vol. 44 No. 4. P. 460.

³ Brumann C. Comments // Current Anthropology. 2003. Vol. 44 No. 4. P. 461.

⁴ McNeil W. Mythistory and Other Essays. New York: ACLS Humanities E-Book, 2009. P. 8–18.

стояние, диктуемое историко-культурным *ВремяПространством*¹. Из этих положений следует, что мы живем в эпоху, о чем пишет И. Валлерстайн в своей книге «Конец знакомого мира: Социология в XXI веке», когда «множественность должна стать не поблажкой для слабого и невежды, а рогом изобилия возможностей сделать мир лучше»².

Ученый акцентирует внимание на том, что грядет конец периода определенности, теперь «мы видим окончание пути, по которому мы “познавали” мир, то есть конец полезности существующих рамок нашей системы знаний»³. Радикальное различие естественнонаучного и гуманитарного способов познания, существовавшее на протяжении более двух веков, было частью идеологических рамок современной мир-системы, но, как утверждает социолог, может закончиться вместе с предполагаемой ее кончиной. Каковы главные тому причины?

Остановимся на понятии «неопределенность» исхода, которым оперирует И. Валлерстайн. Американский исследователь заимствует этот термин из более масштабной «теории хаоса», обоснованной синергетикой. Раскрыть понятие «неопределенность исхода» проще, проиллюстрировав его в русле концепции «нестабильности», описанной И. Пригожиным. На примере движения маятника бельгийский ученый доказывает существование не только детерминистских, но также и недетерминистских законов, что обуславливает одну из серьезнейших проблем современности – проблему легитимности футурологических прогнозов вследствие нестабильности и неопределенности мира в целом. Опираясь на идею стохастических колебаний, а также признавая ограниченность западной науки, сформированной в том виде, в каком мы ее знаем как культурную парадигму «проекта Просвещения», мы вынуждены признать, что современная наука становится все более нарративной. Прежде четкая дильтеевская дихотомия гуманитарных и естественных наук в сегодняшнем миропонимании оказывается не актуальна. Однако «признание нестабильности – не капитуляция, а напротив – приглашение к новым экспериментальным и теоретическим исследованиям, принимающим в расчет

¹ Под понятием «ВремяПространство» И. Валлерстайн понимает то, что каждому социальному времени соответствует социальное пространство и их надлежит рассматривать только в совокупности.

² Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. С. 326.

³ Wallerstein I. Intellectuals In an Age of Transition. P. 14–29.

специфический характер этого мира»¹, – продолжает ученый. И здесь мы вновь возвращаемся в круг поставленной проблемы: кому предстоит решать новые задачи в момент структурного кризиса, когда ослабевают и становятся подвижными ограничители?

В течение последних 150 лет, рассуждает И. Валлерстайн, интеллектуалы продолжали бороться за свободу своего самовыражения в основном двумя способами. Эти способы нашли отражение соответственно в двух основных политических установках. Первая установка состояла в гипотетическом разделении науки (сферы истины) и политики (сферы ценностей). Апофеозом этой позиции выступала «политическая нейтральность» (которая, подчеркнем, по мнению многих ученых, является единственно достойной позицией для интеллектуалов). Этого мнения, к примеру, придерживался уже упоминавшийся классик социологического подхода М. Вебер. Другой установке, в корне отрицающей «ценностную нейтральность», симпатизировал итальянский исследователь А. Грамши, утверждавший, что «ценностная нейтральность это лишь фиговый листок, который прикрывает господство либерализма в сфере идей»². Остановимся подробнее на выше упомянутых воззрениях.

Позиция М. Вебера отчетливо прослеживается в его докладе перед мюнхенскими студентами «Наука как призвание и профессия». Своеобразная интерпретация социологии экономики в культурологическом ключе нашла у М. Вебера отражение в постулате о свободе от ценностных суждений. Немецкий социолог приписывает нашей эпохе характер рационализации, интеллектуализации, в коей неизбежен процесс «расколдовывания» мира. Этот процесс, в свою очередь, «заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу»³. Таким образом, сторонники «ценностной нейтральности» представляют себя как искателей истины во всех ее формах. Это неизбежно изолируют их от оценок деятельности государства, церкви, общества, а также треволений против существующего порядка.

Что касается основателя и руководителя Итальянской коммунистической партии А. Грамши, то он яростно упрекал интеллектуалов, укоренившихся в своей классовой принадлежности. Как особая социальная группа, интеллигенция, по мнению теоретика марксизма, за-

¹ Пригожин И. Философия нестабильности// Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.

² Грамши А. Формирование человека: Записки о педагогике. М., 1983. С. 63.

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, С. 707–735.

родилась именно в современном обществе, когда возникла потребность в установлении гегемонии через идеологию. А. Грамши доказывал, что голое политико-экономическое господство не может долго существовать без убежденности подчиненных групп и средних слоев в естественности существующего порядка¹. Следовательно, именно создание и распространение идеологии, установление или подрыв гегемонии того или иного класса – главный смысл существования интеллектуалов. Поэтому в своих работах А. Грамши проповедовал необходимость контакта между «простыми людьми» и интеллектуалами, считая необходимой борьбу за интеллектуальное возвышение масс. В задачи интеллектуалов, по его мнению, должно входить не столько осмысление реальности, сколько трансляция «высоких» достижений культуры народным массам, их популяризация.

Отметим, что А. Грамши не оставил сколько-нибудь целостной теории о соотношении культуры, интеллектуального производства и власти, но эту тему успешно продолжили последующие итальянские философы и общественные деятели, в частности Норберто Боббио².

В своих размышлениях И. Валлерстайн не отдает предпочтение ни одной из выше описанных позиций относительно роли интеллектуалов. Для него они составляют две крайности. Идея «ценностной нейтральности», описанная в работах М. Вебера, уточняет американский исследователь, была разработана для того, чтобы «успокоить таких шумных, трудных, и псевдо-интеллигентных людей – интеллектуалов»³. В теории эти ученые-гуманитарии не стремятся ни к чему, кроме истины, не испытывают никакого материального или политического давления и не участвуют в политических дебатах. Но и мало осведомленному человеку становится понятным, что все это лишь теоретическая наивность. Де-факто, материальное давление на ученых крайне велико, манипуляция возможностями карьерного роста, финансирования проектов и пр. огромна, а политическое запугивание вполне подразумеваемо, если остальные виды давления не работают. Позиция А. Грамши ему также кажется во многом не разработанной.

И. Валлерстайн предлагает собственный взгляд на проблему миссии интеллектуалов в эпоху перехода. Он считает, что интеллектуалы «должны развенчивать мифы и прояснить ситуацию, что означает, что все дебаты отныне являются одновременно интеллектуальными,

¹ Грамши А. Тюремные тетради: в 3 ч. Ч. 1. М., 1991. С. 168–184.

² Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 162–171.

³ Wallserstein I. Intellectuals In an Age of Transition. P. 20.

моральными и политическими»¹. Необходимо понять, продолжает американский исследователь, сложную позицию М. Вебера, принимая во внимание ограничения слишком простой позиции А. Грамши. Задачей интеллектуалов, по его мнению, являются поиск ответов на «вызовы» современной мир-системы и создание качественно новых структур знания.

В эпоху перехода, согласно И. Валлерстайну, важно несколько существенных моментов: во-первых, интеллектуальная оценка того, куда мы направляемся (траектория), во-вторых, моральная оценка того, куда мы хотим прийти, и, в-третьих, политическая оценка – как оказаться там, куда мы направляемся². Отметим, что для американского ученого интеллектуал – политически активный субъект социокультурного пространства с ярко выраженной гражданской позицией. И. Валлерстайн напрямую ставит вопрос об ответственности за принимаемые решения, ведь в основе имеется колоссальный историко-культурный опыт. Для того чтобы ответить на вопрос куда мы идем, необходим целый комплекс исследований в аналитической ретроспективе и перспективе. Здесь зарубежный ученый указывает на методологические преимущества мир-системного подхода, в основе которого лежит междисциплинарность и необходимость видения современной культуры в качестве целостной системы.

По мнению И. Валлерстайна, миссия интеллектуалов состоит в том, чтобы выстоять и вынести те исторические выборы, которые предлагает переходная эпоха. Поскольку переход будет хаотическим, а результат непредсказуем, задача анализа таких возможностей, заверяет американский ученый, простой не будет. Между тем, видя резкое понижение научного интереса к проблематике глобальных исторических трансформаций, И. Валлерстайн не забывает про просвещение «инертного большинства». Эта задача определила направление исследований в его работах после 1990 г. Считая, что необходимо «завоевывать» популярность у более широкого круга читающей публики, И. Валлерстайн обращается к публицистическому жанру письма. Регулярно выступает с альтернативными комментариями по поводу текущих событий в контексте мир-системного подхода, тем самым популяризируя свою концепцию. Преимущественно эти работы активно переводились на русский в последние годы. Среди них «Замешательство Европы на руку Вашингтону»³, «Ни патриотизм,

¹ Ibid.

² Ibid. P. 23.

³ Валлерстайн И. Замешательство Европы на руку Вашингтону // Русский архипелаг. 2005. URL: www.archipelag.ru/authors/wallerstein/?library=1916.

ни космополитизм»¹, нашумевшая статья «Путин – харизматический лидер? Не знаю, но результаты налицо»² и др.

Таким образом, мир-системный подход в трактовке американского исследователя – не теория или парадигма исторической социальной науки, но призыв к спору об этой парадигме и поиску новых решений. Отводя интеллектуалам особую миссию в интерпретации действительности и ответственности за ее трансформацию И. Валлерстайн полагает, что их деятельность должна быть направлена на комплексное понимание культуры и методологическое укрепление структур целостного, междисциплинарного подхода к описанию мира в эпоху перехода.

¹ Валлерстайн И. Ни патриотизм, ни космополитизм // Логос. 2006. №2 (53). URL: www.ruthenia.ru/logos/number/53/10.pdf.

² Валлерстайн И. Путин – харизматический лидер? Не знаю, но результаты налицо // Русский архипелаг. 2007. URL: www.archipelag.ru/agenda/povestka/putin/charismatic_leader.

ИЗ ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ: ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

О. Э. Душин

Введение

В рамках культуры западноевропейского Средневековья вместе с развитием городов и становлением университетов формируется приоритет знания и особый этос интеллектуалов, при этом их социальные диспозиции и высокий общественный статус задаются уникальным положением «между Священством и Властью»¹. Складывается такая ситуация, когда институт христианской церкви и утверждающаяся система светской власти были заинтересованы в привлечении на службу образованных людей.

С одной стороны, динамика городской жизни, проблемы финансовых и торговых операций, трудности предпринимательской деятельности, сложности семейных отношений ставили перед священниками новые вопросы и задачи в ходе осуществления процедуры таинства исповеди, что определяло потребность не просто в наличии грамотных кюре, но в богословах, способных предложить оригинальные пути решений возникающих противоречий.

С другой стороны, королевской власти требовались образованные в правовом плане люди для регламентации пространства социальных отношений. Кроме того, постепенно кристаллизуется каста государственной бюрократии. Тем самым, этико-метафизическое обоснование значения деятельности ученого, сложившееся в период новоевропейской научной революции XVI–XVII вв., можно вполне дополнить

¹ *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье: Время, труд и культура Запада / Пер. с фр.: С. В. Чистякова, Н. В. Шевченко; ред. В. А. Бабинцев. Екатеринбург, 2000. С. 129.
Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений

высказыванием Жака Ле Гоффа, что «Средневековье умело видеть в разуме страстное стремление к справедливости, в науке – жажду истины, в критике – поиск лучшего»¹.

Примечательно, что Фридрих Ницше также отмечает, что «наша вера в науку покоится еще на *метафизической вере*, – что даже мы, познающие нынче, мы, безбожники и антиметафизики, берем *наш* огонь все еще из того пожара, который разожгла тысячелетняя вера, та христианская вера, которая была также верою Платона, – вера в то, что Бог есть истина, что истина божественна»².

В последующих философских изысканиях неоднократно звучали громкие заявления о кризисе науки и проблематичности статуса университета. В этой связи можно привести символическую цитату из инаугурационной профессорской лекции Рональда Барнетта, прочитанной им в Институте образования Лондонского университета 25 октября 1997 г., в которой по-ницшеовски однозначно утверждается, что «западный университет мертв»³. Тем не менее, вопреки своему столь суровому выводу профессор Р. Барнетт продолжает рассуждения, утверждая, что современный университет должен основываться на иной констелляции терминов, и выдвигает такие понятия, как непредсказуемость, спорность, неопределенность и сомнительность. По сути, он противопоставляет традиционной системе научных ценностей некую новую модель университетского образования, отвергая саму возможность объективного знания и принципиальную необходимость его освоения в процессе обучения.

Однако процедура интеллектуального сомнения и реализация какой-либо плодотворной дискуссии требуют наличия определенных мыслительных навыков и высоких профессиональных познаний. Соответственно, задача данного исследования заключается не в том, чтобы эксплицировать основания диагноза столь печального исхода традиций западноевропейского образования, а, по крайней мере, описать исторические обстоятельства и правила, которые задавали истоки становления университетов, ведь, возможно, именно отказ и отступление от них явились причиной кризиса, который столь легко констатируют современные западные ученые.

¹ *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века / Пер. с фр. А. М. Руткевич. 2-е изд. СПб, 2003. С. 5.

² *Ницше Ф.* Веселая наука / Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 664–665.

³ *Барнетт Р.* Осмысление университета // Теоретические вопросы образования: хрестоматия / Сост., ред.: М. А. Гусаковский, А. А. Полонников, А. М. Корбут. Минск, 2013. С. 5.

Формирование высших школ и университетов в Средние века

Как известно, в XII в. существовало три вида школ: монастырские (например, при аббатстве Бек или аббатстве св. Виктора в Париже), кафедральные (при Нотр-Дам де Пари, в Реймсе, Шартре, Бамберге и Вюрцбурге) и частные, созданные известными магистрами (к таковым могут быть отнесены школы Абеляра). Именно они послужили основанием для последующего формирования и развития известных университетов, возникавших на базе объединения нескольких школ. Так произошло в Париже, причем некоторые ученые настаивают на особой роли и влиянии деятельности Петра Абеляра¹. «Абеляр родился в 1079 году, а умер в 1142. Парижский университет был официально сформирован шестьдесят лет спустя, в самом начале XIII века. И все же Абеляр был и должен считаться настоящим основателем этого университета, который послужил моделью и прототипом для большинства университетов Средневековья», – утверждает автор работы «Абеляр и истоки ранней истории университетов». Поэтому считается, что первые университеты, по сути, органично выросли из городских школ, а не просто учреждались.

Университеты, подобно другим многочисленным средневековым городским ремесленным и торговым союзам и объединениям, обрели характер корпорации (*universitas magistrorum et scholarium* или *studia publica* или *generalia*). В этой связи современный исследователь Алан Коббан подчеркивает, что «суть университета составляла научная гильдия, предназначенная для защиты ее членов и для организации учебного процесса»². Тем не менее, важнейшим условием его официального утверждения являлось юридическое признание со стороны светской и духовной власти, и достаточно часто между их действиями возникали серьезные противоречия. Иногда университеты, получив поддержку со стороны папства, десятилетия ждали признания со стороны светских правителей, и наоборот. При этом короли отдавали приоритет изучению права, а папы, естественно, предпочитали поддерживать теологию. Кроме того, университеты создавались и поддерживались независимыми городскими коммунарами (особенно в торговых городах средневековой Италии). Причем *studia* основывались в целях увеличения населения и повышения доходов жителей. В целом, открытие университета считалось очень выгодным и при-

¹ См.: *Compeyre G.* Abelard and the Origin and Early History of Universities. New York, 1969.

² *Cobban A.B.* Reflections on the Role of the Medieval Universities in Contemporary Society // *Intellectual Life in the Middle Ages. Essays presented to Margaret Gibson / L. Smith, B. Ward (eds).* London, 1992. P. 233.

быльным делом. Более того, они являлись своеобразными символами местного и общенационального единства.

Часто новые университеты возникали благодаря эмиграции преподавателей и студентов в связи с их борьбой за свои права и привилегии. Тем самым, на протяжении всего Средневековья существовал постоянный обмен и переход магистров и студентов из разных стран, городов и школ. Соответственно, можно сказать, что современная система научной мобильности восходит к средневековой культуре. Однако существовали и некоторые ограничения. Так, во Флоренции гражданам под угрозой больших штрафов запрещалось учиться в каком-то другом месте, кроме как в их родном городе, а преподавателям работать в других университетах.

Привилегии университетов

Первый пример привилегий, предоставленных университетам, демонстрирует имперская конституция *Authentica habita* или *Privilegium Scholasticum*, обнародованная в 1158 году (хотя имеются некоторые разночтения) Фридрихом I Барбароссой и обращенная к магистрам и студентам Болоньи. Документ предоставлял ученым некоторые принципиальные права и защиту: например, иммунитет, как у духовенства, если они были клириками; свободу передвижения и путешествий в целях получения образования и исследований; иммунитет от права ответной меры (репрессий); и право быть судимыми магистрами или судом епископов, а не местными гражданскими судами. Особое значение приобрел иммунитет от репрессий, который запрещал преследовать студентов и ученых за долги их соотечественников, что являлось общепринятой практикой того времени, но создавало серьезные проблемы для иностранцев. Этот важный документ был подтвержден папой Александром III и включен императором в Кодекс Юстиниана, что придало ему уникальное значение.

В Италии, Франции и Испании было осуществлено освобождение от налоговых платежей. Как известно, налоги в Средние века были возложены на простолюдинов и крестьян. Дворянство и духовенство были освобождены от них. Следовательно, освободить магистров и студентов от всех налогов и сборов перед государством и муниципальными властями означало распространить на них особые привилегии дворянства и духовенства. Правда, подчас это не означало полного освобождения от уплаты всех налогов, а лишь от дополнительных, так как, будучи потребителями товаров и услуг, они все же были вынуждены платить определенные таксы. Но и в этом плане были

свои исключения. Так, в 1440 г. король Карл VII в целях покрытия расходов на войну заложил налог на вино в размере двадцати су за бочку, но по жалобе университета в Орлеане он отменил его для студентов. Вскоре после этого Людовик XII, а чуть позже Франциск I, освободили магистров и студентов университета Пуатье от всякого участия в налоге, который был возложен на жителей города, а также от вклада, установленного в целях оплаты обеспечения трехсот воинов. Таким образом, налоговые привилегии университетов были весьма значительными.

Универсанты были также освобождены от воинской обязанности и от службы в городской милиции в качестве охранников. По сути, студенты и профессора были свободны от всякой дополнительной деятельности, которая могла бы отвлечь их от интеллектуальных занятий. Но в Италии, тем не менее, от воинской службы освобождались только магистры (доктора права, медицины или свободных искусств). Кроме того, университетские корпорации обладали особым правом на забастовку, они могли прервать занятия и эмигрировать в другой город. Эта привилегия была сформулирована в 1231 г. в булле папы Григорий IX, в которой провозглашалось право приостановить лекции, если произошло какое-либо серьезное правонарушение со стороны жителей Парижа в отношении студентов или преподавателей (убийство или ранение) и в течение пятнадцати дней не была установлена справедливость. Такого рода забастовки происходили в Париже вплоть до конца XV в.

Кроме того, магистры и студенты имели некоторые церковные привилегии, в частности, было широко распространено право на получение доходов от бенефиций в течение семи, а порой и десяти лет, не будучи реальными резидентами соответствующего прихода. Многие привилегии распространялись и на всех тех, кто работал или был задействован в университете. Соответственно, можно сказать, что университеты были почти полностью освобождены от контроля со стороны местных властей и не признавали никаких других авторитетов, кроме как глав церкви и государства, но, по сути, не всегда уступали даже им.

Устройство и административная структура

Известно, что Парижский университет состоял из 4 наций: французской, нормандской, пикардийской и английской. Каждая нация имела своего прокуратора, который участвовал в выборе ректора, отражая мнение нации. Между 1270-1280 годами в университете формируются отдельные факультеты. Таким образом, структура университета включала деление на факультеты (теологический, юри-

дический и медицинский) и на нации (в рамках факультета искусств). Соответственно, в Болонье были две главные ассоциации *Ultramontanes* и *Citramontanes*, иностранцев и итальянцев, которые практически сформировали два университета *Transalpine* и *Cisalpine*, каждый со своим главой (канцлером), первый состоял из 18 наций, второй из 17. Другие университеты Европы также имели много национальных ассоциаций.

Принятие решений, затрагивающих жизнь университета, осуществлялось либо в рамках общего собрания (*Congregatio Generalis*), либо на заседаниях отдельных ассамблей факультета или наций. Тем самым, средневековые университеты были своеобразными республиками ученых, управление которыми возлагалось либо на корпус магистров, как в Париже, либо на корпус студентов, как в университете Болоньи. Примечательно, что университеты являлись крупными социально-автономными структурами, которые наряду со всевозможными ремесленно-цеховыми и купеческо-торговыми гильдиями задавали перспективу развития общественных институтов в рамках средневековых западноевропейских городов. В данном контексте символично, что Канцлер Парижского университета Жан Жерсон (1363–1429) в своей речи перед французским королем Карлом VI в 1391 г. привел в пример именно систему организации университета (прежде всего, наличие ученого совета) как образец для реализации власти государя, намекая на необходимость совещательного органа.

В свою очередь, Оксфорд, как и Париж, имел четыре факультета, но факультет искусств первоначально не обладал соответствующим делением на нации. Оно возникло только в 1252 г., причем лишь на северную и южную, с которой ассоциировались ирландцы. Однако и в нем самым большим был факультет искусств. Кроме того, в Париже каждый факультет имел строгую систему организации, тогда как Оксфорд не обладал четкой структурой функционирования факультетов. Таким образом, отличия Оксфорда от Парижа состояли в том, что отсутствовала строгая система деления и работы факультетов, в высшем совете университета принимали участие магистры *non regens* (не являвшиеся реальными преподавателями) и существовали особые принципы отношения Канцлера и университета.

Само понятие «канцлер» пришло из Оксфорда. По сути, он совмещал три позиции: архидиакона, канцлера кафедрального собора (главы школы) и ректора университета. Являясь епископом, канцлер выполнял многочисленные административные функции, он был реальным руководителем, главным судьей и исполнительным директором. Избранный в качестве канцлера подтверждался и в качестве

епископа. Это были взаимосвязанные позиции. Канцлер не мог действовать как руководитель университета, покуда не получал духовную власть, т. е. признавался в качестве епископа. Такая традиция существовала до 1367 г. Согласно университетским статутам, канцлеры избирались. Два особых поверенных выбирали четырех регентов от каждого из высших факультетов и четырех от факультета искусств. Все десять избирали большинством голосов канцлера. Обычно выборы проходили в мае-июне.

Канцлер не имел права отлучаться более месяца между 10 октября и 7 июля. При этом у него были особые уполномоченные, которые могли его заменить при отлучке. В ситуации, когда по тем или иным причинам должность канцлера была вакантной, этот пост временно занимал старший регент. Канцлер был главой всех школ Оксфорда, включая школы грамматики, и все ученые и магистры подчинялись его юрисдикции. Именно канцлер выдавал лицензии, но в речи, которую он произносил, говорилось, «моей властью и от всего университета», что означало, что он подтверждал решение магистров. На него были возложены особые юридические функции и решение всех вопросов, которые касались отношений университета с горожанами. Практически глава университета контролировал всю жизнь города. Для реализации этих функций заседал особый суд, исключительно трудные дела рассматривались в присутствии самого канцлера. Это был церковный суд, поэтому его решения принимались в согласии с каноническими нормами, заседания проходили, как минимум, раз в неделю. Наказания предполагали задержку процедуры получения академической степени или снятие уже полученной, либо приостановку лицензии на преподавание, более суровые наказания предполагали изгнание и тюремное заключение. Но все же канцлер *par excellence* являлся защитником интересов университета и его членов.

В свою очередь, «титул “ректор”, – как отмечает Б. М. Хаккетт, – не имел административного значения, это был синоним с “регентом”»¹. Более важной фигурой был «проктор». Они отвечали за аренду общежитий, школ, обеспечение едой, являясь, как и в других средневековых университетах Европы (Париж, Болонья), университетскими финансистами. В Кембридже один финансист такого рода был связан с преподавателями, другой со студентами, они избирались на год и имели степень магистра. Прокторов впервые стали называть ректорами в Париже, там прокторы были связаны с нациями на факультете искусств. В Оксфорде с 1252 г. ректорами стали называть глав «северной» и «южной» наций факультета искусств. Прокторы в

¹ Hackett B.M. The University as a Corporate Body // The History of the University of Oxford. V. I: The Early Oxford Schools / J. I. Catto (ed.). Oxford, 1984. P. 82.

Оксфорде относились не к нациям, а ко всему университету. Прежде всего, прокторы следили за учебным процессом (лекциями, диспутами) и реализацией всех привилегий, которые следовали из решений пап, легатов, епископов и королей. Во-вторых, прокторы информировали канцлера обо всех вопросах и проблемах, которые требовали организации соответствующей общей встречи конгрегации, и участвовали в процедуре выдачи канцлером лицензий бакалавров и признания магистров. В-третьих, они организовывали и руководили всеми литургическими функциями, управляли всеми клятвами, которых становилось все больше, называли магистров, которые были исключены из конгрегации, объявляли место, тему и время заседаний конгрегации, представляли ее указы, называли зафиксированную цену найма жилья, были ответственны за регистрацию статутов, т. е. являлись и университетскими архивистами. Будучи финансовыми служащими, принимали запросы, штрафы, сборы и распределяли помощь для бедных магистров и школяров, патрулировали город по ночам во главе личной гвардии. Сообщали канцлеру обо всех правонарушениях, записывали имена всех, кто нарушал порядок, кого приговорили к тюремному заключению или предписали покинуть город. В конце своей годовой деятельности они были обязаны сделать отчет, подтвержденный соответствующим аудитом. И хотя данная должность не предполагала никакой прибавки к зарплате, считалось, что исполнение данных обязанностей является прибыльным делом, поэтому обычно люди выдвигали себя на второй срок. Их неофициальные вознаграждения следовали от продажи конфискованного оружия, штрафов, сборов, других побочных источников. При этом все их официальные расходы, обусловленные административной деятельностью, покрывались университетом.

Университетские педелі (низшие служащие) избирались каждый год, как и канцлер, они также имели множество обязанностей. Их было, как и в Кембридже, только два, в 1346 г. их было наибольшее число – шесть, три высших и три низших. Они отвечали за публичные собрания университета (мессы, похороны, общие процессии), на банкетах они были официантами, помогали прокторам и магистрам в различных делах. Собирали сборы и штрафы, делали объявления в школах, работали в качестве швейцаров во время заседаний конгрегации и судах канцлера, били в большой колокол церкви св. Марии для объявления заседаний конгрегации и для обычных лекций и диспутов, а также дополнительных вечерних лекций по праву. Иногда продавали книги, хотя в целом это была отдельная служба. Обычно они являлись членами делегаций к королю и в парламент.

Еще одна важная должность в Оксфордском университете – это капеллан. Он проводил мессы, а с 1412 г. также являлся университетским библиотекарем. Также избирались три судьи для расследования нарушений порядка и морали в университете, один – регент теологии или права, и два с факультета искусств.

Система преподавания

Сама способность преподавать рассматривалась в Средневековье как Божий дар, поэтому отношение к данному виду профессиональной деятельности было особым и требовало максимальной отдачи и высокого нравственного достоинства со стороны вовлеченных в нее ученых. Примечательно, что в средневековых университетах были установлены возрастные ограничения для чтения лекций – 21 год по предметам факультета искусств, и 35 лет для чтения курсов по теологии. Это были одни из первых статутов, регулирующих научную жизнь университета в Париже.

Процедура лекции заключалась в чтении и комментировании обязательных для изучения авторитетных текстов. У профессора на кафедре мог лежать учебник или сразу несколько учебников или книг, так как на факультете искусств в рамках одного занятия было принято объяснить несколько трудов, как по грамматике, так и по логике. Каждое предложение текста лектор читал достаточно медленно, понизив голос (*voce submissa*), затем комментировал его, в то время как внимающие ему студенты старательно записывали каждое слово магистра. Однако наиболее популярной формой университетского образования была дискуссия.

Сложилось несколько типов средневековых университетских диспутов. *Disputatio ordinaria* – это обычные регулярные занятия, открытые для студентов и бакалавров, которые проводились по утрам под руководством магистра, когда заранее заявлялся вопрос для обсуждения. Бакалавр, выступавший в роли оппонента, выдвигал контраргументы (*orropens*), другой бакалавр пытался ответить на возражения и продемонстрировать их недостатки (*respondens*). В заключение магистр подводил итоги (*determinatio*), причем часто это делалось на следующий день. *Disputatio privata* – диспуты, которые проводились под руководством магистра в его школе и только для его студентов. *Disputatio de quolibet* появились в Парижском университете в XIII в. и не имели строгой темы, спорили, буквально, обо всем, теологии, метафизике, каноническом праве и медицине, вопросы не были заранее согласованы и задавались аудиторией, обычно проходили в Латинском квартале во время Адвента и Великого поста, привлекая большую интернациональную аудиторию, поэтому участие в

таких диспутах имело принципиальное значение для будущей карьеры ученого. Впоследствии сформировался особый жанр научных трактатов *disputatio de quolibet*. Однако подобные «жаркие» дискуссии «ни о чем» вызывали неприятие и серьезную критику со стороны самих схоластов. *Disputationibus de sophismatibus* или *ars obligatoria* – это устные дискуссии по определенным темам, но не столь официальные, поэтому они не записывались¹. Американский исследователь Алекс Новиков подчеркивает, что схоластические диспуты явились «основной культурной силой в век университетов»². Так или иначе, важно отметить, что дискуссии способствовали развитию диалектических процедур мышления, подразумевая в данном случае средневековую традицию аристотелевской формальной логики.

Понятие «благородный человек» (bene natus)

Андреа Робилио, автор статьи «Мыслитель как “благородный человек” и предварительные замечания о средневековых концепциях благородства», выделяет следующие стратегии интерпретации феномена «благородства»: политическое понимание, которое разрабатывалось юристами, подразумевало в духе христианства, что нет никакого прирожденного различия между людьми, а есть лишь социальное, обусловленное соответствующим признанием со стороны внешних законов и князя; философско-перипатетическая концепция предполагала определенного рода иерархию людей на основе способностей их разума и интеллектуальных добродетелей, поэтому благородство в данном случае ассоциировалось с наличием правильного взаимодействия души и тела, что позволяло контролировать страсти; радикальная христианская интерпретация утверждала, что человек может быть благородным только на основе милости Божьей (*sola gratia*), в данной связи Жану Жерсону, как отмечает автор, было присуще понимание благородства в роли мистического дара; онтологическое понимание «благородства», которое разворачивается вплоть до Лейбница, являет собой наличие некоторых особых групп со своими кодами доступа³.

¹ См.: *Novikoff A.J. The Medieval Culture of Disputation: Pedagogy, Practice, and Performance. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. P. 141–147.*

² *Ibid. P. 169.*

³ См.: *Robiglio A.A. The Thinker as a Noble Man (bene natus) and Preliminary Remarks on the Medieval Concepts of Nobility // Vivarium. V. 44. Iss. 2–3. Leiden: Brill, 2006. P. 242–244.*

Латинский термин «nobilis» означает «известный, славный, знаменитый, благородный, знатный, превосходный». По своей сути он близок к достоинству, славе и хорошей репутации, что отражено в соответствующем определении Аристотеля: «благородство есть старинная доблесть и богатство»¹. Подобная формулировка встречается и у Мария Викторина. В свою очередь, Платон, как пишет А. Робилио, «понимал выражение «благородство» как означающее человека, превосходного в социальном, физическом и моральном измерении»². Для древнегреческого мыслителя это были философы, способные управлять государством, подлинно благородные люди, обладающие навыками политического лидерства. В этом смысле его знаменитая Академия являлась примером объединения такого рода достойных людей, это было сообщество благородных друзей, разделяющих общие правила нравственности и соответствующие практики жизни.

В XIII в. вместе с развитием средневековых университетов и формированием особой социальной группы ученых мужей вновь разворачиваются споры вокруг смысла и значения статуса «благородного человека». Вопрос, поставленный юристом и государственным деятелем Пьером делла Винье (ок. 1190–1249), состоял в следующем: определяется ли благородство родословной или личным мужеством и честностью, задается ли оно происхождением или собственным достоинством. Кроме того, в контексте данной темы были особенно популярны сочинение Андреаса Капеллана «О любви» (ок. 1180), несмотря на то, что оно было осуждено в 1277 г. епископом Тампье, и трактат «Об истинном благородстве» («De eruditione principum», ок. 1265) доминиканца Уильяма Пейраута (ок. 1190–1271). В этом контексте важным элементом формирования средневековых философских теорий благородства была традиция куртуазной «рыцарской» культуры и идея знатного происхождения дворянства.

Схоластические дискуссии вокруг понятия «благородство» разворачиваются в самых разных аспектах, но особое значение приобретает приоритет знания и интеллекта, которые обеспечивают соответствующее превосходство социального статуса ученого, и придают занятиям науками и философией весомую роль в обществе. Развитие такого рода навыков обеспечивают человеку его нравственное совершенство и достоинство подлинного «благородного» мужа. Тема благородной души связывается с концепцией активного интеллекта, так как нравственное достоинство обеспечивает преодоление привязанно-

¹ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1982. С. 503.

² Robiglio A.A. The Thinker as a Noble Man (bene natus) and Preliminary Remarks on the Medieval Concepts of Nobility. P. 223.

стей к материальным началам и приобретает характер кода доступа к сфере высшего интеллектуального познания.

В этой связи особый интерес представляет учение парижского магистра факультета искусств Боэция Дакийского (ок. 1230–1284). В трактате с символичным названием «О высшем благе, или О жизни философа» он достаточно четко обрисовывает контуры общественного призвания благородного ученого мужа. Для него, это те достойные люди, которые презирают желания чувств. Будучи по-настоящему увлечены познанием истины, они живут в подлинном согласии с природным порядком, так как все низшие виды человеческой деятельности подчинены у них высшему состоянию познания истины. Теоретическое созерцание, умозрение есть самый добродетельный образ жизни, ибо это высшее благо. Занимаясь такого рода деятельностью, философ достигает наиболее достойного пути человеческого существования. Впоследствии к теме человеческого благородства и социального нобилитета обращались такие известные схоласты как Жан Буридан (1292–1363) и Жан Жерсон, написавший трактат «О знати» («De nobilitate», 1423). У Буридана тема благородного человека ассоциировалась с пониманием героической добродетели (*virtus heroic*) и соотносилась с аристотелевским рассмотрением Гектора в рамках «Никомаховой этики». В свою очередь, гуманисты эпохи Возрождения также внесли свой вклад в дебаты вокруг проблемы «nobilitate». Например, Колюччо Салютати написал трактат «О достоинстве права и медицине» («De nobilitate legum et medicine», 1400), в котором напрямую связал тему философского нобилитета с идеей корпоративной идентичности ученых (либо *Legiste*, либо *Artiste*).

Университеты и нобилитет интеллектуалов

В процессе развития системы средневекового университетского образования постепенно формируется особая элита ученых мужей, своеобразная аристократия духовного достоинства, своего рода нобилитет интеллекта, социальный статус данной корпорации утверждается и поддерживается приоритетом знаний и образования. В средневековом обществе складывается четкое представление о том, что образование облагораживает, а учителя-магистры, как считали студенты, являются вдвойне благородными людьми, которые справедливо почитаются и светскими, и церковными властями, они получают заслуженные привилегии и награды. Тем самым, уже в данный период развивается соответствующая система признания привилегированно-

го статуса ученых. Так, в 1420 г. Альфонс V Арагонский предоставил дворянское звание всем докторам и лиценциатам гражданского права в университете Валенсии. В XVI в. докторскому колледжу в Болонье было дано особое право присваивать титул дворянина всем обучающимся докторам. Известно, что доктора права из Саламанки также приобрели некоторые финансовые и церемониальные привилегии нобилитета. Однако и сами университетские ученые стремились перенять процедуры и практики, которые традиционно были присущи знати. Например, в статутах Венского университета конца XIV в. кандидату накануне получения степени бакалавра или магистра было предписано церемониальное омовение, что являлось прямой аллюзией на обряд получения дворянского звания. В некоторых испанских университетах новоиспеченные доктора получали меч или иные воинские знаки отличия, подражая соответствующему рыцарскому церемониалу.

И все же главная привилегия средневековой интеллектуальной элиты, закрепленная в университетских статутах и правовых уложениях, заключалась в достаточно высокой степени автономности корпорации ученых, в их независимости от вмешательства властей, от судебных преследований и произвола горожан. Разумеется, что эти права и свободы порой нарушались, не все было так безоблачно и просто, иногда преподаватели и студенты вынуждены были покидать *alma mater* и переезжать в другие города, порой возникали различного рода противоречия в их отношениях со светской королевской властью и с церковными иерархами. Тем не менее, «концепция академической свободы, которая была сформулирована на изначальной стадии университетской истории, явилась камнем преткновения устрелений университета от Средних веков до XX века».¹

¹ Cobban A.B. Reflections on the Role of the Medieval Universities in Contemporary Society. P. 235.

УЧИТЕЛЯ: ИСТОРИЯ¹

Е. Г. Соколов

Мы жили и учились в блаженные осенне-советские времена, что бы ни говорили-писали о той социальной системе и каких бы собак на советскую школу (и высшую и «низшую») не вешали в последующем. И это не только ностальгический всхлип, хотя и он тоже. По улицам городов террористы не бегали, из квартир за неуплату не выселяли, с голоду никто не умирал... Что же касается пресловутого идеологического тотального давления и промывания мозгов, то ведь они и сейчас существуют, хотя и в иных формах. Но так же, как и сейчас, с этими правилами игры вполне можно было ужиться, принять их и делать-говорить то, что хочется, к чему лежит душа. Благо, дело это нехитрое и особого труда не требует. Да и изоляция-отлучение от нежелательных идей-мыслей-книг (пресловутый спецхран) была относительной и носила скорее декларативный характер. Те, кто хотели, всегда могли добыть и прочитать желаемое. И с Библией, и с, например, «Закатом Европы» О. Шпенглера, «Столпом и утверждением Истины» П. А. Флоренского или с «Волей к власти» Ф. Ницше я ознакомился еще в студенчестве, добывая тексты без особых усилий. Ну а «Майн кампф» и сейчас читать не стану.

Любой процесс освоения специальности, рода деятельности, получения знаний так или иначе связан с историей, т. е. с ознакомлением с тем, что, как, почему, исходя из каких принципов и подчиняясь каким гносеологическим (стратегически-тактическим) установ-

¹ Данный очерк – продолжение и отчасти развитие того, что было написано и опубликовано почти 13 лет тому назад (см.: *Соколов Е.Г. Учителя: текст // Vita cogitans*. СПб., №1. 2002. С. 74–82) и вызвало благожелательную реакцию у моих коллег и друзей. Если и на этот раз мои слова будут услышаны и поддержаны с сочувствием, а может быть, даже окажутся полезными в чем-либо, то я продолжу свои размышления о ремесле, они же суть воспоминания о моих университетских учителях.

кам поступали-делали наши предшественники в обстоятельствах ремесла-профессии, как накапливались знания и навыки, наконец, что под таковыми подразумевали. Такова наша с античности (уж во всяком случае с Аристотеля, задавшего тон всепознавательной модели и обозначившего стилистическую манеру научного повествования как такового, оставшегося в своих архитектурных контурах неизменным до сего дня вне зависимости от любых эпистемологических передрыг: перед тем, как говорить самому – непрменный и дотошный перечень мнений предшественников с подробным разбором их достоинств или недостатков) дрящящая гносеологическая традиция. Всеобщая ли она, всечеловеческая или нет, не берусь решать, ибо с другими познавательными опытами знаком плохо. Исходя из этой «привычки» раздел «История науки» (или «История области знания») – неотъемлемая составляющая при обучении в высшей школе. Он может быть не слишком большим по объему (например, у технарей, естественников, медиков-ветеринаров и др.). Но в случае с тем ремеслом, которое я пришел осваивать на философский факультет, она, эта составляющая обучения, должна быть огромной, ибо базовая и принципиальная, и ей должно уделяться самое пристальное, самое въедливое внимание. Таковой она и была в те времена, когда я учился на философском факультете. Что, к сожалению, о сегодняшнем дне сказать не могу. Судите сами. Каждый (подчеркиваю: *каждый*, вне зависимости от специализации, собирается ли он преуспеть в будущем на ниве логики, эстетики, научного атеизма, истмата, диамата¹ и др.) студент должен был в течение 9 семестров пройти общий курс по истории философии: еженедельные лекции и семинары, иной раз по несколько раз. Вот и подсчитайте: 64 часа, по крайней мере, в каждом семестре. Плюс годовой курс по истории русской философии (еще 128 часов). И еще один такой же по величине – по истории марксистско-ленинской философии. Итого получается 832 часа только аудиторных занятий!!!!² Какая дисциплина сегодня может в принципе притязать на такой колоссальный объем в рамках законодательно утвержденного учебного плана? Да никакая. И нигде. Глядя на нынешние программы по философии (запечатленные во всяких там РПУДах-КОУПах), видишь, сколько времени-часов-трудоемкостей отводится изучению истории философии – и ахаешь, и рыдаешь одновременно! Но это, так сказать, только официальный, протокольный, для всех предлагаемый обязательный маршрут. Были в нем и

¹ Названия специальностей привожу в тех формулировках, в каких они были приняты на тот момент. Некоторые из них сегодня под иными титулами, что сущности их все равно не изменило.

² И это притом, что академический час у нас длился не 45 минут, а 50.
Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений

особые, предусмотренные для отдельных специализаций (или групп специализаций) ответвления. Например, история этических учений, история эстетики, история атеизма и свободомыслия (т. е., если по сегодняшнему, история взглядов на религию, включающая и историю религиозно-философских концептов) и пр. Все это я также, иногда вольнослушателем с непрерывной сдачей итогового экзамена-зачета, дабы самого себя стимулировать и дисциплинировать, прошел. Разумеется, «частные», узкоспециальные истории философий во многом повторяли и детализировали то, что читалось в рамках базового, многосеместрового, курса. Однако повторение – всегда полезно. Кроме того, многие имена, идеи, и уж точно, источники, оставшиеся в маргинальных отсеках магистральной, как полагали на тот момент (немного с тех пор изменилось, следует признать, она все равно остается гегелевской) линии развития философской мысли, всплывали впервые. От сотворения философического мира (т. е. от семи древнегреческих мудрецов) до... Нет, не до «вчерашней газеты», но до середины XX века. Причина – известна. Она носила как идеологический характер (уж очень все приближено к нам, не «переработано», дискуссионно, потому и подозрительно), так и чисто технический: текстов не было¹. Причем, чем дальше дело отстояло от начала века, тем фрагментарнее, невнятное, растерянное. Все больше – школы, не имена, не работы. Как я понял позднее, для меня это было хорошо, даже благо. Когда позже, уже самостоятельно, пришлось осваивать этот репертуар, повинуясь той или иной производственной надобности, то надо мной не довели мнения или трактовки моих университетских учителей. Что же касается многовековой, до конца XIX века, классики, так ведь она и есть классика, относительно которой радикально взгляд едва ли изменится, ибо именно она и очертила горизонты, а также произвела топографически-топонимическую разметку всей области знания.

В случае же с историей философии – в отличие от любых других дисциплинарных познавательных регионов, где все историческое можно с той или иной оговоркой рассматривать в качестве некоего преддействия ныне происходящих событий и интриг, безусловно, повлиявших и даже определивших контуры последних, но уже и

¹ Впрочем, особо охочие до новейших веяний вполне могли удовлетворить свое любопытство на очень экзотических и тогда, и сейчас вполне допропорядочно-мирных с точки зрения идеологии курсах, как, например, «Критика антикоммунизма» (читал Ю. Н. Солонин) или «Критика немецкой философии религии» (А. Н. Типсина).

устраченных ввиду ветхости и устаревания от активной деятельной процессуальности, – исторические ее, философии, формы-модификации с веками и даже тысячелетиями никуда не исчезают, не отправляются на вечное и бесполезное хранение в запасники, но активно участвуют в продуцировании актуальных жестов и реплик. Они всегда востребованы, бесконечно воспроизводятся в речениях потомков. Не все и не целиком, но в зависимости от априорных для конкретных эпох «условий возможности» и индивидуальных горизонтов говорящего. Таким образом, весь исторический пласт – это активный архив всегда номенклатурных действий, возможностей и самих итоговых дел. Собственно говоря, само тело философии есть совокупность ее исторических форм. В них оно замыкается, посредством их автономизируется, идентифицируется и... исчерпывается. Тем-то и отличается «профессиональный философ» от всевозможных дилетантствующих всуе – а так много желающих предаться «философическому праздному томлению»: этот последний может себе позволить начать разговор на пустом месте, тогда как первый – исключительно «сквозь» призму уже сделанного, реченного, используя артикулированное предшественниками в качестве собственного живого субстрата.

Ибо – самый главный урок, что необходимо усвоить – история философии – это не факт, не дата, не конкретные социокультурные обстоятельства, к которым может быть редуцировано философское речение, хотя соблазн именно в последних искать ему объяснение всегда присутствует, может быть, даже и не человек, но – концепт, что «говорит» не только всей этой феноменально-феноменологической наглядностью, но и самим говорящим. Поэтому принципиального значения не имеет, когда именно, при каких обстоятельствах, чьими устами тот или иной концепт был артикулирован в первый раз. Даже выскажу и крамольную мысль: книги, цельные текстовые массивы, манускрипты, свитки, в коих концепт запечатлен, даже языковая форма его выражения – не более, чем «временная оболочка», что, разумеется, не избавляет от необходимости их знать. Опыт миграции, воспроизведения, позднейшего включения в активный оборот в отсутствие «аутентичных артефактов-свидетельств» многовариантен и далеко не редкость. Среди расхожих примеров: концепты досократиков, да и всей античной философской мысли, что дошла до нас, при этом не оцениваемая нами как фальсификация, подделка, которую можно было бы проигнорировать или исключить вовсе, благодаря десяткам, а то и сотням посредников. Несомненно, конкретные исторические реалии «места и времени» играют роль, причем немалую, впечатываясь в «строй и лад» выражаемого, в его архитектонику и траекторию скольжения по горизонту иного «плана имма-

ненции» (Делез, Гваттари). Однако в общем и целом могут быть детерриторизированы и ретерриторизированы, оторваны и использованы вновь в иных широтах. Причудливость миграционных маршрутов концептуальных «продуктов» в этом смысле показательна: Древняя Греция или Древний Рим, средневековая арабская мысль, вновь миграция в Европу либо через Византию в русский мир. То, что сегодня представлено в соответствующем разделе общей истории философии (магистральной ее версии), собиралось в единый корпус канонических имен и текстов из очень отдельных фрагментов, что дошли до нас благодаря работе различных эпох, культур и культурно-символически-языковых априори.

И еще один благодатный, ибо вырабатывает иммунитет против любых деклараций «абсолютной истины», момент, который с неизбежностью осознается в процессе знакомства с историей философии. Различные философские концепты-системы-авторы не конкурируют друг с другом. Не бывает правых, правильных, передовых, верных, приоритетных, наиболее адекватных и пр. Все равны. Все правы. Даже и более того: ни одна из позднейших исторических форм не опровергает предыдущие и не свергает кумиров. Бывают некрасивые, безвкусные, «не мои», неряшливые, наконец, убогие. Но все эти характеристики относятся к «оболочке», а не к ядру-смыслу-истине. Поэтому все марксистско-ленинское, так называемое «идеологическое облованивание» нас не раздражало, не злило, и уж, безусловно, никак не мешало осваивать ремесло. Просто еще одна историческая форма, еще один концепт, ценность которого в галерее предшественников и современников безусловна, но не абсолютна. Много позже я нашел подтверждение своим-несвоим (ибо, уверен, не только я один пришел к этому) выводам у Делеза и Гваттари: «Концепт всегда обладает той истиной, которую получает в зависимости от условий своего существования»¹; «Самое малое, что можно сказать о дискуссиях, это что они не продвигают дело вперед, так как собеседники никогда не говорят об одном и том же... Критиковать – значит просто констатировать, что старый концепт, погруженный в новую среду, исчезает, теряет свои составляющие или же приобретает другие, которые его преобразуют»²; «Историю философии можно сравнить с искусством портрета. Задача здесь – не “написать схоже”, то есть повторить ска-

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С. 40.

² Там же. С. 41.

занное философом, а создать сходство, одновременно показав учрежденный им план имманенции и сотворенные *им* новые концепты»¹.

Вошедшие в философический коридор сразу же попадали в объятия Веры Яковлевны Комаровой². Несмотря на то, что не одно поколение студентов философского факультета именно с ее лекций начинало осваивать азы профессии, все ее знали, все у нее учились, особой любовью она не пользовалась. Тем не менее, как я сейчас понимаю, она была просто идеальным «проводником в канон». Античность. От 7 мудрецов до эллинизма. Первые полгода – досократики. Разумеется, такое непропорциональное деление учебного времени может быть оспорено (Платону, Аристотелю и всем эллинистам вместе взятым также отводился лишь семестр) и даже показаться странным. Тем не менее, это оказалось более, чем полезным и продуктивным. Прежде всего потому, что ей удалось показать, «как работает философия» и как работают с философией. В самом деле. Что до нас дошло из текстов? Да ничего целиком. Только фрагменты, которые умещаются в одну не слишком толстую книгу. Поэтому изложение мыслей-идей-концептов философов всегда есть реконструкция и интерпретация. И хотя мнения авторов тех монографий по означенному периоду, в которые я тогда заглянул, в общем и целом находились в одном «интерпретаторском фарватере» (марксистско-ленинском), однако присутствовали и нюансы, которые, если иметь в виду малочисленность дошедшего до нас первичного материала, заметны и существенны. Даже если ты просто «пересказываешь книжку», т. е. стараешься следовать исключительно «мысли автора» и вроде бы от себя ничего не добавляешь, неких «сдвигов», коррекций, перекодировок, связанных с детерриторизацией, все равно не избежать. По наивности я додумал в коридорах Веру Яковлевну глупейшими вопросами типа: «А вот я прочитал у... Он считает, что в данном фрагменте... Общий смысл несколько иной по сравнению с тем, что Вы говорили на лекции и пр.» Если она была не в настроении – просто отмахивалась. Если же – благосклонна, то с жаром начинала доказывать свою правоту, цитируя наизусть те или иные фрагменты³. Это было не слишком убедительно. Но не потому, что она не умела отстаивать свою точку зрения или неловко-неряшливо пользовалась системой аргументации. О нет! Она была мастер и профи. Просто другие авторы

¹ Там же. С. 120.

² Для моих однокурсников ее лекция вообще была первой в стенах университета.

³ Кстати, это была подлинная мука, когда зимой на первом экзамене мы должны были знать наизусть ВСЕ тексты Гераклита, ну и примерно такой же объем из всех других.

приводили не менее значимые подтверждения, поиному выстраивали «линию защиты». Глупцом был я, полагая, что можно *наконец-то* сказать, отыскать, выразить, доискаться до того, *как оно есть на самом деле*. К концу семестра я наконец-то усвоил: правы все. Пока речь шла только об интерпретаторах-медиумах, т. е. вторичной исследовательской литературе, не о самих философах. И второй, очень важный момент. А именно: сам канон, или «интерпретаторский фарватер», та самая «магистральная линия», что определила и подбор самих концептов-философов, и «рассечение» их работ-высказываний-мыслей на отдельные сегменты-сюжеты («части» философской системы или разделы философии). Весь марксистско-ленинский «гарнир» изначально не мог выступать фундаментальным основанием выработки магистралей и отдельных кластеров. И потому, что сам, как одна из возможных систем, был сформирован и эволюционировал в уже до него существующих дисциплинарных канонических априори. Это нам было очевидно. Ну и потому, что подавляющее большинство авторов, фигурирующих в учебной программе, писали и говорили задолго до звонких деклараций К. Маркса, а потому к его мыслям, так же как и к мыслям его последователей, *никак* относиться не могли. Поэтому ко всем этим извинительным риторическим «реверансам» вроде «стихийного материализма» иначе, как с улыбкой, относиться нельзя. Разумеется, были не очень *удобные* времена и стилистики (например, средневековые), либо и вовсе *крамольные* с точки зрения «генеральной линии» (пласт религиозно-ориентированных течений и учений или, как индийская философия, вне религиозно-мистического аспекта не мыслимая в принципе). Но и они не были изгнаны из учебного цикла. Хотя и преподносились с соответствующими не слишком ространными разъяснительными оговорками, неспособными кого-либо ввести в заблуждение. И так – канон. Кроме чтения «научных монографий» (вторичной литературы) и без всяких указаний или рекомендаций я стал читать «Лекции по истории философии» Гегеля. И все стало на свои места. Будь-то марксистская, будь-то немарксистская история философии – это все равно гегелевский проект¹. Имена, группы, течения-направления, последовательность эпох, сквозные предметно-тематические сюжеты – от родоначальника. Если точнее – от его собственного взгляда, многократно им высказываемого. И надо сказать, что все последующие лекторы, за

¹ Даже такая абсолютно чуждая по субстрату-материалу, как индийская, при изложении безусловно европейски ориентированная, все равно остается гегелевской. См., напр.: *Радхакришнан С.* Индийская философия. Т. I–II. М., 1993.

редким исключением, придерживались в общем и целом этому повествовательному сценарию. С Верой Яковлевной спорить можно. Но вот опспорить Гегеля нет. Хотя это и не принуждает к повиновению и принуждению: Гегель не единственная абсолютная «субстанция».

Итак, канон, пусть даже и ретроактивно, был установлен, магистральная линия прочерчена. Насколько она адекватной была самим первичным речениям, принципиального значения не имеет. Уже и в античности с точки зрения *самого текста*, если взглянуть на него «незамысленным» историко-философским *видением* взглядом, едва ли многие тексты, внесенные в «платиновые списки», таковыми не являются, и пребывание их последнем двусмысленно. Например, большинство диалогов Платона¹ или «О природе вещей» Тита Лукреция Кара. То же самое можно сказать и о средневековой философии, которую нам читал Ю. Н. Солонин², и о философии эпохи Возрождения (К. А. Сергеев)³. Кроме того, что это, средневековье, было невероятно интересным (с большинством античных философов так или иначе мы и до В. Я. Комаровой были знакомы: если и не читали, то слыхивали, из активного «культурного обращения» за пределами философского факультета они были практически изъяты), оно было поучительным. Каким образом весь этот массив очень разнородных по пестовому, смысловому и вербально-дискурсивному текстовому субстрату, при всей экстравагантности и экстраординарности концептов, равно как и презентующего их, вполне логически укладывался в прокрустово ложе гегелевского сценария? Разумеется, уже Гегель их прекрасно препарировал, отсек или *верно* проинтерпретировал двусмысленное или *странное* (ну, что может быть страннее «О Граде Божьем» Августина Блаженного?) с точки зрения магистрального канона. Но и исполнитель – Ю. Н. Солонин – был великолепен. Особенно в лекциях,

¹ Показательно, что «Пир» Платона не единожды ставился на театральных подмостках и был экранизирован М. Феррери.

² Экстравагантным, можно даже сказать шоковым, было мое первое знакомство с человеком, который в последующем на протяжении двух десятилетий определял мою жизнь. Входит такой высоченный, интеллигентнейший, в рваных джинсах и таком же «странном» свитере, хотя и без кирзовых сапог, коими он многократно эпотажно щеголял, молодой красивый мужчина. Садится. Кладет на стол абсолютно непотребный портфель и начинает руками рыскать по всем своим карманам и вытряхивать содержимое – рваные помятые бумажки – портфеля на стол. Через какое-то время он изрекает тираду, которую я запомнил на всю жизнь: «Где же мои очки? Где же мои очки? Без очков я ни... не вижу!» Мы так его сразу полюбили. Средневековую философию – также.

³ Н. Кузанский – не в счет.

посвященных схоластике, прочитанных с упоением и восторгом¹. Лишь много позже я узнал, что и в студенчестве, и в аспирантстве он специализировался по кафедре логики, что многое в плане «ментальной дрессуры», которой мы подверглись благодаря ему, объясняет². Ему и, разумеется, средневековой философии.

Поэтому многое из последующего уже не вызывало каких-либо предметно-профессиональных проблем. Новое время, немецкая классика, вторая половина XIX века... Были эпохи-времена (для меня) скучные-нудные (например, Просвещение) ввиду их *слишком понятности*. Или мучительные, нанесшие интеллектуальные травмы, от которых до сего дня не оправился (например, немецкая классика в лице Е. С. Линькова)³. Но и с другой, так сказать, неортодоксальной версией эволюции философии я также познакомился в университете. Это русская философия (А. А. Ермичев), индийская, значившаяся в расписании как древнеиндийская (В. И. Рудой), и древнекитайская (Е. А. Торчинов). Так что к освоениям «маргиналов» XX века я также был вполне подготовлен⁴.

¹ Этот курс он читал до середины десятых годов уже нашего века. Так что нынешние если не аспиранты, то докторанты прошли через его руки.

² Если же вспомнить еще о годе его пребывания, до университетской скамьи, в военном училище, то его, при внешней рассеянности или спонтанности, порой кокетливой капризности, предельная выверенность, стойкость, дисциплинированность шагов и действий уже не удивляют.

³ Без содрогания не могу вспоминать 4 курса, когда за один (ОДИН!) год мы должны были прочитать, законспектировать и усвоить, кроме того, что говорилось на лекциях, все три «Критики» Канта, «Энциклопедию философских наук» Гегеля, не говоря уже о всяких там *мелких* (по объему, не по значимости) шеллингов, фихте и фейербахов. У моих однокурсников, за очень небольшим исключением (перед коими я и тогда и сейчас «снямаю шляпу», например, перед В. Камневым, ныне директором издательства «Наука»), остался такой же осадок. Любви мне к этому периоду не прибавило и вторичное обращение к этому материалу, когда за один день аспирантам физикам и математикам в Петергофе мне пришлось 6 часов говорить о Гегеле и столько же о Канте.

⁴ Но об этом – в другой раз.

ЗАДАЧИ И ЦЕЛИ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ФИЛОСОФСКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ВЕРТИКАЛЬ В РОССИИ¹

В. И. Красиков

Философское образование, как известно, долгое время было синонимом фундаментального всестороннего обучения подрастающего поколения, т. к. большинство известных сейчас наук ранее включалось в так называемую Большую философию. Вплоть до начала XIX в. это было закреплено на институциональном уровне. Среди четырех традиционных факультетов европейских университетов: теологического, юридического, медицинского и философского, именно философский оказался пристанищем большинства гуманитарных и естественнонаучных дисциплин². В XIX в. произошла радикальная дифференциация прежде единого знания о мире и человеке, появилась современная Большая наука, состоящая из тысяч дисциплин, что означало «смерть» Большой философии. Философия «скукожилась» до самых общих мест в онтологии, гносеологии и методологии. Все оставшееся: социальная философия, антропология, этика, эстетика и пр., были приватизированы новыми дисциплинами – социологией, политологией, психологией, позже культурологией и многими другими.

Тем не менее, философия остается одной из фундаментальных основ классического университетского образования, поскольку для каждого молодого человека, стремящегося к успеху на жизненном поприще, необходима не столько какая-то сумма знаний, но более освоение навыков, или как сейчас принято говорить «компетенций». Философия и есть культивирование самой фундаментальной из мыслительных компетенций – рефлексии: критической вдумчивости и

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 15-03-00087.

² Шнайдер У.И. Преподавание философии в немецком университете в XIX веке // Логос. 2004. № 3–4 (43). С. 65.

отстраненного самоанализа. Ее содержание это одновременно «теоретическая форма современного мировоззрения ...методология научного познания... форма мудрости, удовлетворяющая любознательность человека»¹.

В англо-американском мире философия пребывает на задворках сциентизированного разума – и в содержательном, и институциональном плане. В России же философские дела обстоят не так уж и плохо, несмотря на обиды и алармизм некоторых старших коллег. Содержание преподавания философии и место философов у нас определяются нашей предшествующей историей, особенностями организации отечественного социума.

У нас не было двухсотлетней позитивистской обработки интеллектуалов философофобской пропагандой, философия в течение всего прошлого века воспринималась в оптимистично-гегельянском духе – как незаменимая наука о сущем, и ей пели осанну не только сами профессионалы, но и власть имущие. Потому несмотря на многочисленные перестроечные, потом либерально-позитивистские «наезды» на философию, ей удалось сохранить большинство позиций.

Каковы же эти позиции? Они, конечно уже не те, каковыми были в советское время, но продолжают оставаться довольно внушительными. Судите сами: философия входит в число базовых (обязательных) дисциплин общенаучного цикла для всех студентов, она должна также осваиваться, в виде «истории и философии науки» соискателями кандидатской степени. Кроме того, философствование продолжает оставаться привлекательным занятием для некоторой части честолюбивой молодежи.

Термин «вертикаль» – по отношению к системе философского образования – употребляем здесь не случайно. Структура философского образования конгруэнтно (эквивалентно) воспроизводит имеющиеся в нашем отечестве формы традиционных социально-властных практик. Речь идет о строгих иерархиях организаций и должностей, высшие инстанции которых находимы в одном центре (столице), затем звенья управления и влияния, так сказать «среднего звена» – в нескольких опорных точках по всей стране, и нижние звенья. Статусы, профессионализм, влияние, известность – короче так называемый «символический капитал», распределен здесь крайне неравномерно: есть небольшое количество очень богатых этим капиталом,

¹ Дианова В.М. Цели философского образования: возможные интерпретации // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2013. Вып. 1(4). С. 105.

находящихся в центре и опорных точках, и большая безликая периферия «малоимущих». Причем вертикальная мобильность здесь серьезно ограничена именно усилиями привилегированных, которые сознательно и бессознательно препятствуют проникновению чужаков с периферии, самозамкнуты и самовоспроизводятся. Привилегии здесь производны от «места», нахождения в центре и речь не идет о каких-то выдающихся талантах, здесь «место красит человека» и принадлежность к сакральной территориальной институции заведомо сакрализует и человека, и его продукцию. Это «интеллектуальный подиум», все происходящее на котором видно всем внизу, напротив все, что делается внизу, часто также выдающееся и интересное – не видно и не интересует никого.

Ну и, конечно, в большей степени этому способствуют соответствующие резкие контрасты социально-экономических реалий: уровни жизни и возможностей столиц, крупных центров и гигантской периферии. Они ставят непроходимые экономические барьеры между территориями, которые объединяемы лишь этой самой вертикалью. Какие бы области общественной жизни мы не взяли: экономика, политика, образование (в том числе философское), везде просвечивает эта самая вертикаль. Разумеется, нечто подобное есть в любой стране, даже самой демократичной, однако только у нас, как и во многих других странах, причисляемых к «развивающимся», вертикаль образует по жестким территориально-клановым и авторитарным принципам. Формируются соответствующие правила общения, ритуалы во взаимоотношениях между центрами и периферией, взаимные оценки и репутации. Философское образование выстроено в виде подобной вертикали, в чем мы убедимся, анализируя сеть его основных институций – в столицах, наиболее крупных территориальных центрах и так сказать «на местах», т. е. не крупных городах, имеющих университеты.

Фактический материал, используемый здесь, взят из открытых Интернет-источников, официальных сайтов соответствующих образовательных организаций. Понятно, что он может быть не достаточно презентативным, в силу редкой обновляемости содержания сайтов, реальной жизненной изменчивости, вносящей постоянно какие-то коррективы (смена места работы, административные, личные перемены). Вместе с тем, учитывая подобные обстоятельства, которые вряд ли способны существенно исказить общую картину, попытаемся выстроить модель философско-образовательной вертикали в нашей стране.

В начале несколько слов по поводу общей схемы философского образования. Согласно Приказу № 1061 Минобрнауки России от 12.09.2013 «Об утверждении перечней специальностей и направле-

ний подготовки высшего образования» специальность «философия» изучается на трех уровнях: бакалавриат (47.03.01), магистратура (47.04.01) и аспирантура (47.06.01) – соответственно 4, 2 и 3 года на очных формах обучения¹. Причем учиться на каждом из уровней можно независимо от прежней индивидуальной образовательной истории.

С чем имеет дело человек, получивший подготовку по философии и на какие ниши в современной профессиональной структуре может рассчитывать наследник Платона и Аристотеля?

На первую часть вопроса в Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС) ответ довольно уклончив и одинаков. И бакалавр, и магистр в качестве объектов своей профессиональной деятельности будут иметь «различные формы бытия; процессы развития природы, общества и сознания». Далее. Кем может быть выпускник? Преподавателем, сотрудником академических учреждений и научно-исследовательских организаций, средств массовой информации, органов культуры и даже, предел мечтаний – чиновником органов государственного и муниципального управления. И никогда – собственно философом, в наше время – это скорее личностно-экзистенциальная характеристика, нежели общественно-профессиональная квалификация.

Философско-образовательная вертикаль представляет на сей день довольно маловразумительное явление, как, впрочем, и вся система образования в целом – вследствие поспешного сочетания прежних структур и имплантированных новшеств, призванных обеспечить нам вхождение в мировое образовательное пространство. Прежний дипломированный специалист был разъят на бакалавра и магистра: массового середнячка и некоторых более способных. Аспирантура, напротив, потеряла свои академические свободы, внутреннюю самостоятельность-самодеятельность, превратившись в еще один педагогический уровень с множеством отчетностей.

Подобная несвязность уровней бакалавриата, магистратуры и аспирантуры приводит к хаотичной на первый взгляд ситуации. 47 вузов по стране готовят бакалавров по философии, из них 8 – в Москве, 4 – в Санкт-Петербурге. В 41 российском вузе имеется философская магистратура. Причем здесь причудливо перемешаны традици-

¹ Сюда следует еще добавить две специальности, сопряженные в «Перечне» с «философией»: это «Прикладная этика» (47.03.02, 47.04.02) и «Религиоведение» (47.03.03, 47.04.03), которые сливаются в одну специальность аспирантуры (47.06.01 – «Философия, этика и религиоведение»).

онные «бренды» философского образования (философские факультеты МГУ, СПбГУ, РГГУ и пр.) и новообразования типа Современной гуманитарной академии (дистанционное образование) или Института делового администрирования. Нечего говорить и о философской аспирантуре, которая имеется в еще большем количестве вузов, т.к. ее существование сопряжено только с наличием в вузе докторов и даже активных в научном отношении кандидатов философских наук.

Однако подобный вид, экспозиция жизни современного философского образования – это скорее феноменальный, по кантианской терминологии, уровень восприятия действительности. Вместе с тем все еще отчетливо просвечивает прежняя, устоявшаяся (ноуменальная) вертикаль, которая, по сути, фундирует новообразованную химеру «бакалавриата-магистратуры-аспирантуры». Это сохраняющаяся традиция старых философских факультетов и университетских центров, где существуют высококвалифицированные кадры, духовная преемственность, которые видны лишь людям, принадлежащим самому философскому сообществу. Они задали, сформировали ту вертикаль, которая, сложившись в 50-80 гг. прошлого века, продолжает свое существование в новых условиях.

Прежде всего следует говорить о *ядре*, о *базовом уровне* тех исследовательско-образовательных институций, где готовятся, хотя бы отчасти, философские пассионарии, аскеты с «призванием к профессии», становящиеся впоследствии ключевыми элементами профессионального сообщества. Сюда входят философские факультеты Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Новосибирска, Томска, Казани и Саратова. Именно в этих городах еще в советское время на базе классических университетов сформировались наиболее сильные философские сообщества. И только здесь сохранилась *философия в качестве титульной дисциплины*, в отличие от университетов других областных центров, где она была вынуждена входить в разнообразные комбинации со смежными гуманитарными дисциплинами, образуя причудливые соединения, типа: «факультет социальных и гуманитарных наук» (РУДН), «факультет философии, культурологии и искусства» (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина), «факультет философии и психологии» (Воронежский государственный университет) «факультет психологии и философии» (Дагестанский государственный университет), «факультет истории, философии и права» (Омский государственный педагогический университет), «философско-социологический факультет» (Пермский государственный университет), «социально-теологический факультет» (Белгородский государственный университет), «факультет философии, социологии и культурологии» (Курский государственный университет) и т. п.

Итак, первая категория философско-образовательных учреждений: «чистые» философские факультеты. Они обладают следующими критериями самодостаточности: философия здесь ведущая дисциплина, т. е. число кафедр чисто философского характера больше, чем других обычно сопутствующих гуманитарных наук (культурология, политология, социология и т. п.); имеется полная вертикаль подготовки: философские – бакалавриат, магистратура, аспирантура, докторантура и действующие диссертационные советы; имеются многочисленные кадры высококвалифицированных философов-исследователей, отличающихся научной продуктивностью и имеющих серьезные репутации в отечественном философском сообществе. Это научно-образовательные машины так сказать «полной сборки».

Наиболее мощные по кадрам и безупречные по «философской чистоте», как и следовало ожидать, – это столичные философско-образовательные институции.

Так на *философском факультете МГУ*, основание которого датируется 1755 годом, мы видим 16 кафедр, на которых работают 198 преподавателей, из которых 72 доктора наук, 113 кандидатов и 13 неостепенённых. Ясно, что такого количества докторов вполне хватает для укомплектования 6 диссертационных советов – практически по всему спектру философского знания.

Семь выпускающих кафедр имеет *факультет философии государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН)* при Институте философии РАН (начало с 1994). Кадровое обеспечение здесь имеет свою специфику: основной профессорско-преподавательский состав сложился из ученых отделов и секторов Института философии РАН – 21 доктор и 17 кандидатов наук (38). Имеются 5 диссертационных советов.

Две другие московские философско-образовательные институции значительно скромнее, чем первые две.

Так *философский факультет РГГУ* – еще один центр отечественной философской мысли, но, так сказать неортодоксального свойства – в отличие от упомянутых выше. Если костяк философского факультета МГУ и факультета философии ГАУГН составляют философы, которые обрели свой высокий профессиональный статус еще в советские времена, опираясь на традиционный научно-философский рационализм, то описываемая здесь институция была создана новой формацией отечественных философов, сложившихся под влиянием усвоения новейшего интеллектуального импорта (в 90-х гг. прошлого века): аналитической философии и постмодернизма. Институция небольшая – 4 кафедры, 3 центра и 1 диссовет, 37 человек: 17 докторов,

19 кандидатов философских наук и 1 не остепененный. Состав кафедр и Центра феноменологической философии небольшой – от 5 до 8 человек.

До 2014 в Высшей школе экономики существовал свой философский факультет, который в настоящее время превращен в *школу философии ВШЭ*. Формально следовало бы отнести его к категории выпускающих кафедр университета, которые имеются в некоторых классических университетах. Хотя и декларируется автономность в рамках факультета гуманитарных наук, однако на деле – это одна гигантская кафедра (онтологии, логики и теории познания), численность которой 64 (!) человека: 19 докторов, 38 кандидатов философских наук и 7 не остепененных. Есть один диссертационный совет.

Традиционный соперник Москвы, Санкт-Петербург, имеет свой флагман философии в лице *Института философии* Санкт-Петербургского государственного университета. И это старейший философский факультет в России, ибо был создан вместе с университетом в 1724. По качеству и количеству подразделений, по кадровому обеспечению он приближается к своему зеркальному отражению в столице. Здесь 14 кафедр, 217 преподавателей, из которых 63 доктора, 114 кандидатов философских наук и 40 не остепененных, 4 диссертационных совета по философским наукам.

Еще один факультет в Санкт-Петербурге, который можно отнести к первой категории, где число кафедр с явно философской квалификацией преобладает, это *Факультет философии человека РПГУ* им. А. Герцена. Он был создан в 1993 г. и позиционирует себя как единственный в России научно-образовательный центр по подготовке специалистов в области комплексного исследования антропологической проблематики. Этим и объясняется выбор названия институции. Она довольно крупная, здесь учатся: по очной форме 570 человек, по заочной – 473 человека. В их подготовке принимают участие преподаватели и сотрудники 5 факультетских кафедр: философии, философской антропологии и истории философии, эстетики и этики, теории и истории культуры, связей с общественностью и рекламы, на которых работают около сотни человек: 39 докторов наук и 57 кандидатов наук.

Другая половина «чистых» философских факультетов находится вне двух столиц.

Департамент философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета в Екатеринбурге или прежний философский факультет Уральского госуниверситета существует с 1965 г. В 70-80 гг. прошлого века он превратился в один из центров союзной философской мысли. Кадры, сформированные в то время, продолжают быть основой и современной уральской фило-
Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений

софии. Несмотря на название, департамент по сути обычный философский факультет: доминируют специализированные философские кафедры – годовой набор на направление «философия» более 100 человек (на «религиоведение» – 22 человека); психология, политология и социология имеют свои департаменты; имеется диссовет по трем важнейшим философским направлениям (онтология и теория познания, история философии и социальная философия). На шести кафедрах преподают 63 человека, из них 16 докторов, 37 кандидатов философских наук и 10 не остепененных.

Форпост отечественной философии на юге – *Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета*. И хотя кафедральная структура факультета несколько омрачена мезальянсом с политологией и социальными технологиями, в целом можно говорить о безусловном доминировании философских дисциплин. На 7 кафедрах трудятся 31 доктор, 54 кандидата философских наук и 16 не остепененных преподавателей – в итоге более 100 человек. Есть 3 диссертационных совета, что является лучшим показателем после лидерских факультетов обеих столиц.

Философский факультет Новосибирского университета – крайняя восточная точка сложившихся «чистых» философских факультетов в России, образован в 1993 г. В его составе 3 кафедры: кафедра философии, осуществляющая преподавание философии на всех факультетах университета и две выпускающие кафедры – гносеологии и истории философии. Сеют разумное, доброе, вечное 18 докторов и 26 кандидатов наук.

Такой же небольшой *философский факультет* появился в *Саратовском университете* в начале текущего века. Здесь мы можем найти 5 кафедр, из которых только одна не философская (культурологии). В своем составе он насчитывает 40 человек, почти наполовину представленный докторами (20) и кандидатами философских наук (18), к которым примыкают 2 соискателя степеней.

В 2007 г. и в *Казанском госуниверситете* был открыт *философский факультет*. На нем 6 кафедр, из которых 4 – философские, 2 – конфликтологии и политологии, превалирует, следовательно, все же философия. 62 преподавателя: из них 14 докторов, 40 кандидатов и 8 не остепененных. Имеется диссертационный совет.

Таким образом, в России существует 11, так сказать, «чистых» факультетов философии, выделенных по ранее заявленным критериям. Среди них на первом месте – и по численности и качеству кадров, по спектру предоставляемых философско-образовательных услуг –

«три богатыря»: философские факультеты МГУ, СПбГУ и ЮФУ. Остальные «чистые» институции – в 2–3 раза меньше.

Вторую категорию философско-образовательных институций составляют так сказать *комбинированные* факультеты. И они характерны не только для провинций, но составляют как бы второй эшелон и в столицах (РУДН, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина), входят в состав некоторых национальных исследовательских университетов (например, Томского).

Так, с 1996 г. в *Российском университете дружбы народов* существует Институт гуманитарных и социальных наук. Довольно большой – 15 кафедр, из которых лишь 4 – философские, дающие полное философское образование (бакалавриат, магистратура, аспирантура, диссовет). Кадры вполне тянут на небольшой философский факультет: 41 человек, из них 14 докторов, 20 кандидатов философских наук и 7 не остепененных.

Философский факультет Томского национального исследовательского университета был открыт в 1987 г. на базе исторического факультета, где еще с 1977 г. осуществлялась специализация студентов по философии (7 наборов – 36 выпускников), а в 1983 г. была набрана первая группа студентов на специальность «философия». Из 7 кафедр, лишь 3 философские, остальные – как обычно сейчас: политология, социология, социальная работа и гуманитарные проблемы информатики. Из 80 преподавателей лишь 28 обитают на трех философских кафедрах: 11 докторов, 13 кандидатов философских наук и 4 не остепененных, которых вполне хватает на один диссертационный совет.

В том же 1996 г. увидел свет и *философско-социологический факультет Пермского госуниверситета*. Также из 5 кафедр лишь 2 – философские, преподавателей – 43: 10 докторов (из них 1 физико-математических наук); 25 кандидатов (опять-таки из них 5 непрофильных) и 8 не остепененных, т. е. собственно философов оказывается 37. Добавьте диссертационный совет.

Факультет философии и психологии Воронежского госуниверситета был создан в 1996 г. Из 5 кафедр лишь 2 – философские, на которых трудятся 24 преподавателя философии: 7 докторов, 12 кандидатов и 5 не остепененных, имелся, по крайней мере, до начала ваковских чисток, свой диссертационный совет – вероятно, за счет еще приглашаемых коллег из других вузов.

Социально-теологический факультет Белгородского государственного университета открыт в 2001 г., где среди 4 кафедр есть кафедра философии и теологии, имеются бакалавриат, магистратура и аспирантура по философии. Кафедра философии и теологии довольно многочисленна: 36 человек, из них 10 докторов (2, правда, непро-

фильные), 21 кандидата наук (16 – по философским наукам, 2 – богословия, 3 историка) и 3 не остепененных.

Факультет истории, философии и права Омского государственного педагогического университета существует в таком качестве с 2012 (с 2002 по 2012 здесь имел место быть философский факультет, состоящий из 2 кафедр: философии и культурологии). Из 4 факультетских кафедр сейчас только одна философская, где работают 20 сотрудников, из них 7 докторов, 11 кандидатов философских наук и 2 не остепененных. С 1997 г. по сей день успешно функционирует диссертационный совет.

Факультет психологии и философии Дагестанского госуниверситета был создан в 2011 г. 5 кафедр, из которых, опять-таки философских только 2, если не 1,5, потому что одна из них обозначена как «кафедра философии и социологии». Состав преподавателей философии не велик – всего 16 человек: 5 докторов (один из них – математик), 5 кандидатов философских наук и 6 не остепененных, однако есть диссертационный совет.

Факультет философии, культурологии и искусства Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина был создан после последней реорганизации в 2011, в него входят три кафедры, в том числе и философская. На ней насчитывают 6 докторов наук (2 – внешних совместителя) и 8 кандидатов, которые обеспечивают полный цикл (кроме докторантуры) философского образования: от бакалавра до кандидата наук (есть диссертационный совет).

Факультет социальных наук Нижегородского госуниверситета открыт в 1996 г. Из 10 кафедр – 3 философские, где обитают 19 преподавателей, из которых 7 докторов и 12 кандидатов наук. Налицо полный цикл в философской подготовке: бакалавриат, магистратура, аспирантура и докторантура, есть диссертационный совет по двум философским специальностям.

Факультет философии, социологии и культурологии Курского госуниверситета образован в 2005 г. Из 3 кафедр – одна кафедра философии, небольшая: 5 докторов и 2 кандидата философских наук. Однако есть полный цикл: бакалавриат, магистратура, аспирантура и диссовет, созданный по специфической специальности (09.00.13), междисциплинарной по определению (религиоведение, философская антропология, философия культуры), в котором могут участвовать и доктора по культурологии, политологии и социологи.

В третью категорию выстраиваемой вертикали философского образования следует причислить еще 12 философско-образовательных институций, которые можно назвать *выпускающими кафедрами*.

Они входят в состав крупных университетов, два из которых - федеральные. Однако они либо не имеют факультет образующего статуса, либо у них отсутствуют какие-либо из элементов полного научно-образовательного цикла от студента до кандидата наук.

Начнем с Самары. В этом городе располагается любопытное учебное заведение – *Самарская государственная областная академия (Наяновой)*, в котором как бы есть философский факультет. Факультет этот, однако, довольно странный, как и сама академия. В его состав входит, помимо маленькой кафедры философии (10 преподавателей, 2 доктора, 5 кандидатов и 3 не остепененных), еще кафедра теории и истории литературы (4 преподавателя). Есть бакалавриат по философии, но нет магистратуры, обещана аспирантура. Понятно, что ни о каком совете и речи не может идти. Потому сей факультет не может быть помещен никуда, кроме как в категорию «выпускающие кафедры».

Являются выпускающими также следующие кафедры университетов: *кафедра философии Бурятского госуниверситета* (11 докторов и 8 кандидатов наук); *кафедра философии Калининградского госуниверситета* (8 докторов, 6 кандидатов и 6 не остепененных); *кафедра философии Волгоградского госуниверситета* (6 докторов и 7 кандидатов философских наук); *кафедра философии Кубанского госуниверситета* (5 докторов и 17 кандидатов наук); *кафедра философии факультета Евразии и Востока Челябинского госуниверситета* (5 докторов и 6 кандидатов философских наук); *кафедра философии социально-гуманитарного факультета Омского госуниверситета* (4 доктора наук и 5 кандидатов); *кафедра социальной философии, онтологии и теории познания Алтайского госуниверситета* (4 доктора и 5 кандидатов философских наук); *кафедра философии Сибирского федерального университета* (3 доктора, 17 кандидатов наук и 5 не остепененных); *кафедра философии Дальневосточного федерального университета* (3 доктора, 15 кандидатов философских наук и 5 не остепененных); *кафедра философии и культурологии Оренбургского госуниверситета* (3 доктора и 12 кандидатов наук); *кафедра философии Астраханского госуниверситета* (всего 1 доктор и 4 кандидата).

И четвертая категория философско-образовательных институций *не выпускающие кафедры философии*. Философия в этих вузах выполняет лишь общеобразовательные функции. Это, к примеру, классические университеты в Твери, Ярославле, Калуге, Смоленске, Туле, Пензе, Ставрополе, Тамбове, Тольятти, Кургане, Кемерово, Вологде, Пскове, Владимире, Рязани, Якутске и т. д.

Некоторые вузы вообще исключают слово «философия» из названия кафедр, занятых реализацией госстандартов по философии, называя, к примеру, их кафедрами «социальных коммуникаций» или «методологии науки». Часто формируются разнообразные объединения философии с другими гуманитарными науками – кафедры «истории и философии», «философии и социально-эконом. дисциплин», «философии и культурологии (политологии, педагогики, психологии и пр.)»

Вместе с тем, нельзя сказать, что кафедры этих университетов довольствуются лишь просвещенческой функцией и не имеют никакого отношения к профессиональному философскому образованию. Имеют, и самое прямое отношение. По мере становления той или иной кафедры, появления в её составе кадров высшей квалификации – докторов наук (иногда даже и кандидатов), имеющих здоровые амбиции, здесь тут же появляются аспирантуры (докторантуры) и даже диссоветы – все зависит от личного фактора. Как правило, последующий шаг – открытие бакалавриата и магистратуры, если удастся убедить местное руководство и «пробить» проект в центре.

Приведенный эмпирический материал в целом подтверждает те мысли о характере философско-образовательной вертикали, которые были приведены в начале статьи. Основные кадры – в количественном и качественно отношении – сосредоточены в столицах, а также в исторических провинциальных центрах философии (Ростов-на-Дону, Казань, Новосибирск, Екатеринбург и Саратов), где функционируют «чистые» философские факультеты. Здесь мы видим 72 философские кафедры, где заняты 964 преподавателя и функционирует примерно 25 диссертационных советов.

Вторая категория, «комбинированные факультеты» дает в три раза худшие показатели в сравнении с первой категорией: 22 философские кафедры, где работают 248 преподавателей, и не больше 10 диссертационных советов.

И третья категория, «выпускающая кафедра» – вчетверо меньше в сопоставлении с первой категорией: 12 кафедр, 180 преподавателей и 5–7 диссертационных советов.

Вот это-то и называется «вертикаль» в философском образовании, которая конгруэнтна всем остальным нашим вертикалям. Подобное состояние дел самовоспроизводится и самоподдерживается. Как в сферах политической и экономической, так и здесь требуется демократизация и децентрализация, а начать с малого – дать большую свободу на местах и отказаться от тотальности контроля из центра. Однако это уже тема для особого разговора.

КОД РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ ИСТОЛКОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

В. М. Соловьев

Ключ к пониманию

Многозначность вынесенного в заглавие понятия *код культуры* обязывает предварительно пояснить, что в самом общем виде автор имеет в виду под этим термином базовые ценности, приоритеты и характерные особенности, по которым идентифицируется культура¹.

Культурная идентичность складывается в ходе далеко не всегда поступательного, сопряженного со скачками, поворотами, переменами, исторического развития и подпитывается мегаидеей, которая ведет и консолидирует нацию, определяет как суть народа, так и его видение мира.

Связь времен, преемственность, культурная самоидентичность, или, иначе говоря, отождествление последующего этоса с традициями предыдущего, прослеживается в каждой эпохе, будь то Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, СССР или РФ.

Ключ к пониманию русской культуры, т. е. к ее культурному коду, – это не что-то одно единственное, беспримечное и раз навсегда установленное, а сложная совокупность знаков, символов, смыслов, плод многовекового развития, результат накопления и приумножения широкого спектра ценностей.

От архаики до современности восприимчивость к опыту других культур не вела к утрате самобытности и оригинальности, а влияния извне не приводили к аккультурации и не прекращали непрерывность и единство культурного развития страны.

Доминанта русской культуры при всех привнесениях и заимствованиях была заложена в восходившем к язычеству древнейшем наследии, славянское ядро которого не исключало поликультурный

¹ См.: Соловьев В.М. Приоритеты и критические точки русской культуры (общий обзор) // Полигнозис. 2013. № 1–4. С. 3–14.

характер, ибо славянский этнос был в тесном контакте с балтскими, финно-угорскими племенами и постоянно соприкасался с германским, тюркским, северокавказским этническими субстратами.

Осваивая и впитывая достижения соседей, Русь, а позднее Россия преобразовала их в элементы собственной традиции, что свидетельствует о силе и самостоятельности русской культуры, между тем как за рубежом ее и поныне лишают и того, и другого, подчеркивают вторичность, производность от византийской или западноевропейской культур, следование за какими-то заимствованными образцами. Так, английский историк А. Дж. Тойнби называл Русь «дочерней зоной византийской цивилизации» и утверждал, что как под Распятием, так и под серпом и молотом страна была и оставалась Третьим Римом¹.

Не углубляясь в достаточно хорошо изученный вопрос об особенностях восприятия России иностранцами², необходимо напомнить, что осознание русскими своей национально-культурной целостности произошло значительно позднее, чем становление аналогичного национального самосознания у западноевропейцев, но запоздалый старт исследования самоидентичности не означает его малой результативности.

Современные зарубежные авторы по-разному подходят к вопросу об изучении российской цивилизации. Американский литературовед-психоаналитик Д. Ранкур-Лаферьер утверждает, например, что Россия до сих пор плутает в тщетных поисках своей национальной идентичности. Он считает необоснованными претензии России на Русь и оспаривает то, что возраст России восходит к глубокой древности. С его точки зрения, это не более чем националистический миф³. «Диагноз», который ставит автор этой нашумевшей на Западе книги, однозначен: русские, во-первых, неисправимые националисты, во-вторых, великие мазохисты, вечно смиренные, покорные судьбе, склонные к самоуничтожению и разрушительному пьянству.

Как, спрашивается, с таким почти смертным приговором Россия еще существует и продолжает развиваться?

¹ См.: Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003. С. 75, 106–108, 113.

² См., напр.: Елистратов В.С. Россия как миф (к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом) // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994. С. 6–18.

³ См.: Ранкур-Лаферьер Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика: В поиске национальной идентичности. М., 2003. С. 25.

И ведь подобных мнений и заблуждений более чем достаточно. Причем они по-своему даже работают на поиск объективных решений, ибо сигнализируют, что формировать образ России нужно совсем в другой плоскости¹.

Есть, правда, глубоко отличные от ранкур-лаферьерских суждения. Другой американский исследователь – Д. Х. Биллингтон – делится совсем иным опытом истолкования истории русской культуры. «Почти для всей русской культуры, – пишет он, – характерно ощущение некоего единства, как если бы отдельные ее представители и художественные формы выступали не сами по себе, но в некотором смысле все являлись участниками общего творческого поиска, философского спора или общественного конфликта»².

Именно в таком ключе автор «Иконы и топора» прочитывает информацию и рассматривает артефакты, позволяющие ему идентифицировать русскую культуру и предложить свою версию раскодирования ее культурного кода.

Государство и культура

Итак, система ценностей русской культуры исторически завязана на берущем начало в архаике языческом ядре, византийской православной традиции и европейское начало уравновешено в ней азиатским в той же мере, какой ориентация на Запад сбалансирована тяготением к Востоку.

Аксиологически неотъемлемая часть кода русской культуры – государство. Ему принадлежит наиважнейшая роль в ее развитии, и каждая составляющая этого кода была генерирована, заложена и вплетена в сложившуюся картину мира диахронно-синхронно со строительством государственности.

Государство не только вписывается в систему наших национальных приоритетов и ценностей, но представляет собой существенный культурообразующий компонент, способ выражения русской культуры, позволяющий ее идентифицировать. Культуротворческая функция и миссия государства заключается и проявляется в том, что и во времена Древней и Московской Руси, и в период Российской империи, и в советскую эпоху государство выступалодемиургом культуры.

¹ См.: Соловьев В.М. Тайны русской души. Вопросы. Ответы. Версии. Книга для чтения о русском национальном характере для изучающих русский язык как иностранный. 4-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 12.

² Биллингтон Д.Х. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. М., 2001. С. 25.

В отличие от Западной Европы культура России во многом выстраивается и формируется не снизу, а сверху, и государство при этом не только предоставляет необходимые условия для ее создания, но и внедряет в нужные места нужных людей, делает конкретный запрос, который должна удовлетворить культура, создает аппаратно-административным способом подбирающие учреждения и заведения. И в результате при косвенном или непосредственном участии структур, служб и лиц, представляющих государственные интересы, материализуются такие проекты, как «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, славившее великого князя Ярослава Мудрого – носителя высшего государственного порядка; Печатный двор в Москве при Иване IV; Славяно-греко-латинская академия в регентство Софьи; Тартуский (Дерптский) университет при Павле I; Царскосельский лицей в правление Александра I и т. п., и реализуются вызванные временем остро насущные культурные потребности, как, например, воплощенные в жизнь по личной инициативе И. В. Сталина и усиленные соответствующим постановлением партийного пленума меры поощрения советской драматургии. Это незамедлительно обеспечило качественный сдвиг, в частности, постановку на сцене лучших театров страны пьес «Дни Турбиных», «Бег», «Зойкина квартира» М. А. Булгакова – писателя, который не скрывал, что не сочувствует коммунистам и даже не выдает себя за готового сотрудничать с режимом литератора-попутчика. Устойчивая тенденция добровольно-принудительного сотворчества государства с мастерами культуры прослеживается сначала в практике древнерусских княжеств, затем – при становлении самодержавия и абсолютизме, позднее – в советские десятилетия. Показательна крылатая фраза В. И. Ленина: «Пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк», и вождь стремится организационно (указами и декретами) развивать и то, и другое.

Однако в современной России государство первоначально перестает быть радетелем культуры, почти устраняется от ее поддержки, минимизирует бюджетное финансирование, оставив за собой лишь сравнительно небольшой сегмент, подведомственный соответствующим структурам. Если в прежние времена государство фактически содержало изрядную часть учреждений культуры, то примерно с 1990-х гг. оно ограничивается функциями заказчика и спонсора наиболее престижных и конъюнктурных проектов и направлений, предоставляя всем остальным объектам свободу выживать на голодном пайке и выплывать самостоятельно, ища дополнительные источники дохода.

Взросшая в лоне материнской заботы власти, избалованная патернализмом государства культура оказалась в положении сироты-беспризорницы, вынужденной побираться с миру по нитке.

Век за веком государство в России не только созидало, но и опекало культуру, обеспечивая ей крепкую материальную основу как залог существования. Само собой, что при этом государство контролировало и регулировало ее, твердо вело в заданном направлении, жестко вмешивалось в культурную жизнь, навязывало определенные идейные установки вроде формулы «самодержавие – православие – народность».

Так или иначе, культурный алгоритм, который условно можно назвать этатическим, отчетливо проявлял себя на протяжении почти всей отечественной истории. Этатизм, или диктат государства, доминирование его интересов над всеми прочими – характерная и устойчивая особенность как Московской Руси (царствование Ивана Грозного) и Российской империи (революция Петра I), так и СССР (суперэтатизм времен Сталина).

Поэтому оставление культуры почти на произвол судьбы выглядело со стороны новообразованного государства Российская Федерация по меньшей мере нетипичным и странным, создавая впечатление, что страна сбилась с курса, потеряла основополагающие ориентиры, поменяла некое единство особых признаков, составляющих в совокупности код культуры, т. е. определенную структуру, заключающую в себе систему условных символов, знаков, сигналов, смыслов в их сочетаниях и комбинациях, по которым опознается культурное лицо страны, определяются с детства усвоенные национальные ценности, идентифицируются укорененные традиции, приметы, стереотипы.

Линия расхождения

Включение в процесс глобализации привело к заметному нивелированию характерно русского, утрачиванию постсоветскими поколениями культурных черт, присущих старшим поколениям. Это сказывается в расхождении идеалов, приоритетов, интересов, проявляется в сфере морали, норм и конвенций, вкусов, эмоций, бытовых привычек и особенно в словаре. Отцы и дети и ранее далеко не всегда говорили на одном языке, но сегодня молодежь не владеет многими когда-то широко распространенными русскими словами и даже не догадывается об их значении, тогда как родители точно так же зачастую не понимают, о чем говорит сын или дочь, есть ли у них какие-

нибудь убеждения и в чем они состоят. Создалось напряжение между взрастившими и выросшими, непонимание одних другими¹.

Наметившийся разрыв реалий новой России с культурно-исторической традицией, к счастью, не принял необратимый характер экстремального дефекта, не превратился в зияющую трещину, отсекающую вестернизированную реальность от русской почвы, тем более что в настоящее время руководящие круги государства демонстрируют и подчеркивают стремление возвратить былые позиции в культуре.

Культура, как первооснова национального бытия, укладывается в адекватную матрицу мировидения – культурного мировосприятия, к которому подводит лестница таких понятий, как «ценности», «художественный вкус», «ориентации» и т. п., и под этим набором подразумевается культурный код нации. «Этот пласт наиболее значим уже хотя бы потому, что он обладает более глубокой исторической преемственностью, он составляет ключевой компонент национального самосознания (наряду с историей, языком, символикой), и через него каждый гражданин обретает чувство солидарности, читая, посещая музеи и театры своей страны»².

Возможно, на фоне высот и величественных достижений отечественной культуры былых времен ее нынешний уровень видится как огорчительно средний, заурадный. Но нельзя забывать, что даже в периоды упадка наша культура никогда не бывала бесплодной и деградация не сопровождалась тотальным отсутствием яркого и талантливоего.

Сейчас больше тревожит не столько дефицит новаторства и креативности, сколько слабая прорисовка культурной перспективы. Культурный код – величина при всей ее стабильности подвижная, открытая, пополняемая. И она не может быть раз навсегда установленной, инвариантной.

Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет...

Эти строки А. А. Ахматовой, думается, прекрасно выражают суть проблемы: культура не живет лишь активами минувшего, пото-

¹ См.: Рубцов А.В. Иллюзия деидеологизации // Идеология и процессы социальной модернизации: Сб. статей / Ред. Т. В. Любимова. М., 2013. С. 21.

² Тишков В. О триединстве современной культуры // Матрица русской культуры: Миф? Двигатель модернизации? Барьер? М., 2012. С. 109–110.

му что не статична, не топчется на месте и нацелена на развитие. Сама динамика культуры предполагает изменение в движении, реагирование на модернизацию в обществе. В этом смысле код русской культуры неизбежно корректируется под ту модель, которая окажется более востребованной и отвечающей вызовам и запросам действительности. И приходится согласиться с констатацией А. Архангельского: «Сегодня нет недостатка в утопиях культурных революций... общего понимания того, что нам необходима поступательная культурная эволюция – нет¹».

Петля масскульта

Пожалуй, из всех нынешних зол самое опасное – захлест России петлей массовой культуры. Ее триумфальное шествие вызывает естественное беспокойство, потому что на своем победном марше она неутомимо и равнодушно вытаптывает и вытравливает семена разумного, доброго, вечного, посеянные нашей великой культурой.

Одна из издержек технического прогресса с его новациями и инновациями состоит в том, что он тяжелым катком прошелся по живому телу народной жизни, проложив широкую колею потребительскому обществу с его усредненными запросами однородных продуктов, в том числе культурных.

Поглотит ли масскульт наше русское культурное многоцветье, закатает ли его в асфальт или в бессилии отступит?

При ответе на этот вопрос правомерно сослаться на мнение немецкого философа Вальтера Шубарта, автора вышедшей около 80 лет назад книги «Европа и душа Востока», которая, как представляется, в своей экспертной части, касающейся России, нисколько не устарела.

Если отталкиваться от мнения В. Шубарта, то предрасположенность к массовой культуре не приведет к фатальным последствиям, т. к. у русских высок потенциал сопротивления ей, как бы заложенный в их культурный код. «Русское чувство братства, – пишет он, – не следует смешивать со стадным чувством. Русский не является человеком массы, он высоко ценит свободу человеческой личности. Но его понятие личности не совпадает с западноевропейским, созданным наподобие образцов Рима и Ренессанса. Идеалом личности на Западе является сверхчеловек, а на Востоке – всечеловек. Сверхчеловек имеет направление вверх прометеевской культуры, всечеловек – тенден-

¹ Архангельский А. Между гарантией и шансом (Предисловие) // Матрица русской культуры: Миф? Двигатель модернизации? Барьер? С. 7.
Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений

цию вширь русской души»¹. Прометеевская, или, иначе говоря, западная культура, по Шубарту, – это «культура запаса: товаров, ценностей, методов»².

Наряду с определением «прометеевская культура» автор употребляет термин «прометеевский человек», имея в виду под этим словосочетанием примерно то же, что О. Шпенглер – под «фаустовским человеком», т. е. личность с ярко выраженными материалистическими директивами. В зарубежной науке предложенное в «Европе и душе Востока» противопоставление «прометеевского» типа личности православному, иоанническому, или иоанновскому (по имени евангелиста Иоанна), как характерному для России, достаточно известно. Отличие одного от другого заключается в том, что второму «в необычайной степени свойственны дух солидарности, примирения и любви»³, он терпелив, пассивен, консервативен, погружен в прошлое и поглощен вечным поиском идеалов и высшего совершенства и по собственной, только ему ведомой этической шкале разводит добро и зло, замеряет тот нормативно-ценностный порядок, с которым сталкивается, тогда как первый честолюбив, энергичен, деятелен, прагматичен, жаждет власти, желает новизны и ориентирован на будущее, вещи и оптимально удобное устройство своего дома, быта, окружающей среды куда больше, чем на духовную жизнь и ее проблемы⁴. «...русский, – пишет Шубарт, – не хочет ничего. Он не хочет ближнего превращать в средство. В этом суть русской идеи братства, и в этом заключается Евангелие будущего. В нем заключается великая нравственная сила, направленная против латинских идей человека и государства насилия. Русский всечеловек, как носитель нового солидаризма, – единственный, кто может освободить человечество от индивидуализма сверхчеловека и коллективизма массового человека. Автономной личности, идеалу Ренессанса он противопоставляет душу, связанную с Богом и со вселенной, а насильственному объединению людей – свободное сообщество таких душ. Так творит он одновременно и новое понятие, и новый идеал личности и свободы»⁵.

Речь не идет о воспроизведении изжившего уже себя в культуре моделирования и противопоставления идеальных типов. Пассажи из

¹ Шубарт В. Европа и душа Востока. 3-е изд. Без указ. места издания. Изд-во «Посев», 1947. С. 79.

² Там же. С. 70.

³ Там же. С. 9.

⁴ Соловьев В.М. Тайны русской души. Вопросы. Ответы. Версии. С. 16–17.

⁵ Шубарт В. Европа и душа Востока. С. 122.

В. Шубарта процитированы с целью заострить внимание на способности нашей культуры сохранять свои сущностные константы даже в тяжелых кризисных ситуациях и, понеся, казалось бы, непоправимый урон, восстанавливаться, регенерироваться и при всей своей традиционности освобождаться от стереотипов и динамично развиваться вопреки попыткам навязать ей искусственные сценарии и чуждые модели.

Трансформации, которые в настоящее время претерпевает наша культура, экстраполируются в тенденцию, обещающую сочетание линейного и привычного порядка вещей и синергетически структурированной самоорганизации. Этот симбиоз не представляется разрушительным для судеб нашей культуры. Она располагает достаточным запасом прочности и ресурсом жизнеспособности, чтобы сохранить искони присущие ей неповторимые черты: открытость, задушевность, искренность самовыражения, готовность к диалогу с культурами как Востока, так и Запада, но без ущерба для себя и урона культурному суверенитету нации.

Ф ИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: МЕТОДЫ И ОПЫТ

ПОНЯТЬ И ВЫРАЗИТЬ ИСТИНУ

Исследование схем в лекциях по истории русской философии

А. Ф. Замалеев

Метóда... наглядного учения дает и материал учению.

Ф. И. Буслаев

Рисунок к тексту облегчает его понимание.

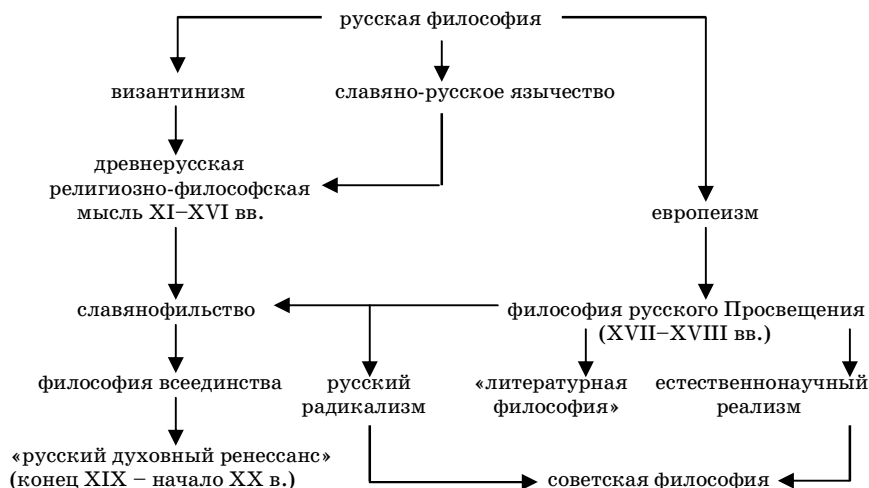
Л. Н. Андреев

Данная методическая разработка не претендует на сколько-нибудь полный охват учебного материала по истории русской философии; задача автора состояла лишь в том, чтобы наметить некоторые общие тенденции развития отечественного любомудрия с учетом возможности их схематической иллюстрации.

1. В педагогике издавна признано, что обучение бывает трех родов: религиозное, эстетическое и интеллектуальное. Религиозное обучение зиждется на твердо установленных догматах, подлежащих преимущественно вере. Эстетическое обучение предполагает развитие чувства красоты, гармонизирующей отношение человека к окружающей действительности – природной и социальной. Специфика интеллектуального обучения в другом. Главное здесь – это передача соответствующих знаний, извлекаемых из содержания науки. Из этого следует, что знание не тождественно науке. Наука есть динамическое явление, находится в постоянном обновлении и изменении, разрастаясь за счет новых идей, гипотез, предположений, которые частью находят подтверждение в эксперименте, практике и переходят в со-

став знаний, частью образуют пласт ошибочных суждений и вследствие этого отпадают от общего ствола развития науки, наконец, частью выступают в качестве теоретических концептов, стимулирующих дальнейшее научные поиски. Отличительная особенность знания в другом: во-первых, оно всегда обосновано рационально и представляет собой выражение истины, закреплённой в форме закона, а во-вторых, образует систематизированный кодекс устойчивых понятий, доступных изучению и пониманию. Это делает интеллектуальное обучение чрезвычайно полноценным и эффективным ввиду возможности использования графиков, схем, способствующих «овнешнению» логико-теоретического материала, приданию ему реальной наглядности, очевидности. При этом схемы должны соответствовать специфике изучаемых дисциплин: для «точных» наук их необходимо выстраивать по формуле движения мысли от частного к общему, для наук философских, напротив, предпочтительней обратный процесс движения мысли от общего к частному.

2. Попытаемся конкретизировать сказанное применительно к лекционному курсу по истории русской философии. В общем виде ее развитие выглядит так:



Данная схема позволяет наглядно удостовериться в целостности и единстве русского историко-философского процесса. Разъясняя ее, следует актуализировать следующие моменты.

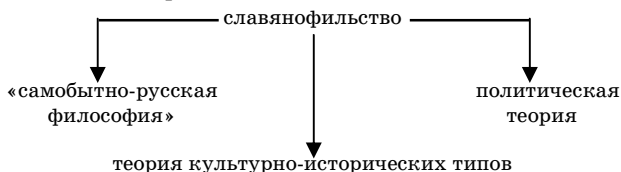
А) Прежде всего – это вопрос об источниках отечественного любомудрия. Славяно-русское язычество в силу своего несовершенства

не могло стать самостоятельным источником развития русской философии. Оно оказало лишь косвенное влияние на пришлый византизм, вызвав в древнерусской религиозности феномен двоеверия. Особенность византизма же заключалась в трех основных чертах: в государстве он означал самодержавие, в религии – православие, в морали – отрицание «земного всеравенства» (К. Н. Леонтьев). Эти черты определили формирование предпосылок, способствовавших зарождению в средневековой Руси различных течений религиозно-философской мысли, и прежде всего таких как иосифлянство и нестяжательство.

Б) Влияние европеизма, наметившееся в России в XVII–XVIII вв. и достигшее своего апогея в эпоху петровских преобразований, способствовало упрочению освежающего секуляризма, который несло с собой «научообразное просвещение» Запада. Результатом этого влияния явилось возникновение русской просветительской философии, ставшей прологом идейно-духовных исканий XIX в. – этого «золотого века» русской культуры. Она отразилась в учении славянофильства, стремившегося совместить истины древнерусского православия с новейшими системами западной философской мысли. В русле просветительской философии шло формирование и политических теорий русского радикализма, и «художественной философии» русских писателей-классиков, и естественнонаучного реализма выдающихся отечественных мыслителей-естествоиспытателей. На базе этого философского наследия сложилась и обрела всемирное значение «школа мысли» советской философии, вобравшей в себя и лучшие достижения «самобытно-русской философии» эпохи духовного ренессанса конца XIX – начала XX в.

3. Осветив общий процесс развития русской философии, следует обратиться к частным аспектам изучаемого курса. В этом отношении особый интерес представляют три темы: славянофильство, русский радикализм и советская философия.

Вот схема славянофильства:



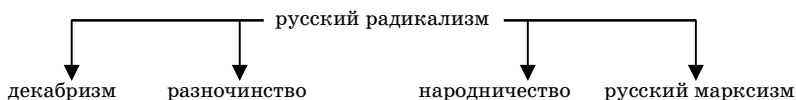
А) Проблема «самобытно-русской философии» занимает важное место в размышлениях И. В. Киреевского и А. С. Аксакова. В центре

их внимания, с одной стороны, критика западноевропейского рационализма, а с другой, анализ «ограниченностей» философии «свв. отцов». Целью их было создание философии цельного знания, совмещающего в единстве разум, чувства и веру. Это была, по выражению В. И. Вернадского, русская разновидность философской схоластики.

Б) Заслугой славянофилов была также разработка проблем культуры, или цивилизаций. Начало этому положил А. С. Хомяков, выделивший в культурно-религиозном развитии человечества два противоположных направления: «иранство» и «кушитство». Исходя из этого воззрения, Н. Я. Данилевский разработал оригинальную теорию культурно-исторических типов, провозглашавшую, что в истории уже существовало десять самостоятельных цивилизаций; и вот теперь, на его взгляд, на очереди возникновение двух новых культурно-исторических типов: славянского и американского. Учение Данилевского оказало влияние на Шпенглера и Тойнби.

В) Политическая теория славянофильства была разработана главным образом К. С. Аксаковым. Во главу угла он ставил идею о том, что «русский народ государствовать не хочет», а потому политическую власть он целиком предоставил самодержцу, оставив себе «свободу нравственную духа». Отсюда проистекало и его безусловное требование о взаимном невмешательстве власти в дела народа и народа – в дела власти. Первым, кто нарушил этот принцип, был Петр Великий. С тех пор и начались всякого рода «революционные попытки» в русском обществе. Политическая теория Аксакова была признана всеми славянофилами.

4. Следующая тема лекционного курса – русский радикализм.



А) Философским стержнем русского радикализма является просветительская идея блага, возведенного на пьедестал закона. С этой идеей связан ключевой постулат радикализма: не народ для царя, а царь для народа. Это убеждение послужило мощным двигателем антимонархических выступлений в России.

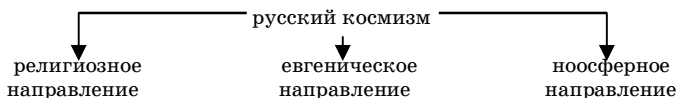
Б) Соответственно, на первый план выдвигается вопрос о революции. В русском радикализме существуют разные подходы к его решению. Декабристы ориентировались исключительно на военную революцию без участия народа. Разночинцы и народники склонялись к тактике крестьянских бунтов, совершаемых при посредстве (тайном или явном) «революционных партий». Русский марксизм сложился в двух формах: легальный и большевистский. Легальные мар-

ксисты полагали (вслед за классиками марксизма), что социалистическая революция может свершиться только тогда, когда пролетариат в России составит большинство населения. Большевики, напротив, были убеждены, что добиться утверждения «диктатуры пролетариата» можно и без рабочего класса, с помощью одной только революционной партии, представляющей его интересы.

В) На ранних этапах развития «русского освободительного движения» в революционных кругах доминирует идея построения «общинного социализма» (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский), но уже в народничестве пробуждается стремление преобразовать традиционную крестьянскую общину в огосударствленную «общину-коммуну» (П. Н. Ткачев), т. е. в некое «единомысленное» сообщество «пахарей-работников». Большевизм пытался воплотить в жизнь эти мечты своих политических предшественников, объявив социализм «переходной стадией» на пути к «светлому будущему» – коммунизму, превратив тем самым его в недосягаемую утопию. Идеология большевизма в форме «сталинокрапии» просуществовала в России вплоть до 70–80-х гг. XX в., приведя в конечном счете к развалу СССР.

5. Органичным завершением лекционного курса, несомненно, выступает советская философия. Ее своеобразие состоит в том, что она, сохраняя некоторые родовые связи с официальным марксизмом-ленинизмом (прежде всего по линии диалектического материализма), тем не менее отпочковалась от него в виде трех самобытных направлений: русского космизма, философской антропологии и теоретической культурологии.

Рассмотрим каждое из этих направлений отдельно.



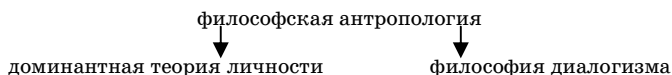
А) Религиозное направление русского космизма нашло воплощение в «философии общего дела» Н. Ф. Федорова. Согласно его учению, на «сынах» лежит «супраморальный долг» по воскрешению «отцов-предков». Осуществление этой задачи потребует предельного познания природы. Естественно, что тогда население Земли увеличится многократно и человечество вынуждено будет искать способы расселения в космосе. Это и будет воплощением евангельского предначертания о том, что «Бог любит живых».

Б) Евгеническое направление связано с именем К. Э. Циолковского. Он в целом придерживался взглядов Федорова, но дополнил их

идеей о том, что расселение человечества в космическом пространстве должно происходить на основе евгенического отбора, призванного дать бессмертие только «совершенным» существам.

В) Особое место в русском космизме занимает ноосферная теория В. И. Вернадского, основу которой составил принцип вселенскости, родственной, по сути, философии всеединства В. С. Соловьева. Ноосфера – это порождение духовно-умственной деятельности человечества, в своем высшем значении она представляет собой новую геологическую силу, призванную изменить мир в планетарном масштабе. Вселенная Вернадского, в отличие от вселенной прежних естествоиспытателей, теряет качество пустоты, «бездны», образ ее более универсален и точен, она более онтологична и человечна. В этом смысле ноосферная теория может быть рассматриваема как разновидность философии реализма.

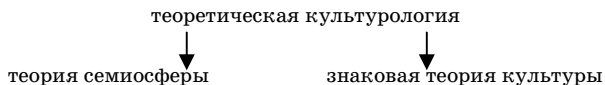
б. Следующее направление советской философии – философская антропология, самым тесным образом примыкающая к антропологическим исканиям русских мыслителей XVIII–XIX вв. (А. Н. Радищев, А. И. Галич, И. М. Сеченов, И. И. Мечников).



А) Учение о доминанте было разработано А. А. Ухтомским. Доминантой он называл господствующий очаг возбуждения в организме человека, определяющего не только характер его физиологических реакций, но и выступающего фактором формирования «предметного мышления», т. е. такого отражения действительности, которое призвано устранить традиционный дуализм восприятия (эмпирический и рациональный, познание при помощи разума и чувств). Исходя из этого, ученый-физиолог делал вывод, что человек таков, каковы его доминанты.

Б) Философия диалогизма, разработанная М. М. Бахтиным, сводится к трем темам: во-первых, это признание принципиальной соотнесенности Я и Другого; во-вторых, обусловливание этой соотнесенности всякого «события-бытия»; в-третьих, уяснение задач нравственной философии в контексте понятия «поступление» («поступок»). Бахтин утверждал, что вся жизнь человека может быть осмыслена как некоторый сложный поступок, сводящийся к желанию его «войти до конца в мир других как другой, сбросить с себя бремя единственного в мире Я», т. е. фактически диалогизировать природу человеческих отношений.

7. Наконец, последнее направление советской философии – теоретическая культурология. яркую философскую окраску ей придали прежде всего труды Ю. М. Лотмана и М. К. Петрова.



А) Создатель теории семиосферы Ю. М. Лотман опирался на понятийные определения В. И. Вернадского, возводя свое учение к философии ноосферы. Семиосфера характеризуется рядом признаков. Так, она отличается однородностью и индивидуальностью, что предполагает наличие отграниченности, границы. Далее, она разделяется на ядро и периферию. Деление на ядро и периферию – закон внутренней организации семиосферы. В ядре располагаются доминирующие в культуре семиотические системы. Периферийные семиотические образования выступают в качестве «чужих» для данной системы, выполняя в то же время функцию катализатора в целостном механизме семиосферы. Взаимодействие ядра и периферии создает условия для возникновения диалогической системы, которая включает в себя «взаимность и обоюдность в обмене информацией». В этом и заключается сущность культуры.

Б) Знаковая теория культуры разрабатывалась М. К. Петровым, опиравшимся на идеи Н. Я. Данилевского. Признавая, что всякая культура существует в знаковой форме, он выделял в современном мире три культурно-исторических типа: лично-именной (охотничье, «первобытное» общество); профессионально-именной (традиционное земледельческое общество, «развивающееся» общество); универсально-понятийный (общество европейской культурной традиции). Все эти культурные типы функционируют по определенным правилам, которые автор обозначает терминами «коммуникация», «трансляция», «трансмутация». Основной режим коммуникации – «отрицательная обратная связь, предполагающая высокую степень подобия сторон», т. е. младшего и старшего поколений. Трансляция же состоит в режиме обучения, которое возможно в ситуации, когда «степень подобия сторон заведомо низка». Основной элемент трансляционной структуры «ученик–учитель» универсален для всех типов культуры. Что касается трансмутации, то в этом случае обучение ведется с учетом допустимости изменений фрагментов знаний, вызывающих «конфликты» в сфере культуротворчества. Трансмутации преимущественно свойственны культурам универсально-понятийного типа.

8. Итак, подведем некоторые итоги.

Во-первых, использование схем в процессе обучения расширяет кругозор студента, соединяя вместе его мыслительные и зрительные способности, способствуя тем самым «овнешнению» сущностных сторон философского знания, которые наиболее сложны для чисто логического постижения.

Во-вторых, схемы доставляют уму простор для воображения и фантазии, побуждая его к самостоятельному творчеству. Важно помнить, что ничто так не ценно для человека, как сознание им своей способности к знанию истины и добра.

В-третьих, благодаря использованию схем преподаватель добивается более полной и строгой концептуализации изучаемого материала, что облегчает понимание студентами дальнейших перспектив его научного развития.

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?

Пропедевтическая лекция

А. В. Дьяков

Как известно, греческое слово *философия* не имеет четкого определения, да и философский факультет не обладает монополией на него. Этот термин употребляют самые разные люди и по самым разным поводам. Так говорят и об отвлеченных умствованиях, оторванных от реальности, и о самых общих установках маркетинговой стратегии или футбольных тренировок. Так говорят и о способе размышлять о мире и своем месте в нем. Это уже гораздо ближе нам, и тем не менее, следует помнить, что подобные раздумья свойственны не только дипломированным философам, но всем вообще разумным людям. Так что ту область, которую философия привычно считает своей, ей приходится делить с наукой, религией и искусством. Прикоснуться к философии, не прикасаясь к этим сферам человеческого духа, невозможно.

Немецкий поэт-романтик Фридрих Гельдерлин, товарищ Гегеля по Тюбингенской семинарии, в своем романе «Гиперион» дает следующую картину эволюции человеческого духа, пробуждающегося к восприятию мира (мы воспроизводим ее как эмблематическую для классической философии):

Первое детище человеческой, божественной красоты есть искусство. В нем обновляет и воссоздает себя божественный человек. Он хочет постигнуть себя, поэтому он воплощает в искусстве свою красоту. Так создал человек и своих богов. Ибо вначале человек и его боги были одно целое, когда существовала еще не познавшая себя вечная красота. Я приобщаю вас к тайнам, но в них истина.

Первое дитя божественной красоты – искусство. Так было у афинян.

Второе – религия. Религия – это любовь к красоте. Мудрец любит самое красоту, бесконечную, всеобъемлющую; народ любит ее детей, богов, которые являются перед ним в различных образах. Так и было у

афинян. И без такой любви к красоте, без такой религии каждое государство будет голым скелетом, лишенным жизни и духа, а всякая мысль и дело – деревом без вершины, колонной, с которой сбита капитель. [...]

Философия, как Минерва из головы Юпитера, рождается из поэзии бесконечного божественного бытия. И таким образом все, что есть в ней несоединимого, в конце концов сливается воедино в таинственном источнике поэзии. [...]

Человек... который не почувствовал в себе хоть раз в жизни полную, чистую красоту, когда в нем переливаются цветами радуги все силы его души, который не знал никогда, что только в часы вдохновения воцаряется совершенное внутреннее согласие, такой человек в философии не может быть даже скептиком; его разум непригоден даже для разрушения, не говоря уже о созидании. Поверьте мне, скептик находит противоречия и недостатки во всех наших мыслях потому только, что ему знакома гармония безупречной красоты, которую нельзя постичь мыслью. Черствый хлеб, которым его благодушно потчует человеческий разум, он отвергает только потому, что втайне питует с богами. [...] Великое определение Гераклита – ἐν διαφέρειν ἕαυτῷ (единое, различаемое в себе самом) – мог открыть только грек, ибо в этом вся сущность красоты, и, пока оно не было найдено, не было и философии.

Теперь можно было давать определения: целое уже существовало. Цветок распустился: оставалось развязать его на части.

Обратите внимание на этот момент: Гельдерлин настаивает на том, что именно Единое, целое первично, тогда как множественное производно от него и есть результат мысленного усилия. В истории философии мы постоянно встречаемся как с этим тезисом, так и с его опровержением.

Гельдерлин продолжает:

Отныне красота стала известна людям, она существовала и в жизни, и в воображении, являя себя в бесконечном единстве.

Теперь можно было разлагать ее, мысленно разъединять на части и – так же мысленно – снова связывать их воедино, можно было таким образом познавать все больше сущность высшей красоты и высшего блага и возводить познанное нами в закон для различных областей человеческого духа. Теперь вы видите, почему именно афиняне должны были стать народом философов?¹

Мы привыкли считать, что философия возникла в условиях греческой полисной демократии, где свободные люди могли свободно высказывать свою точку зрения, а общеобязательной истины, одной на всех, не существовало. Однако для возникновения философии,

¹ Гельдерлин Ф. Гиперион. Стихи. Письма. М., 1988. С. 145–148.

какой мы ее знаем у греков, одного этого было бы недостаточно. История западной цивилизации знает много торговых республик, граждане которых были достаточно терпимы к чужому мнению, не породивших при этом своих собственных философий. Эстетическое чувство, о котором говорит Гельдерлин, быть может, для этого не менее важно. Поэтому мы не раз увидим, как онтология тесно соприкасается с регистром эстетики.

Если обратиться, так сказать, к «школьному» определению философии, мы обнаружим, что оно у разных авторов сводится примерно к одному и тому же. Так, И. Кант в своих лекциях по логике 1800 года говорил, что «философия есть система философских знаний, или рациональных знаний из понятий. Таково *школьное* понятие этой науки. По *понятию о мире* она есть наука о последних целях человеческого разума»¹. Кант добавляет, что в первом значении философия есть учение об умении, а во втором – учение о мудрости. По своему школьному понятию философия предполагает, во-первых, достаточный запас рациональных знаний, а во-вторых, систематическую связь этих знаний и их соединение в идее целого. Философия, по Канту, единственная наука, где есть систематическая связь в собственном смысле слова, а потому она придает систематическое единство всем остальным наукам.

Г. В. Ф. Гегель во введении к своей «Науке логики» дает сходное определение:

Философию можно предварительно определить вообще как *мыслящее рассмотрение* предметов. Но если верно – а это, конечно, верно, – что человек отличается от животных мышлением, то все человеческое таково только потому, что оно произведено мышлением. Так как, однако, философия есть особый способ мышления, такой способ мышления, благодаря которому оно становится *познанием в понятиях*, то философское мышление отличается, далее, от того мышления, которое деятельно во всем человеческом и сообщает всему человеческому его человечность, будучи в то же время тождественно с ним, так как *в себе* существует только *одно* мышление. Это различие связано с тем, что содержание человеческого сознания, имеющее своим основанием мышление, выступает сначала не *в форме мысли*, а в форме чувства, созерцания, представления – в формах, которые должно отличать от мышления как *формы*².

¹ Кант И. Логика / Пер.: И. К. Марков, В. А. Жучков // Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 8. М., 1994. С. 279.

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М., 1974. С. 85.

Итак, отметим этот важнейший момент, на который указывают и Кант, и Гегель: философия – это *мышление в понятиях*. Так было уже с античной философией. В Новое время произошли значительные перемены, так что философия из чисто понятийного мышления превратилось в понятийное мышление, обращенное на мир эмпирических данностей, поскольку она взяла на себя роль царицы наук. Гегель (который, как мы помним, был товарищем Гельдерлина по Тюбингенской семинарии) немного ниже добавляет:

Так как размышление прежде всего содержит в себе вообще принцип (мы употребляем здесь это слово также и в смысле начала) философии и снова расцвело в своей *самостоятельности* в новое время (после лютеровской Реформации), причем с самого начала не остановилось, как некогда первые философские попытки греков, на абстракциях, а набросилось также на кажущийся неизмеримым материал мира явлений, то *философией* стали называть всякое знание, предметом которого является познание устойчивой меры и *всеобщего* в море эмпирических единичностей, изучение *необходимости*, закона в кажущемся беспорядке бесконечного множества случайностей, следовательно, знание, которое черпает вместе с тем свое *содержание* в *собственно* созерцании и восприятии внешнего и внутреннего, в *предлежащей* природе, равно как и в *предлежащем* духе, и в человеческом сердце¹.

Так же, как и друг его юности Гельдерлин, Гегель говорит о *целом* или *всеобщем*, которое является предметом философии. Это всеобщее фиксируется понятийным мышлением. При этом не только поэт Гельдерлин, но и строгий философ Гегель, которого студенты прозвали «деревянный Гегель» за его сухость и бесстрастность, говорят о том, что философия черпает свое содержание как во внешней природе, так и в человеческом сердце. Несмотря на все исторические катаклизмы, несмотря на перемены в облике мироздания это основание философии никуда не делось. В 1935 г. К. Ясперс говорил в том же духе:

Философия, там, где ей сопутствует удача, есть то единственное в своем роде мышление, в котором логическая абстрактность и действительное присутствие делаются как бы тождественными. Коренные мотивы живого философствования могут обнаружиться по-настоящему только в чистой формальности. Это – операции мысли, понимание и воспроизведение которых может дать начало внутренней деятельности всего человека: порождению себя самого из истока мыслительных возможностей для того, чтобы осознать бытие в существовании².

¹ Там же. С. 91.

² Ясперс К. Разум и экзистенция / Пер. А. К. Судаков. М., 2013. С. 41.

В наше время такое представление о философии сохраняется, чему может служить примером работа двух весьма популярных у нас французских философов, Жюли Делеза и Феликса Гваттари, которая называется: «Что такое философия?» и начинается, естественно, все с тех же греков.

Делез и Гваттари дают нам ясное и строгое определение: «философия – это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты»¹. Концепт, или понятие – вот все, чем занимается философия, если верить французским авторам. Пожалуй, в философии, есть и еще кое-что, однако правы они в том отношении, что концепт – это наименьшая единица, которой оперирует философия, и выработка концептов начинается как раз в греческой античности. Каждый философ ищет свой собственный выразительный язык, позволяющий ему сказать о собственном видении реальности мира и человека, и концентрированным выражением этого процесса является концепт. Концепт, как поясняют Делез и Гваттари, во всем подобен литературному персонажу: он обладает собственным характером, живет своей жизнью наподобие литературного персонажа (порой даже выходя из послушания своему создателю, подобно тому, как у Л. Н. Толстого, по его признанию, Наташа Ростова своевольно выскочила замуж). А главное – концепт ведет себя определенным образом в тех или иных обстоятельствах. Философия, таким образом, во всем подобна литературе (снова мы сталкиваемся с регистром эстетического).

Наука и искусство, как признают Делез и Гваттари, тоже носят творческий характер, только создают они не концепты, а нечто другое. Наука всегда может рассчитывать открыть новое небесное тело, которое существовало и прежде, но до сих пор о нем не знали. Искусству и философии приходится создавать свои объекты, поскольку в природе их не существует. Таким образом, философия всецело является творчеством.

Философия – не созерцание, так как созерцания суть сами же вещи, рассматриваемые в ходе творения соответствующих концептов. Философия – не рефлексия, так как никому не нужна философия, чтобы о чем-то размышлять; объявляя философию искусством размышления, ее скорее умаляют, чем возвышают, ибо чистые математики вовсе не дожидались философии, чтобы размышлять о математике, как и художники – о живописи или музыке; говорить же, будто при этом

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. С. Н. Зенкин. М., СПб., 1998. С. 10.

они становятся философами – скверная шутка, настолько неотъемлемо их рефлексия принадлежит их собственному творчеству.

Добавим к этому, что точно так же философы не становятся художниками, рассуждая об искусстве, или теологами, рассуждая о религии. Однако с искусством у них много общего, и прежде всего – единичность создаваемого произведения. Поэтому под концептом всегда стоит подпись его создателя: точно так же, как мы знаем Давида Микеланджело или «Крик» Мунка, мы имеем дело с *cogito* Декарта, субстанцией Аристотеля или *a priori* Канта.

Отсюда следует практический вывод: философия – это не какая-то единая и цельная дисциплина, а скорее череда изобретателей концептов. Над философией часто подсмеиваются, говоря, что в ней нет никакого прока, раз философы за две с половиной тысячи лет так и не смогли договориться между собой, не говоря уж о том, чтобы достичь истины. В действительности философы и не могут договориться между собой: они занимаются творчеством. Делез и Гваттари говорят, что это творчество концептов. Нам вовсе не обязательно принимать их объяснение. Можно сказать просто, что всякий философ предлагает свое собственное видение мира, признавая за другими право предлагать другое. Что же до истины, то философы не претендуют на обладание ею. Вернее, претендуют, но каждый по-своему, и никто не является ее обладателем. Философ – фигура, отличная от мудреца. Это у мудреца есть истина, которую он постиг сам или получил от своего учителя и готов поведать своим ученикам. Философскую истину передать нельзя.

Об этом очень хорошо говорил Платон в своем 7-м письме. Как вы, несомненно, помните, Платон, который, помня о трагической гибели Сократа, всегда избегал политической деятельности у себя в Афинах, на старости лет принял приглашение Диона, племянника сицилийского тирана Дионисия Младшего, стать наставником, а значит, и советником тирана. Платон в своем письме подробно рассказывает, как он на это решился и почему, но нас это пока не интересует. Сейчас для нас важно другое: прибыв на Сицилию, Платон пожелал убедиться, действительно ли молодой правитель жаждет заниматься философией или только притворяется. Есть одно средство, говорит Платон, выяснить, хочет ли человек заниматься философией (в его тексте речь идет о тиранах, но, как мы сейчас увидим, это касается всех людей).

Таким людям надо показать, что из себя представляет философия в целом, какие сложности она с собой несет и какой требует затраты труда. И такой человек, если он подлинно философ, достойный этого имени и одаренный от бога, услышав это, считает, что слышит об уди-

вительной открывающейся перед ним дороге и что теперь ему нужно напрячь все силы, а если он не будет так делать, то не к чему и жить. После этого, сам собравшись с силами, он побуждает и того, кто его ведет, и не отпускает до тех пор, пока либо во всем не дойдет до конца, либо не получит способность один, без вожакого нащупать правильный путь. Таким образом и с такими мыслями живет такой человек. Какими бы делами он ни занимался, он продолжает их делать, но вместе с тем твердо держится философии. Его каждодневный образ жизни таков, что делает его в высшей степени восприимчивым, памятливым и способным мыслить и рассуждать: он ведет умеренную, трезвую жизнь, жизнь же противоположную этой он навсегда возненавидит. Те же, кого не назовешь подлинными философами, имеют лишь налет кажущегося знания, как люди, кожа которых покрыта загаром. Увидав, сколь велико должно быть познание, как огромен труд, каким размеренным должен быть образ жизни и каким высоконравственным, они, решив, что это трудно и для них невозможно, оказываются неспособными ревностно заниматься философией, некоторые же убеждают самих себя, что они уже довольно наслушались и впредь им вообще нет никакой нужды в философских занятиях¹.

Философия – это не сборник изящных афоризмов, которыми можно блистать в компании и прослыть умным человеком. Это не то, что позволяет возвыситься в глазах окружающих, хотя с этой целью к ней прибегают очень многие. Казалось бы, как просто: запомнить несколько красивых фраз, обороненных великими философами, желательнее таких, что шокировали бы своей оригинальностью и шли вразрез с обывательским мнением, научиться выговаривать громоздкие и непонятные словеса – и все вокруг сочтут тебя гением. Ну, а если ты осчастливишь мир книжечкой своих размышлений о нем, об этом мире, можно считать себя всемирно-исторической личностью. На свете много людей, которые так поступают, к несчастью, попадают они и в академической среде. Но вот Платон предлагает простой способ для их выявления: нужно показать человеку, что философия – это тяжелый труд, занимающий всю жизнь без остатка, и посмотреть, согласится ли он взвалить на себя такое бремя.

Конечно, человек может притвориться, будто решил идти по пути философии. Такое притворство тоже нетрудно распознать. Когда Дионисий прослушал уроки Платона, он записал услышанное и выдал все это за свою собственную философию, ни словом не упомянув о Платоне. Сегодня мы обвинили бы его в плагиате и краже идей. Но в те давние времена, до изобретения авторских отчислений и, соответ-

¹ Платон. Письма / Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1994. С. 492.

ственно, защиты авторского права, такое никому не пришло бы в голову. И Платона раздосадовал не столько факт кражи его идей, сколько то, что Дионисий, едва познакомившись с верхушками философии, счел себя способным написать философский трактат. Он дает суровую отповедь всем любителям пописывать философские трактаты:

Вот что вообще я хочу сказать обо всех, кто уже написал или собирается писать и кто заявляет, что они знают, над чем я работаю, так как либо были моими слушателями, либо услышали об этом от других, либо, наконец, дошли до этого сами: по моему убеждению, они в этом деле совсем ничего не смыслят. У меня самого по этим вопросам нет никакой записи и никогда не будет. Это не может быть выражено в словах, как остальные науки; только если кто занимается этим делом и слил с ним всю свою жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры огня, возникает в душе это сознание и само себя там питает¹.

Конечно, удивительно слышать от столь плодовитого писателя, каким был Платон, что он никогда ничего не писал по философским вопросам. Сам он поясняет, что он всего лишь записывал сказанное Сократом. Не стоит воспринимать это буквально, ведь нетрудно догадаться (как это и сделал Ж. Деррида), что в действительности «Сократ пишет под диктовку Платона», а не наоборот. Платон говорит о том, что философия всегда единична, что она существует как конкретная работа с конкретными идеями. Попросту говоря, что философия – это всегда история философии. В том смысле, что не существует философии вообще, а есть только отдельные философии.

Вот почему и мы постоянно должны помнить о единичности всякого философского жеста, о единичности всякого концепта и всякой доктрины. Пытаться представить философию как таковую, философию вообще уже во времена Платона означало выказать свое полное невежество в философских вопросах. Эту единичность нам постоянно придется иметь в виду и в нашем курсе, так что мы постоянно будем опираться на конкретные философские тексты, имея при этом своей целью общие философские проблемы. Это вовсе не означает, что мы будем дублировать курс истории философии, а всего лишь то, что мы постараемся не терять из-под ног философскую почву. Дело в том, что не существует, как выражался М. Фуко, транс-исторических универсалий. И, например, «природа», о которой мы читаем у Аристотеля, совсем не то же, что «природа» Фихте и Шеллинга. То же касается и всех остальных концептов, с которыми только можно повстречаться в пространстве философии. А значит, в курсе онтологии и теории по-

¹ Там же. С. 493.

знания нам придется всегда иметь в виду исторический контекст концептов, категорий и доктрин.

Но вернемся к вопросу о философии, который мы сделали темой этой вводной лекции. Платон, как мы видели, подчеркнул один необходимый момент подлинной философии: настоящий философ ведет философскую жизнь. Т. е. жизнь умеренную, трезвую, рассудительную, в общем, такую, в которой нет места иррациональному, безрассудному, неразумному. Если человек проповедует философскую доктрину, которой сам он не следует, это уже не философия. И Платон в своих письмах объясняет причину своих трех путешествий на Сицилию примерно так: у него был *logos*, т. е. учение, он излагал свою философию ученикам в комфортной обстановке Академии, но этого ему было недостаточно; его *logos* должен был пройти испытание делом, *ergon*, и он воспользовался подходящим случаем, *kairos*, которого в Афинах ему не выпадало.

Античность акцентировала это соответствие философской доктрины и реальной жизни философа. Киники, а потом стоики ставили философский образ жизни даже выше, чем саму теорию. Уже в XX в. французы П. Адо и М. Фуко, каждый по-своему, заострили внимание на греческом термине *parrksia* – буквально «вольная речь». Это речь об истинном положении дел, которую человек произносит в угрожающих обстоятельствах, с риском для жизни. Платону, как о том рассказывает Плутарх, пришлось пойти на риск быть проданным в рабство и даже лишиться жизни, когда он говорил с тираном Дионисием, оказавшимся человеком недостойным. Конечно, Платон мог бы и промолчать или отделаться любезными фразами, но это был бы поступок, недостойный философа. Какой прок в философии, если она не придала мужеству тому, кто ее излагает? Таким образом, *parrksia* – это испытание философии на подлинность, ее пробный камень. М. Фуко подробно анализирует все это в двух своих последних лекционных курсах, прочитанных в Коллеж де Франс¹.

Конечно, университетский преподаватель находится в ситуации, когда ему не приходится рисковать жизнью из-за излагаемой им доктрины. Но, собственно говоря, преподаватель и не является философом в традиционном смысле. Это работник образовательной системы, который по своим личностным качествам и мировоззрению может

¹ Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году / Пер. А. В. Дьяков. СПб., 2011; Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году / Пер. А. В. Дьяков. СПб., 2014.

быть склонен к философии, а может и не быть. Философия – это не профессия и, повторим, не собрание мудрых изречений. Ее невозможно зафиксировать в тексте или в учебном курсе. Она по-прежнему является делом, которому посвящают свою жизнь те, кто, как говорил Платон, имеют к ней расположенность от природы. И было бы по меньшей мере странно, если бы за это платили зарплату.

Времена изменились, изменилась роль философа в обществе. А самое главное – изменилась позиция самой философии. Тем не менее, говорить о «конце философии» пока рано. Вместо этого нужно помнить о том, каким образом она связана с традицией, а в каком отношении произошел отрыв от нее.

В своей лекции 1935 г. К. Ясперс говорил:

Философствованию присуще стремление уловить неразумное и противоразумное; оформить его силой разума, превратить его в некоторый способ бытия разума, и даже – показать, что в конце концов оно тождественно разуму: всякое бытие должно стать порядком и законом¹.

Философия – это всегда жизнь в разуме, разумная жизнь, противостоящая хаосу и иррациональному. Так было в античности, так было и в Новое время. Философия стремится к тождеству реальности и мысли, в которой эта реальность представлена. Но в наше время произошла радикальная перемена: мы перестали доверять разуму. Мы подвергаем сомнению любые авторитеты, лучшие умы в истории человечества для нас теперь только имена из скучного учебника. Мы вступили в пространство абсолютной бессосновности, в пространство полного релятивизма. Мы теперь признаем право на существование за самыми иррациональными сторонами психической жизни, за самыми архаичными суевериями, самыми неразумными проявлениями человеческой слабости (У. Эко дает едва ли не полный реестр всех этих, как казалось прежде, давно изжитых нелепостей в своей книге «Полный назад»²).

Ясперс, к которому мы только что обращались, говорит об этой ситуации так:

В действительности человека западной культуры произошло нечто чудовищное: распад всех авторитетов, радикальное разочарование горделивого доверия к разуму, разложение всех связей, которое, казалось бы, делает отныне возможным все, абсолютно все. Оперирование старыми словами может казаться просто покровом, скрывающим от на-

¹ Ясперс К. Разум и экзистенция. С. 4.

² Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / Пер. Е. Костюкович. М., 2007.

шего испуганного взора готовые прорваться силы хаоса, против которых у нас нет другой силы, кроме силы продлеваемой еще на какое-то время иллюзии. Страстное повторение этих слов и этих учений, пусть правдивое и благонамеренное, не оказывает, похоже, настоящего действия, остается бессильным призывом. Подлинное философствование должно бы соответствовать этой новой действительности и должно бы само находиться в ней¹.

Что делать, как быть? Эти вопросы задают теперь все, но очень мало кто может дать на них сколько-нибудь разумный ответ. Есть, конечно, по-прежнему люди, которые говорят, что философия выше сиюминутных политических забот или научных проблем. Однако такое уединение в башне из слоновой кости может лишь окончательно сделать философию ненужной современному миру. Тот же Ясперс в своих Гейдельбергских лекциях 1950 г. обозначил перемену в сущности философии следующим образом:

Сегодня правдивость в философствовании уже более невозможна без науки. Мы безоговорочно заявляем себя приверженцами современной науки, как пути к истине².

Дело не в том, что философии теперь нужно поспевать за наукой вместо того, чтобы вести ее за собой. Однако если философия и претендовала на то, чтобы обретать собственные основания в себе самой, в действительности она находила их, как правило, где-то на стороне (сперва в теологии, потом в естественных науках). И в этом отношении радикальной перемены не произошло. Ясперс говорит лишь, что «правдивость» в философии теперь немыслима без науки. Другими словами, теперь именно наука является критерием истинности философии. И та философия, что выстраивает системы, опровергаемые научными открытиями, истинной считаться никак не может.

Пример. Сегодня мы оказались в ситуации, когда биологическая наука опровергает фундаментальные установки классических авторов, опираясь на которые философия не одно столетие строила свой дискурс. Платоновская душа или Декартово *cogito*, при всех оговорках, были указанием на некую мыслящую сущность. Современная физиология мозга говорит нам, что сознание – никоим образом не сущность, а процесс. Сознание – это не какой-то аналог компакт-диска, с которого в любой момент может быть считана одна и та же неизменная информация. Это процесс, представляющий собой посто-

¹ Ясперс К. Разум и экзистенция. С. 11.

² Там же. С. 284.

янное переписывание информации. Поэтому, например, нельзя просто взять да и загрузить в голову человеку определенный объем знаний, как это делается в фантастических фильмах. Скажем, нельзя загрузить англо-русский словарь заодно с английской грамматикой, поскольку процессы памяти – это также постоянное записывание и перезаписывание. В каждый момент времени сознание человека не тождественно тому, что было в другой. Отчего пожилые люди помнят события не такими, как их зафиксировали документы? Оттого, что хотят приукрасить да прилгнуть? Отнюдь: их память, прошедшая огромное количество циклов перезаписывания, представляет их уже совершенно иными. Иным постоянно становится и сам сознающий субъект. Таким образом, и Платон, и Декарт ошибались, полагая, что существует какое-то постоянное мыслящее Я. И как же вести себя философии? Извиниться за два с половиной тысячелетия заблуждений и тихо уйти с исторической арены?

Когда обнаруживается подобная несостоятельность классических философских концепций, раздаются призывы совсем отказаться от философии.

Можно, пожалуй, сказать, что в наше время философия не пользуется особенной благосклонностью; по крайней мере теперь уже не признают, как в прежнее время, что изучение философии должно быть необходимым введением и основой для всякого дальнейшего научного образования и философских занятий¹.

Это писал Гегель во введении к своей «Философии природы». Как видите, наша ситуация не так уж нова: за последние два столетия наука сделала столь решительные успехи, что почувствовала в себе не только достаточно сил, чтобы оторваться от породившей ее философии, но и потребность сделать это ради собственного прогресса, который философия стала тормозить. А значит, нужно многое менять. Философия не должна плестись за наукой, но, повторим за Ясперсом, ей следует видеть в науке путь к истине и критерий собственной истинности.

То, что наука стала горизонтов истинности философии, не делает философию каким-то придатком к науке. И уж конечно, философия не перестает от этого быть делом сугубо личным. Ведь никуда не исчезает философия как личностная практика – как выразился бы М. Фуко, «практика себя». И здесь наука совсем не при чем. Философия – не просто способ приятно провести время, она меняет человека, который отдает ей свою жизнь. Платон говорил, что это трудно.

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2: Философия природы. М., 1975. С. 7.

Трудно, конечно, но в то же время это доставляет много радости. Мы закончим эту вводную лекцию цитатой из «Опытов» М. Монтеня, который говорит как раз об этой стороне философии. Кстати, мы можем увидеть здесь нечто знакомое нашему веку:

Странное дело, но в наш век философия, даже для людей мыслящих, всего лишь пустое слово, которое, в сущности, ничего не означает; она не находит себе применения и не имеет никакой ценности ни в чьих-либо глазах, ни на деле. Полагаю, что причина этого – бесконечные словопрения, которыми ее окружили. Глубоко ошибаются те, кто изображает ее недоступною для детей, с нахмуренным челом, с большими косматыми бровями, внушающей страх. Кто напялил на нее эту лживую маску, такую тусклую и отвратительную? На деле же не сыскать ничего другого столь милого, бодрого, радостного, чуть было не сказал – шаловливого. Философия призывает только к празднествам и веселью. Если перед вами нечто печальное и унылое, – значит философии тут нет и в помине¹.

¹ Монтень М. Опыты. Избр. произв. в 3 т. Т. 1. М., 1992. С. 207–208.

Г. БАШЛЯР О ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

Л. Ю. Соколова

Работа главы французского неорационализма Гастона Башляра «Формирование научного духа. Вклад в психоанализ объективного знания» (1938) является одной из его первых работ, где французский философ рассматривает историю познания, оригинальным образом соединяя идеи рационалистической эпистемологии, историзма и психологизма. В координатах, заданных этими идеями, знание в различии его исторических форм (донаучное, научное и новое научное) исследуется, по крайней мере, с двух сторон. Во-первых, речь идет об эпистемологической, написанной с позиций неорационализма, истории наук, «разума». Во-вторых, – об особенностях формирования индивидуального мышления, то есть о своего рода психологии интеллектуального развития. И в том и другом случае Башляр отстаивает мысль о прогрессивном движении от заблуждений «эмпиризма» к научной рациональной и, далее, к неклассической, «сверхрациональной» форме мышления. Поэтому башляровское понятие «разума», или «духа», с самого начала «двусмысленно»: это определение и изменяющихся от эпохи к эпохе рациональных посылок познания в их диалектической взаимосвязи с опытом, и психологической способности индивидуального творческого мышления. В других эпистемологических работах («Новый научный дух», «Философия нет», «Прикладной материализм» и др.), в книге «Психоанализ огня» философ не меняет свою установку связывать анализ исторических типов науки с особенностями психологии ученых. Правда, в рассуждениях о науке и ее развитии он в иных случаях обходится без психологических определений: когда пишет о концептуальных структурах науки, о диалектике рационального и эмпирического, научном факте

как конструкторе и т. д. – всех тех традиционных вопросах теории познания, которые он переосмысливает в своей эпистемологии.

Указанная «двусмысленность» в философии Башляра позволяет трактовать его работы не только как оригинальную историческую эпистемологию с психологической составляющей, но и как психологию, в частности, как психоанализ науки, нацеленный на решение педагогической проблемы образования, а именно формирования научной культуры мышления. В авторитетной работе канадского историка педагогики И. Бертрана башляровская концепция рассматривается в ряду конструктивистских теорий воспитания.¹ В статье мы сосредоточимся на вопросе о том, каким образом в философии Башляра осуществляется взаимосвязь исторической эпистемологии и педагогики и в чем состоит его педагогическая концепция формирования научного мышления, «преподаваемого рационализма».

Конститутивные понятия эпистемологии Башляра – разум, опыт, научный факт, эпистемологический разрыв, эпистемологический акт, препятствие и др. – заключены в общую рамку постметафизического мышления, отказавшегося от абсолютов классической теории познания. Разум – не вечная беспредпосылочная инстанция, а исторически определенные внеэмпирические предпосылки познания. Опыт, «голый факт» науки или чувственное данное субъекта, не является первой ступенью познания, это одна из сторон, наряду с разумом, диалектического процесса знания. Принцип историзма, который Башляр проводит в своей эпистемологии, также состоит не в метафизической идее высшего разума, гарантирующего целесообразный процесс непрерывного развития науки, как, например, у П. Дюэма, но в признании различных типов рациональности, эпистемологических разрывов между ними. Эпистемология становится критическим историческим исследованием, в котором выявляются особенности научных эпох, специфика постановки проблем и их решений, смысловые особенности научных понятий в разных теоретических и психологических контекстах.

Не уделяя особого внимания социальным аспектам познания, философ обращается к индивидуально-психологическим особенностям научного творчества, именно в них он видит главный фактор развития науки. Это непосредственно связано с его интересом к психоанализу. Конечно, Башляр был материалистом и признавал, что объективная реальность оказывает «сопротивление», стимулирующее мышление. Однако решающий «вектор познания» он видел в

¹ *Bertrand Y. Théories contemporaines de l'éducation. Ottawa, 1993.*

творческом мышлении, которое может в «эпистемологическом акте» – «рывке, толчке научного гения, который вносит неожиданные импульсы в развитие науки»¹ – освободиться от прошлого заблуждения, открывать истину как «исправленную ошибку».

В связи с особенностями его исторической эпистемологии и башляровская психология науки становится исторической. Она изменяется, на каждом этапе развития познания свидетельствуя о возникновении новых форм, причем устаревшие формы психологической организации сохраняются в бессознательном современного ученого, откуда и вытекает, согласно Башляру, необходимость психоанализа научного духа. Каждой ступени развития познания соответствует своя психология мышления, которая оценивается философом с точки зрения близости или удаленности от психологии современного ученого, выражающего «новый научный дух» неклассической математики и естествознания. В. П. Визгин верно обращает внимание на то, что история мышления, науки у Башляра имеет модернизирующий и оценивающий смысл. «Модернизм и аксиологизм – основы этой концепции, как и принцип абсолютного прогресса применительно к науке, отличающий ее от всех остальных сфер деятельности человека. Если мы отметим в понятийном составе этой концепции понятия разрыва и препятствия, то получим все основные моменты историографического мышления Башляра»². Вслед за Л. Брюнсвигом Башляр в качестве критерия прогресса полагает степень математизации знания, уход от обыденного мышления, не разделяя, однако, его идеал «математического идеализма». Идея прогрессивного развития науки является важнейшей у Башляра: ценность науки все явственнее обнаруживается по мере перехода к рациональному, воплощенному в математике, мышлению.

Другой важный момент эпистемологии Башляра – антипозитивистское убеждение в том, что любая наука и донаучные формы конкретного знания (теории, понятия, представления, эмпирические обобщения, мифологические конструкции и др.), любые ходы научной или ненаучной мысли связаны и поддержаны соответствующей «философией». При этом, рассматривая различные формы конкретного знания, детализируя особенности осуществления донаучного и научного знания, под философиями, которые их определяют, Башляр имеет в виду не только «философию философов» (например, Декарта и Канта как философов классической науки, «научного духа»), но, главным образом, имманентные самому конкретному знанию неот-

¹ *Bachelard G. La formation de l'esprit scientifique. Paris, 1960. P. 24.*

² *Визгин В.П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. М., 1996. С. 209–210.*

рефлексируемые мыслительные диспозиции, за которыми скрываются психологические комплексы. Поясним на примере.

Башляр пишет о многообразии философской культуры и вводит понятие эпистемологического профиля частных научных понятий (масса, энергия), которое позволяет ему эксплицировать в этих конкретных понятиях различные «метафизики». «Психология научного духа позволяет раскрыть то, что мы назвали бы эпистемологическим профилем различных концептуализаций. Именно по этому ментальному профилю можно судить о психологической активности разных философий в процессе познания»¹. Научное понятие имеет свою историю, этапы которой убеждают в «созревании» научного мышления, переходе от анимистического уровня наивного мышления к сверхрациональному. Первоначально понятие массы связано с философией «наивного реализма», будучи выражением величины желаемого предмета, продукта питания, богатства, концентрации благ, вообще чего-то большого: масса всегда обозначает здесь значительную величину. Это понятие играет роль препятствия для объективного знания и в такой функции еще присутствует в некоторых науках, в частности в психологии. Именно в наивно-реалистическом смысле психологи, считает Башляр, используют данное понятие, когда говорят о массе или психической нагрузке у человека – как о его наполненности некоторой субстанцией. Аналогично, следуя данной «метафизике», донаучный дух создал понятие невесомого тела, без массы, и отверг из-за этого закон всемирного тяготения. Особая примета донаучных понятий – легкость их восприятия. Башляр пишет о «педагогическом парадоксе»: «Когда речь идет о теоретическом познании реального, т. е. о знании, превосходящем простое описание, ... все, чему легко научить, – неточно»². Далее, на втором уровне понятие массы определено философией «чистого и позитивистского эмпиризма», за которой стоит вера в объективное определение массы с помощью инструментов, например, весов. Занятие взвешивания предметов предполагает доверие весам и умение с ними обращаться, но, однако, не требует рациональной ясности и выступает в качестве препятствия для формирования научного разума.

Две рассмотренные «философии» понятия массы соответствуют донаучному духу, с которым как ученик в школе, так и ученый, если ему требуется еще психоанализ, должны расстаться. «Мы мечтаем о

¹ Башляр Г. Философское отрицание // Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987. С. 192.

² Там же. С. 177.

вещах, которые могут наделить нас силой, о весе, превращающемся в богатство, и о многих других мифических силах, якобы присущих глубинам нашего бытия. Между тем, в момент выработки ясных идей мы должны расстаться со всем этим»¹. Благодаря этому расставанию дух ученого или ученика приобщается к науке: понятие массы в ньютоновской механике, которой соответствует философия классического рационализма, определяется математическим образом. При этом критерий рациональной, математической достоверности сочетается с убеждением в том, что математические законы объясняют движение реальных тел, данных в обыденном опыте. Последние из рассмотренных Башляром «философий» – полный рационализм теории относительности и дискурсивный рационализм механики Дирака – демонстрируют работу нового научного духа. В теории относительности понятие массы становится сложным, зависимым от движения объекта, причем внутренняя «мультипликация» этого понятия не является выводом из опыта, она лишь нацелена на поиск феномена, следуя вектору познания «от разума к опыту», к конструкции феномена. В данном случае, как и в механике Дирака, «реализации отдается предпочтение перед реальностью... Теория это математическая истина, которая еще не нашла своей полной реализации. Ученый должен искать эту полную реализацию. Надо заставить природу идти так же далеко, как идет наш дух»².

Историзм в понимании мышления как движения через ряд «уровней», от анимизма к сверхрационализму, побуждает Башляра обозначить свою философию науки как «дисперсивную», внимательную к разным «философиям» и их психологическим коррелятам как факторам научного знания. На первый взгляд, анализ психологических особенностей познания у философа преобладает тогда, когда он обращается к донаучному духу, что, в целом, соответствовало бы рационалистической интенции проводить демаркацию между донаучными формами знания, которые имеют «внешние» факторы возникновения и функционирования, и научной рациональностью. В этом плане Б. Латур пишет, что Башляр высмеивал псевдоученых XVIII в., противопоставляя им правильную науку, и тем самым устанавливал асимметрию в изучении прошлой, побежденной науки и победителей. «Во Франции большая часть исследований о науке отмечена тотальной асимметрией в объяснениях. Эта асимметрия отстаивалась Башляром и Кангийемом»³. Однако это не так. Эпистемо-

¹ Там же. С. 194.

² Там же. С. 187.

³ Latour B. La science en action. Introduction à la sociologie des sciences. Paris, 1995. P. 334.

логический разрыв, о котором писал Башляр, подчеркивает принципиальное различие между донаучным знанием и наукой, философией эмпиризма и рационализма. Но по ту сторону этой противоположности стоит понимание того, что обе формы познания фундаментальны психологией, каждая своей. Скорее, критику Латура можно отнести к эпистемологической истории Ж. Кангийема, который, отбросив башляровский психологизм, обратился к социальным факторам лженауки и ввел жесткое разграничение между наукой и лженаукой как научной идеологией. Психоанализ Башляра же не освобождает ученого от психических детерминант его труда. «Если в некоем знании сумма личных убеждений превосходит сумму знаний, которые можно сформулировать, преподать, то психоанализ необходим. Психология ученого должна приближаться к безусловной психологической норме, он обязан отказаться от личностного характера своего знания и, соответственно, должен прилагать усилия к социализации своих убеждений»¹. Социализация в данном случае означает интерсубъективность науки, рациональную ясность.

Более того, Башляр своеобразно толкует психоанализ объективного знания: он нацелен не на раскрепощение бессознательных инстинктов, а на их подавление и сублимацию в научной деятельности. В науке «подавление является деятельностью нормальной, полезной, более того, доставляющей радость. Научная мысль невозможна без подавления. Оно дает начало сосредоточенному, взвешенному абстрактному мышлению. Любая связная мысль строится на системе нерушимых и ясных запретов»². Речь идет о том, что научное мышление, «здоровое абстрагирование», отказывается от бессознательных комплексов донаучной культуры, определяемой философиями наивного реализма, эмпиризма и т. д., и тем самым лечит «недуги бессознательного». Однако и научное, абстрактное мышление имеет свой психологический контекст и смысл, по Башляру. Об особенностях этого мышления философ пишет в сравнении с другими, исследуя историю знания.

Формулируя, не без иронии, «закон трех состояний научного духа», каждому состоянию, типу мышления, философ ставит в соответствие особый тип души. Башляровская история «духа» не менее умозрительна, чем контовская, и как Конт, Башляр имеет целью подчеркнуть эпистемологическое различие этих трех состояний, опреде-

¹ Башляр Г. Психоанализ огня. М., 1993. С. 120.

² Там же. С. 151.

лить, чем является наука, показать историю знания как путь прогресса и обозначить препятствия на его пути.

Первый этап – от античности до конца XVIII в. – это донаучное состояние. В этом состоянии дух создает свои «теории», опираясь на чувственное восприятие. Но предмет восприятия является зеркалом бессознательного: либидо, воли к власти, антропоцентризма, воли к жизни, агрессивности и др. Здесь царит «философия» реализма, эмпиризма, наивного прагматизма. Например, отношение к предмету как благу влечет подмену рациональной очевидности получаемым от него удовлетворением: истинно то, что полезно. Философ показывает, что познание начинается не с «чистого опыта», а с заблуждения, заданного архетипическими реакциями, своеобразными «философиями». «Донаучному духу» соответствует конкретное состояние души, «ребяческое», «светское». Ученым здесь движет любопытство, он играет в науку, развлекаясь. Такой душе не должно быть места в настоящей науке.

Второй этап – с конца XVIII до начала XX в. – научное состояние, возникновение которого Башляр связывает с развитием абстрактного мышления и отождествлением математических абстракций со свойствами предметов обыденного опыта. Дух осуществляет «преждевременные реализации» рациональных схем. Так, в частности, появился «наивный реализм пространственных свойств», «на полпути между конкретным и абстрактным, в промежуточной зоне, где разум претендует примирить математику и опыт, законы и факты».¹ Классическое естествознание определено конкретно-абстрактным состоянием «профессорской» души, ей присущ догматизм, вера в неизменность абстракций.

Третий этап начинается с 1905 г. – с опубликования специальной теории относительности: «новый научный дух» творит новую, «вторую» реальность, отличную от чувственного опыта, «первой» реальности. Неклассической науке соответствует философия сверхрационализма и абстрактное состояние души, пораженной болезнью абстрагирования и квинтэсирования, «несчастное научное сознание, предающееся всегда несовершенным индуктивным интересам, играющее в опасную игру мысли без стабильной экспериментальной опоры... уверенное, что абстракция – это научный долг, владение, очищенное, в конце концов, от мысли о мире».²

В этой связи понятен интерес Башляра к процессу формирования сознания ученика в практике научного образования, где надо учитывать, что ученик приходит на урок с уже сложившимися у него в

¹ Bachelard G. La formation de l'esprit scientifique. P. 5.

² Ibid. P. 9.

обыденной жизни представлениями. Задача педагога – воспитать ученика в духе современной научной культуры, преодолевая одно за другим психологические препятствия в его сознании. Д.Н. Дроздова пишет, что Башляр, исходивший из того, что современная наука, даже в ее школьном варианте, противоречит здравому смыслу, считал, что «в процессе школьного образования учитель фактически приглашает учеников пересмотреть свои естественные представления о мире, предполагая, что они переживут небольшую, но вполне полноценную философскую конверсию, обращение к открытой истине».¹ Башляр был противником историко-научного континуизма. Сторонники последнего для облегчения понимания современной науки стремятся изложить ее с позиций здравого смысла, ссылаясь при этом на то, что новое всегда трудно. Но обучение современной науке не похоже на обучение науке прошлого, считает философ, это труд теоретической работы в отличие от эмпирико-классифицирующего труда донаучного духа.

Также Башляр считает важным обучать школьника новой, неаристотелевской логике. Принцип тождества – основа аристотелевской логики – не работает в современной науке, полагает он, ибо некоторые научные объекты (микрочастица как корпускула и волновое явление) имеют противоположные характеристики. Противоречие вызвано, по Башляру, применением «слишком реалистических» способов выражения для определения таких объектов. Неаристотелевская логика сопоставляет эти понятия, приглушая противоречие и получая, таким образом, определения не противоречивые, а дополняющие друг друга. Образец новой логики, по мнению философа, представлен в работах П. Феврие, которая поставила свой постулат неаристотелевской логики в зависимость от физического принципа В. Гейзенберга.

Башляр также ссылается на общую семантику А. Кожибского, который в книге «Наука и здоровье» исследовал психологические и физиологические предпосылки неаристотелевской логики, утверждая, что есть расхождение между обыденными представлениями о реальности, которые выражаются языком традиционной логики, и самой реальностью. Американский ученый предложил свою педагогическую концепцию, в которой главное – формирование психики и

¹ Дроздова Д.Н. Школьники в музее научной революции: Гуссерль, Койре и Башляр в дискуссии об общественном восприятии науки // Новое литературное обозрение. 2011. №1. С. 75.

мозга ребенка как открытой системы, способной к изменению, изобретательству, дискуссии, открытию нового в мышлении и поведении. Башляр, ставя в центр своей педагогики развитие творческой способности мышления, которое в наиболее развитой научной форме отказывается от «воспринятого реально» и приобретает абстрактную форму, связанную со своей «реализованной реальностью», пишет об отношении учителя и ученика как о двух полюсах «обучающего рационализма». В поле этих полюсов понимание является не повторением и подражанием, а процессом возникновения знаний. «Учитель – это тот, кто учит *понимать*, – и в культуре более продвинутой, где ученик уже понял – он тот, кто учит *понять лучше*». ¹ Чтобы учитель смог выполнить эту задачу, он сам должен быть тем, «кто еще и психически растет, заставляя расти». ²

¹ Башляр Г. Прикладной рационализм // Башляр Г. Избранное: Научный рационализм. М., СПб., 2000. С. 23.

² Там же. С. 71.

ТЕОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ФЕЛИКСА КОНЕЧНОГО: СВОЕОБРАЗИЕ И СМЫСЛОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ¹

В. М. Дианова

Есть имена, почти не известные в России, а до некоторого времени и у себя на родине. Это относится к польскому историку Феликсу Конечному (1862–1949)². В силу ряда обстоятельств некоторые его труды публиковались в Лондоне, на родине же он был малоизвестен. На это досадное упущение обращает внимание профессор Института философии Ягеллонского университета Ян Скочиньский, главный специалист по исследованию теории цивилизаций Ф. Конечного³. Ф. Конечный более известен как историк, но в последние годы творческой деятельности им были написаны работы, которые можно отнести к философии истории. Своеобразие его воззрений может быть выявлено при их рассмотрении в контексте идей представителей цивилизационного подхода, таких как Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Бродель, С. Хантингтон и другие.

Как известно, формирование цивилизационного подхода представляет собой творческий диалог историков, философов, культурологов. Этот диалог разворачивается во времени, что способствует продуктивному развитию идей, уточнению понятий, выработке новых ракурсов видения и ломке устоявшихся стереотипов, к чему побуждают изменения в социокультурной реальности. Исходя из этого, прочтение трудов предшественников в контексте новой проблематики обеспечивает пересмотр идей и выработку более продуктивных, отве-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, проект №15-33-01018.

² Единственный текст о Ф. Конечном, опубликованный в отечественных изданиях, написан Ю. Н. Солониным. См.: Дианова В.М., Солонин Ю.Н. История культурологии. Учебник. 3-е изд. М., 2015. С. 166–173.

³ См.: *Skoczyński J. Konieczny. Teoria cywilizacji. Seria: Filozofia polska XX wieku.* Wydawnictwo: IFiS PAN, 2003. – 356 s.

чающих современным реалиям методологических подходов. Кроме того, обращение к наследию способно обогатить наше знание, дать почувствовать атмосферу ушедшей эпохи, порой обнаружить доставшиеся нам из прошлого неразрешенные доселе проблемы и побудить к поиску идей для их решения. Используя такие коммуникативные стратегии, мы тем самым будем способствовать развитию научного знания, избежим догматизма и обеспечим преемственность идей.

Основные вехи биографии

Обратившись к описанию жизненного и творческого пути Феликса Конечного, будем основываться на тексте Я. Скочиньского, опубликованном в качестве предисловия к репринтному изданию работы Ф. Конечного «О множественности цивилизаций» (*O wielosci cywilizacyj*. Krakow: WAM Publishing, 1996), первоначально вышедшей в Кракове в 1935 г. Другим источником будет биография Ф. Конечного в изложении того же автора, приведенная в Золотой книге исторического факультета Ягеллонского университета¹, в которую, по сравнению с предыдущим текстом, были внесены некоторые дополнения и уточнения. Взяв за основу изложения биографии польского историка эти источники, внесем в них лишь некоторые разъяснения, необходимые для отечественного читателя.

Феликс Конечный родился в Кракове 1 ноября 1862 года в семье железнодорожника. Посещал гимназию Св. Анны и гимназию св. Яцека, которые закончил в 1883 году. В том же году он начал учебу на философском отделении Ягеллонского университета.

Среди поколения краковских историков, которые оказали влияние на Ф. Конечного в студенческие времена, профессор Я. Скочиньский отмечает Станислава Смулку и Винчеслава Закревского, которые были оригинальными мыслителями и значительными научными авторитетами того времени, а также известного польского историка права и основателя краковской исторической школы Михаила Бобринского; упоминает он и ряд других имен из академической сферы, значимых для польской культуры и искусства.

В 1888 году Ф. Конечный заканчивает учебу и защищает докторскую диссертацию по теме «Ранние отношения Ливонии с Польшей до 1393 года». С конца 1889 до 1890 года вместе с другими польскими историками он работает в историческом архиве Ватикана. После воз-

¹ *Skoczyński J. Koneczny dzisiaj // Skoczyński J. Ludzie i idee. Szkice historycznofilozoficzne*. Krakow, 1999. S. 30–35; *Skoczyński J. Feliks Koneczny (1862–1949) // Uniwersytet Jagielloński / red. Złota Księga, Wydziału Historycznego*. Krakow: Julian Dybiec, 2000. S. 146–150.

вращения из Италии Ф. Конечный становится сотрудником Исторической комиссии Ягеллонского университета. В эти годы были изданы две его книги: «Ягелло и Витольд» (1893, получила награду Парижского историко-литературного общества) и «История Силезии» (1897), а также несколько брошюр и статей. Позже Ф. Конечный начинает работать в Ягеллонской библиотеке, и в этот период он выступает с важными инициативами, вызванными, очевидно, чтением лекций в Общественной народной школе. Среди них: постановка проблемы строительства новых школ и публичных библиотек, издание популярной исторической литературы.

Еще одним важным аспектом деятельности Ф. Конечного в то время было обращение к славянской проблематике. Это привело к созданию в Кракове в 1901 г. (вместе с Марианом Здзеховским и Августом Соколовским) общества под названием «Славянский клуб». Печатным органом Клуба стал ежемесячник «Славянский мир», редактором которого с 1905 по 1914 годы был Ф. Конечный. Написанные им статьи, которые публиковались в этом периодическом издании, касались вопросов польско-российских взаимоотношений, Польши и соседних народов, а также других тем. К важнейшим научным публикациям того времени относят издание первого тома «Истории России» (1917) и коллективной монографии «Польша в общей культуре» (1918).

Профессор Я. Скочиньский отмечает страсть Ф. Конечного к театру, которая выразилась в сотрудничестве с журналом «Польский обзор», где в течение почти 10 лет (1896–1905) печатались его театральные рецензии (их подборка опубликована в книжке «Краковский театр», 1907). Для полного представления о многосторонней деятельности Ф. Конечного имеет значение его журналистский труд в газете «Голос нации», в которой польский историк был около года заместителем главного редактора. Профессор Я. Скочиньский считает нужным отметить, что во всех формах своей обширной публичной деятельности Ф. Конечный всячески отстаивал польские интересы.

С 1919 г. Ф. Конечный стал работать во вновь восстановленном Университете Стефана Батория¹, первым ректором которого стал профессор из Кракова Михал Седлецкий. Здесь Ф. Конечный прошел хабилитацию² и был номинирован на должность профессора. Он рабо-

¹ Виленский университет, упраздненный 1 мая 1832 г. рескриптом Николая I, восстановлен по указу Ю. Пилсудского 28 августа 1919 г. С 1939 г. – Университет Литвы.

² Хабилитация (нем. *Habilitation*, от лат. *habilis* – способный, пригодный) – в некоторых странах процедура получения высшей академической квалификации, 156

тал на кафедре истории Восточной Европы. Помимо собственно научной и преподавательской деятельности, он занимался популяризацией философского знания и публицистикой. В 1929 году, после почти десятилетней работы в университете, он был лишен кафедры и отправлен в отставку. Причины этому, как пишет профессор Я. Скочиньский, не выяснены до сих пор, а следы этого решения нужно искать в архивах Вильнюсского университета.

Не имея другого выбора, Ф. Конечный возвращается в Краков, где отныне начинает вести жизнь независимого ученого и публициста. В эти годы он отходит от изучения исторической тематики и обращается к философии. Здесь его застала Вторая мировая война, которая принесла трагические лишения. Ф. Конечный потерял часть дома в Сальваторе. В августе 1944 года, во время подавления Варшавского восстания, погиб его старший сын Чеслав. В октябре того же года он потерял в Бранденбурге младшего сына Станислава.

Умер Ф. Конечный после тяжелой болезни 10 февраля 1949 года и был похоронен на Сальваторском кладбище в Кракове.

А. Дж. Тойнби и Ф. Конечный

В Англии в 1962 году, в 100-летний юбилей польского историка, вышла в свет его книга «О множественности цивилизаций» в переводе на английский язык¹. Предисловие к книге было написано Арнольдом Дж. Тойнби, к тому времени уже завершившем свой 12-томный труд «Исследование истории» (1934–1961). Тойнби – авторитетнейший специалист в этой области знания, и, конечно же, польским авторам лестно упоминать об этом акте внимания к творчеству их соотечественника². Сославшись на то, что к книге Ф. Конечного написано весьма обширное предисловие от издательства, Тойнби ограничился весьма кратким, но очень содержательным предисловием, отметив, что эта работа – лишь одно из вышедших независимо друг от друга в течение последних двух поколений в различных частях Западной Европы исследований, впечатляющих масштабами челове-

следующей после ученой степени доктора философии (степень «доктор философии» – аналог российской степени «кандидат наук»). После прохождения процедуры habilitacji претенденту присваивается ученая степень habilitowanego доктора (*лат. doctor habilitatus, Dr. habil.*), которая дает право на занятие профессорской должности в университете, что соответствует российской ученой степени доктора наук.

¹ *Koneczny F. On the plurality of civilisations* // URL: theological-geography.net/wp-content/uploads/2014/03/Koneczny-On-the-Plurality-of-Civilizations-English.pdf.

² *Skudrzyk P. Losy cywilizacji według Arnolda J. Toynbee'ego. Towarzystwo zachety kultury. Katowicz, 1992. S. 33.*

ческой деятельности. Обращает он внимание и на то, что эта книга была написана автором тогда, когда ему уже исполнилось 70 лет, в то время, когда он был отправлен в отставку в качестве наказания за защиту гражданских свобод.

Согласно английскому историку, Ф. Конечный, обратившись к освещению вопросов, касающихся исследования цивилизаций, пришел к определенным выводам и оценкам. Для нас интересно то, какие сюжеты отметил Тойнби в сочинении Ф. Конечного. Один из них заключается в следующем: создав набросок структуры общества, польский исследователь отверг идею о том, что различия цивилизаций являются побочным продуктом физических различий, и утвердил ту мысль, что физические различия ни в коей мере не связаны с духовными. Иными словами, Тойнби отметил отсутствие каких-либо расистских мотивов в концепции Ф. Конечного. Одобрил он и решение Ф. Конечным проблемы неоднозначно трактуемой взаимосвязи языка и духовных ценностей цивилизации. Отметил он и имеющую место у Ф. Конечного идею о независимости друг от друга «высших» религий и цивилизаций. Тойнби обратил внимание и на личностные черты польского исследователя, которые, по его мнению, отразились в характере написанного им труда: помимо того, что автор – поляк, он еще и патриот Западного мира, набожный христианин-католик. Более того, личная история польского мыслителя оказалась, по мнению Тойнби, своеобразным преломлением истории польского народа. Все это, полагал Тойнби, отразилось в представленной Ф. Конечным теории цивилизаций. Тойнби считал, что точка зрения польского автора затруднила оценку некоторых нехристианских и христианских религий, таких как православие, монофизитство, христианство несторианского толка. Отметил он и предпринятые усилия Ф. Конечного классифицировать цивилизацию Московской Руси в качестве туранской, хотя иронически заметил, что если бы она называлась иначе, то дела вряд ли обстояли бы лучше.

В завершении предисловия Тойнби поднял тему зависимости воззрений любого ученого от социокультурной среды, конкретной исторической ситуации, в которой тот оказывается совершенно случайно, родившись в определенное время и в определенном месте. В этом, по мысли Тойнби, заключается ограниченность ученого, но одновременно это – стимулирующий фактор творчества. В подтверждение проявлений такого личностного подхода к исследуемым темам Тойнби приводит имена Вико, Данилевского, Шпенглера и в этом ряду называет Ф. Конечного. Всем им, по его мнению, был присущ личностный подход в трактовке истории, однако английский историк

расценивает этот факт как отрадный, поскольку ряд мыслителей с разных личностных позиций, обусловленных временем и местом, могут освещать одни и те же проблемы, и отрадно, что польский голос – один из этих голосов и что Польше есть что сказать современному Западу.

Н. С. Трубецкой и Ф. Конечный

Ф. Конечный, как автор оригинальной теории множественности цивилизаций, осуществляет обстоятельный анализ отдельных цивилизаций, сохранившихся до наших дней. Не ставя сейчас перед собой задачу изложить проделанное им обоснование особенностей и собственных характеристик цивилизаций, которое, безусловно, заслуживает внимательного анализа и освещения, отметим лишь некоторые оригинальные идеи, которые подчас идут вразрез с устоявшимися представлениями о цивилизационных различиях. Тому, кто впервые знакомится с перечнем описываемых Ф. Конечным цивилизаций, бросается в глаза выделяемая им туранская цивилизация (ее характеристика, данная Ф. Конечным, может быть особой темой исследования). Термин «туранская» – не новшество Ф. Конечного, он использует его как само собой разумеющийся. Между тем, происхождение этого термина требует пояснений. Сошлемся на работу русского философа Н. С. Трубецкого, представителя евразийства. Работа Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре», впервые опубликованная в Берлине в 1925 г. в четвертой книге «Евразийский временник», повествует о том, что «восточнославянские племена занимали первоначально лишь незначительную часть той громадной территории, которую занимает современная Россия», и что большая часть территории современной России была заселена преимущественно теми племенами, которые было принято объединять под именем «туранских» или «урало-алтайских», причем «эти туранские племена играли первоначально гораздо более значительную роль, чем восточнославянские, русские племена»¹. Трубецкой отмечает, что распространение русских на восток сопровождалось обрусением целого ряда туранских племен. Будучи крупнейшим лингвистом и славистом и обращаясь к вопросу о семействе «туранских» языков, он сделал вывод о том, что их генетическое родство более чем сомнительное. Показывая, что отдельные туранские народы во многих отношениях существенно отличаются друг от друга, он, тем не менее, допускал возможность «говорить о едином туранском этнопсихоло-

¹ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Трубецкой Н.С. Избранное. М., 2010. С. 243.

гическом типе»¹, по отношению к которому этнопсихологические типы тюркский, монгольский и угро-финский являются оттенками или вариантами. Трубецкой обстоятельно рассматривает туранский психологический тип, расценивает его как положительный и утверждает, что он, несомненно, сыграл благотворную роль в русской истории. Сложное взаимодействие туранской психологии с психологией русских, с православной верой, которая являлась руководящим принципом в Древней Руси, – все это, по наблюдению Трубецкого, стало следствием того обстоятельства, что «в древнерусском национальном характере глубоко укоренились туранские этнопсихологические элементы, совершенно чуждые Византии»², что имело место обоюдное взаимовлияние, обусловившее «обрусение и оправославление татарщины», с одной стороны, происхождение русской государственности из татарской. Трубецкой писал: «Мы имеем право гордиться нашими туранскими предками не меньше, чем предками славянскими, и обязаны благодарностью как тем, так и другим. Сознание своей принадлежности не только к арийскому, но и к туранскому психологическому типу необходимо для каждого русского, стремящегося к личному и национальному самопознанию»³.

Если Трубецкой считал туранские этнопсихологические элементы только одной из особенностей русской культуры, то Ф. Конечный абсолютизировал этот элемент и назвал его определяющим, стал использовать соответствующий термин для наименования цивилизации, к которой он причислял Россию. Обоснование и характеристика туранской цивилизации весьма любопытны у Ф. Конечного, они, безусловно, содержат личностную окраску автора, о которой уже мы упоминали, приводя суждения Тойнби. Об особенностях туранской цивилизации Ф. Конечный писал в работах «Порядок в истории» (оставшейся в рукописи и опубликованной в Лондоне в 1977 году), «Польский логос и этос» (1921) и др.

Вопрос о цивилизационной идентичности России все еще остается спорным, и к его изучению обращаются как отечественные, так и зарубежные авторы⁴. Некоторые ученые выделяют отдельную православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианства по причине ее византийских корней, двухсотлетнего

¹ Там же. С. 245.

² Там же. С. 262.

³ Там же. С. 266.

⁴ *Пайнс Р.* Влияние монголов на Русь: «за» и «против» // Новое литературное обозрение. 2011. № 5.

татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе.

Н. Я. Данилевский и Ф. Конечный

На каком основании Ф. Конечный причисляет Польшу к латинскому, а не славянскому цивилизационному типу? Очевидно, истоки коренятся где-то в истории развития этих двух культурно-исторических типов. Ответ на этот вопрос предлагаем найти у Н. Я. Данилевского. Как известно, российский мыслитель мечтал о формировании славянского мира культуры, центром которого будет Россия, вокруг которой объединятся все другие славянские страны. Эти мечты и их обоснование он выразил в своем основном сочинении «Россия и Европа: Взгляд на культурное и политическое развитие отношения Славянского типа к Германско-Романскому». Обозначенное в названии книги дихотомическое деление он увязывает ссылкой на то, что Римский культурно-исторический тип и Византийский (предтечей которого был Константинополь), изжив свои творческие силы, передали свое наследие новым народам. «Наследниками Рима явились германцы, наследниками Византии – славяне; и в этих народах должна была ожить вековая борьба, которая велась всяким оружием между Грецией и Римом»¹. Данилевский отмечает различие в уровне развития между романо-германскими народами и славянскими, которые еще долго находились на племенной ступени развития, а также ссылается на то, что противоположность между ними усилилась посредством «той религиозной розни, которая доселе отделяет мир Романо-Германский от мира Славяно-Греческого»². Анализируя особенности различных славянских племен и период становления их государственности, он пишет о Чехии и Болгарии. Что касается Польши, то она «одна из всех славянских стран приняла без борьбы западные религиозные начала и усвоила их себе, а потому и была в течение большей части своей истории не только бесполезным, но и вредным членом славянской семьи, изменившим общим славянским началом, стремившимся распространить насилием и соблазном враждебный Славянскому миру католический и шлехетско-аристократический принцип в самую глубь России»³. Польшу он называет «исконной из-

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурное и политическое развитие отношения Славянского типа к Германско-Романскому. М., 2003. С. 298.

² Там же. С. 299.

³ Там же. С. 304.

менницей славянству»¹. Отсюда видно, что отнесение Польши к германо-романскому миру (латинской цивилизации) – не изобретение Ф. Конечного, а уже имеющее место и своеобразную аргументацию суждение в научном мире.

В дополнение к этой теме разделения/воссоединения славянства приведем любопытное суждение Л. Н. Гумилева, который обратил внимание на *случайность* многих исторических процессов, вызванных вполне конкретными сложившимися ситуациями, и назвал эти случайности «роковыми мгновениями». Именно они способствовали дезинтеграции Восточной Европы и Западной Евразии. В этом ключе он комментирует один из эпизодов истории взаимоотношений между православными и католиками, когда в 1430 году престол Литвы достался Свидригайлу, вождю православных литовцев и русских: «И тут, казалось, наступил час возрождения Древней Руси. Все этому благоприятствовало. Поляки, отняв у Литвы Подолию, вызвали гражданскую войну между католиками и православными, в которой остались без союзников, так как чехи-гуситы опустошили католическую Германию, а польский ставленник в Литве – князь Сигизмунд – обрел ненависть казнями вельмож и наконец был сам убит заговорщиками – князьями Чарторыйскими, по происхождению русскими. Если бы Москва оказала помощь Западной Руси, то воссоединение славянства наступило бы уже в 1436 г., но в княжестве Московском шла столь же ожесточенная внутренняя война, и руки друзей Свидригайла были связаны»². Еще ряд последующих исторических событий способствовал тому, что сложилась «четкая граница между гуманистической Западной Европой и хранительницей православной ортодоксии – Россией»³. Таким образом, история полна случайностей; тем более необходимо производить деконструкцию сложившихся стереотипов и догм при ее постижении.

Геродот, А. Дж. Тойнби, Ф. Конечный и С. Хантингтон

В конце XX века в польской литературе получила распространение мысль о возможных заимствованиях идеи «столкновения цивилизаций» С. Хантингтоном у Ф. Конечного. Обвинения звучали весьма резкие, с использованием слова «плагиат». Один из участников этой дискуссии, Я. Скочиньский, писал, что не его цель устанавли-

¹ Там же. С. 310.

² *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 677.

³ Там же. С. 680.

вать, есть ли плагиат или нет, но, по его мнению, речь может идти лишь о смысловых совпадениях трактовки этой идеи у двух авторов¹. Известно, что статья С. Хантингтона «О столкновении цивилизаций?» (1993) вызвала большой резонанс в научном мире. Чуть позже в Польше вышло репринтное издание книги Ф. Конечного «О множественности цивилизаций» (1996), с первого издания которой прошло более шестидесяти лет. Тем самым были актуализированы идеи польского историка и философа истории о том, что невозможен синтез цивилизаций и что столкновение цивилизаций может быть вызвано противостоянием этических принципов, лежащих в основе каждой отдельной цивилизации. Не будем сейчас углубляться в изложение концепции Ф. Конечного. Отметим другое: идея столкновения цивилизаций не была его изобретением. Многие идеи не имеют авторства, поскольку отражают реальные процессы, происходившие или происходящие в мире, и лишь степень их аргументации, убедительности и масштабы популяризации дают повод к тому, чтобы им приписывать авторство. В завершении этой темы обратимся к книге Тойнби «Исследование истории», которая представляет собой сокращенный вариант его многотомного труда, подготовленный при непосредственном участии автора под редакцией Д. Ч. Сомервелла. В этой работе Тойнби пишет о «столкновении с эллинской цивилизацией до Александра Македонского», о «столкновении со средневековым западно-христианским миром», о «характерных чертах столкновения между Западом Нового времени и современными ему цивилизациями», о «драме и последствиях столкновения между современными друг другу цивилизациями». Чтобы снять обсуждаемую проблему, приведем высказывание Тойнби: «Открытие того, что столкновения между современными обществами могут происходить, было сделано в V веке до н. э. Геродотом»². Вот так трактует идею авторства Тойнби.

Выводы

Сопоставление воззрений разных авторов теорий цивилизаций – любопытная тема, выявляющая их своеобразие и способствующая предотвращению ортодоксии (в светском понимании этого термина). Каждая авторская теория неминуемо содержит в себе личностную окраску, отпечаток места и времени. Каждый автор вносит в общую теорию свое видение, свой неповторимый вклад. Это оказывается возможным именно потому, что, согласно его пониманию, предшест-

¹ Skoczynski J. Huntington and Koneczny (an attempt to compare) // Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes. Vol. XLI, №2, June 1999. S. 207–216.

² Тойнби А.Дж. Исследование истории / Пер. К. Я. Кожурин. М., 2010. С. 886.

венники чего-то не сделали, что-то не учли, изменился предмет исследования и пр. В этом случае кажется уместным привести высказывание Фернана Броделя, который пишет: «Историки, безусловно, правы, когда с недоверием относятся к таким энтузиастам, как Шпенглер и Тойнби. Всякая история, сведенная к общим объяснениям, требует постоянного обращения к конкретной реальности, к цифрам, к картам, к точной хронологии, т. е. требует подтверждения». Именно искомую конкретику привносит Бродель, по его собственному заверению, в предпринятом им описании цивилизаций¹. Вместе с тем, и позиция самого Ф. Броделя по поводу наличия цивилизаций не является бесспорной. Так считает С. Хантингтон, поясняя: «Большинство ведущих ученых, изучающих цивилизации, кроме Броделя, не признают отдельной африканской цивилизации. Север Африканского континента и его восточное побережье относятся к исламской цивилизации. Эфиопия исторически сама по себе составляла цивилизацию. Европейский империализм принес христианство на большую часть континента к югу от Сахары. По всей Африке еще сильна племенная идентификация, но среди африканцев быстро возрастает чувство африканской идентификации, и, по-видимому, Африка “ниже” Сахары может стать отдельной цивилизацией, вероятно, с ЮАР в роли стержневого государства»².

Всякая научная теория – плод коллективных усилий. Исходя из такой стратегии, есть смысл обратиться к текстам недостаточно востребованных авторов, прочитать их в русле известного знания, сопоставить идеи, примерить оценки, сложившиеся в прошлом, к сегодняшней ситуации с целью обнаружения в них продуктивных подходов. В этой связи изучение наследия польского историка, автора оригинальной концепции множественности цивилизаций Ф. Конечного может быть полезным.

¹ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Пер. Б. А. Сытников. М., 2008. С. 65.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 59.

ПСИХОПАТОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ КАРЛА ЯСПЕРСА КАК ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ¹

О. А. Власова

Всем известно, что философ Карл Ясперс по образованию был врачом, а по специализации – психиатром, что после этого, до обращения к философии, он несколько лет занимался психологией. Эти ранние увлечения обусловили один из магистральных интересов Ясперса – пристальное внимание к душевной жизни, которое отмечает все его философские проекты. Истоки этого интереса – в его ранних работах. Психопатология и психология мировоззрений – первые для него проекты философии жизни.

Рассматривая Ясперса как представителя экзистенциальной философии, экзистенциализма, часто забывают об одном из магистральных для него влияний – описательной психологии В. Дильтея, а через него – философии жизни. Ее представители, будь то В. Дильтей или А. Бергсон, А. Шопенгауэр или Ф. Ницше, З. Фрейд или У. Джеймс, мыслят философию не как систему идей, а как путь к жизни. В философии, по их убеждению, мы должны обратиться к самой жизни. Философия жизни – это не философия *о* жизни, а *жизнь в философии*. Сама жизнь (обычного человека, философа) посредством другой жизни (жизни исследователя) должна стать главным предметом интереса. Именно в этом русле во всех своих проектах движется Ясперс.

«Жизнь постигает жизнь»

Методологию исследования душевной жизни Ясперс формулирует в своих самых ранних работах: статьях по психиатрии 1909–1914 гг., затем дорабатывая ее в «Общей психопатологии». Он последовательно представляет два метода, которые впоследствии в сочета-

¹ Работа подготовлена по Гранту Президента РФ по государственной поддержке научных исследований молодых российских ученых – докторов наук (МД-205.2014.6).

нии будет использовать применительно к жизни души и сознания во все периоды своего творчества.

Душевная жизнь всегда рассматривается Ясперсом в двух перспективах: во-первых, в горизонтальном срезе, описательной перспективе; во-вторых, в вертикальном ракурсе, в феноменологической перспективе. Там, где эти две перспективы пересекаются, получается наиболее полная картина.

Горизонтальный срез душевной жизни Ясперс получает путем описательной стратегии и здесь он следует описательной психологии Дильтея. Он вычленяет связи, получая своеобразную сеть души. Основной метод этого уровня – понимающая психология, посредством которой *«мы представляем себя на месте другого, проникаем в его внутренний мир, “понимаем”, если мы рассматриваем отдельные элементы явлений (которые, впрочем, сами по себе как психологические снова и снова рассматриваются также одновременно “изнутри”) в их связи и последовательности как данные, без того, чтобы “понимать” эту связь как внутреннюю, через представления себя на месте другого»*¹.

Базис понимания – подмена. Исследователь должен пережить опыт чужого человека как свой, будто это его опыт. Он должен вчувствоваться, интуитивно подстроиться под него, представить себя на его месте. Тогда чужая жизнь становится собственной жизнью. Это будет уже не опыт понимаемого, а опыт понимающего. Ясперс убежден, что воспроизведение опыта вне живой души невозможно, поэтому психологу и психиатру необходимо словно бы проникнуть внутрь души пациента. Точно так же, как в романах делают хорошие сыщики.

Когда отец Браун в рассказе Г. Честертона открывает секрет своего мастерства, он говорит именно о той стратегии, которую по отношению к своим пациентам использовал Ясперс. «Я думал и думал, как человек доходит до такого состояния, – разъясняет отец Браун тактику расследования убийств, – пока не начинал чувствовать, что сам дошел до него, не хватает последнего толчка... Я не изучаю человека снаружи. Я пытаюсь проникнуть внутрь. Это гораздо больше, правда? – Я – внутри человека. Я поселяюсь в нем, у меня его руки, его ноги, но я жду до тех пор, покуда я не начну думать его думы, терзаться его страстями, пылать его ненавистью, покуда не взгляну на мир его налитыми кровью глазами и не найду, как он, самого ко-

¹ Ясперс К. Бред ревности: Очерк к вопросу «Развитие личности» или «процесс» // Собр. соч. по психопатологии. Т. 1. М., СПб., 1996. С. 146–159.

роткого и прямого пути к луже крови. Я жду, пока не стану убийцей»¹.

Это проникновение в чужую душу и есть понимающая психология. Однако не всякая душевная жизнь, по Ясперсу, доступна пониманию. Опыт пациентов, которые больны психозами, в отличие от невротиков, понять, на его взгляд, при всем желании невозможно. Но этот уникальный опыт нужно сохранить для тех исследователей, которые придут позднее. В этой ситуации Ясперс начинает говорить о феноменологии. Феноменология – для Ясперса хронологически второй метод философской психопатологии.

Если понимающая психология обращается к связям душевной жизни, то феноменология интересуется узлами этой решетки души: отдельными феноменами психического. Она фиксирует все без исключения единицы опыта и проникает как можно глубже. Феноменология дает материал для понимающей психологии и дополняет горизонтальную перспективу исследования вертикальной.

Делая вертикальный срез душевной жизни Ясперс следует уже не за Дильтеем, а за Гуссерлем, понимая его учение в авторском ключе. К. Уокер подчеркивает, что в интерпретации раннего Гуссерля Ясперс совершает фундаментальную ошибку², а именно: совершенно неправильно осмысляет категорию опыта. Гуссерль предлагает использовать феноменологию по отношению к опыту сознания, однако этот опыт для него – чистый опыт, именно тот, который мы получаем, обратившись к самим вещам. Ясперс же, говоря о феноменологии, говорит об объективной фиксации реального опыта своих пациентов. Для Гуссерля, заключает Уокер, феноменология – это наука об априорных формах, для Ясперса – об эмпирических данностях. В локусе внимания Ясперса – жизнь, а не ее основа. Филиц Пич обозначает этот философский потенциал феноменологии и отмечает: «В своей феноменологии Ясперс стремится описать человеческие переживания, чтобы посредством этого понять человека как такового»³. А. Ябленски говорит о том, что результатом феноменологии для Ясперса является «детализированная концептуальная карта психопатологии в том виде, как она переживается пациентом»⁴.

¹ Честертон Г.К. Тайна отца Брауна / Пер. В. Стенич // Честертон Г.К. Рассказы / Сост. Н. Трауберг. М., 1980. С. 288–290.

² Walker C. Karl Jaspers and Edmund Husserl 1: The Perceived Convergence // Philosophy, Psychiatry, and Psychology. 1994. Vol. 1. No. 2. P. 118.

³ Peach F. Phenomenology, History and Historicity in Karl Jaspers' Philosophy // Analecta Husserliana. 2006. Vol. 90. P. 59.

⁴ Jablensky A. Karl Jaspers: Psychiatrist, Philosopher, Humanist // Schizophrenia Bulletin. 2013. Vol. 39. No. 2. P. 240.

Сам Ясперс определяет феноменологию как наглядное представление опыта, именно наглядность должна была способствовать возможности сохранения этого опыта и передачи полученного в результате феноменологического исследования образа другим исследователям. Фиксация и сохранение живой душевной жизни – для Ясперса не менее важная проблема, чем проблема проникновения в эту жизнь.

В качестве основного метода сохранения живой душевной жизни Ясперс называет фиксацию этого опыта на бумаге: письменное описание, на его взгляд, это все, чем располагает исследователь души. Затем, прочтя этот зафиксированный случай, по ряду маркеров, другой исследователь сможет воссоздать опыт таким, каким он переживался самим испытавшим его человеком. Бумага и ручка – это консерванты психолога и психопатолога.

Такая техника на разный лад не раз описывалась в художественной литературе. В одноименной повести Рэя Брэдбери два брата в свое последнее «дошкольное» лето вместе со своим дедом закрывают «вино» из одуванчиков, которое становится для них символом всего пережитого и дорогого, всего оставшегося в их памяти. Это вино из одуванчиков – их законсервированный опыт, который можно будет еще раз воскресить в душе: «Они пошли с дедушкой в погреб, и пока тот обрывал головки одуванчиков, мальчишки смотрели на полки, где недвижимыми потоками сверкало минувшее лето, закупоренное в бутылки с вином из одуванчиков... Июньские зори, июльские полдни, августовские вечера – все прошло, кончилось, ушло навсегда и осталось только в памяти. Теперь впереди долгая осень, белая зима, прохладная зеленеющая весна, и за это время нужно обдумать минувшее лето и подвести итог. А если он что-нибудь забудет – что ж, в погребе стоит вино из одуванчиков, на каждой бутылке выведено число, и в них – все дни лета, все до единого. Можно почаще спускаться в погреб и глядеть прямо на солнце, пока не заболят глаза, а тогда он их закроет и всмотрится в жгучие пятна, мимолетные шрамы от виденного, которые все еще будут плясать внутри теплых век, и станет расставлять по местам каждое отражение и каждый огонек, пока не вспомнит все, до конца»¹.

Методы понимающей психологии и феноменологии работают не в пустом пространстве. Поле, в котором они действуют, – душевная жизнь самого исследователя. Исследовать жизнь души, на взгляд

¹ Брэдбери Р. Вино из одуванчиков / Пер. Э. Кабалевская // Брэдбери Р. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 2. М., 1992. С. 183, 186.

Ясперса, можно только посредством своей собственной жизни. Л. Лефебр называет эту стратегию «введение психолога в психологию»¹ и характеризует ее как первый шаг в разработке новой психологии, поскольку таким образом Ясперс актуализирует в пространстве психологии вопрос релятивизма – осознание зависимости результатов от получающего их психолога. Более того, он очерчивает новое пространство, новое предметное поле психологии – это теперь не поле фактов, внешних и независимых, но поле внутреннего опыта самого психолога. Он теперь может управлять им и отслеживать все происходящие процессы.

В психопатологический период Ясперс закладывает методологические основания исследования душевной жизни. «Общая психопатология» еще не содержит какого-либо отчетливого наброска философии жизни. Этой целью Ясперс задается в работе психологического периода – в «Психологии мировоззрений».

Психология души и духа

Размечая проект психологии мировоззрений, Ясперс в качестве его основного ориентира обозначает человеческую целостность, которую современная ему психология схватить не в состоянии. Двигаясь дальше своих предшественников, он намечает две основные стратегии, две дороги, которые к этой целостности могут привести: 1) методологию, или общую психологию, вбирающую в себя принципы, категории и методы психологического познания; 2) исследование предельных горизонтов душевной жизни и тех границ, в рамках которых разворачивается психическая жизнь. Это и предполагает его психология мировоззрения, по его мысли, представляющаяся частью понимающей психологии.

Типология мировоззрений основана на дифференциации и разделении, она предполагает вычленение областей, сфер или пространств; ступеней, стадий, этапов развития; иерархию возможностей, простирающихся от эволюционно заданных до ценностно культивируемых уровней, слоев и измерений. В этой типологии, в конечном счете, находит свое отражение многообразие отношений между субъектом и объектом. Все эти основания возможных типологий мировоззрений связаны с его сущностной структурой, в которой Ясперс выделяет субстанциальное мировоззрение и производные от него гештальты.

¹ Lefebvre L.B. The Psychology of Karl Jaspers // The Philosophy of Karl Jaspers / P. A. Schilpp (ed.). New York, 1957. P. 478.

Субстанциальное ядро мировоззрения, следуя Гегелю и философии жизни, говорит Ясперс, – это дух или жизнь¹.

Ясперс определяет мировоззрение как «фактическое существование души в ее тотальности»² и расчленяет его на элементы. Со стороны субъекта, человека, мировоззрение реализуется как установка (рациональная, мистическая и т. д.), как тот взгляд, которым мы взираем на мир. Со стороны объекта, мира, окружающего пространства, мировоззрение дается как картина мира, т. е. то объективное содержание, которое имеется у человека³. Центром картины мира является человек, вокруг него как фон организуется объективный мир, реальность, с которой он взаимодействует.

Таким образом, «Психология мировоззрений» реализует не только Гегельянский проект феноменологии душевной жизни, но и кантовский проект, ориентированный на формы сознания и разума. Елена Аллесиато справедливо отмечает: «Здесь Ясперс намеревается исследовать и формы, в которых человеку дается реальность, и экзистенциальные формы, посредством которых человек проектирует каркас своего мира, а также самого себя»⁴. Центром картины мира является человек, вокруг него как фон организуется объективный мир, реальность, с которой он взаимодействует в силу субъект-объектного расщепления. Человек становится здесь точкой схождения двух перспектив: с одной стороны, внешней перспективы событий, ситуаций и фактов, а с другой, – внутренней перспективы его собственных переживаний и его собственного выбора. При этом, несмотря на то, что сам человек как центр этой картины мира воспринимает ее как единственную и бесконечную, картина мира существует для человека, по отношению к человеку, и может существовать в различных вариациях и типах. Таким образом, в картине мира для самого человека всегда открывается две перспективы: во-первых, каждая картина мира несет в себе конкретную индивидуальную и лично окрашенную перспективу, а во-вторых, всегда имеется представление о всеобъемлющей картине мира как упорядоченной системы индивидуальных мировоззрений.

¹ *Jaspers K. Psychologie der Weltanschauungen.* Berlin; Göttingen; Heidelberg, 1960. S. 36.

² *Ibid.*

³ *Ibid.* S. 141.

⁴ *Alessiato E. Human Being, World, and Philosophy in Karl Jaspers // Humana.Mente: Journal of Philosophical Studies.* 2011. Vol. 18. P. 77.

Несмотря на то, что Ясперс достаточно подробно проясняет содержание установки, центральное место при исследовании мировоззрения занимает у него вторая составляющая мировоззрения – картина мира. Возможно, так происходит потому, что установка для него – словно бы часть картины мира, поскольку входит в нее и не существует от нее в отрыве. Говоря о системах или картинах мира Ясперс, по его собственным словам, говорит о реальности или объективности. Он пишет: «Картины мира – это не сферы существования в смысле позиций или духовных типов. Они не являются некими обособленными психическими образованиями, а есть условия и следствия развертывания души»¹. Поэтому картина мира для Ясперса – это «совокупность объективного содержания, которое имеется у человека»².

Гегельянство красной нитью проходит сквозь всю «Психологию мировоззрений». «Жизнь духа – это сам дух»³, – пишет Ясперс, указывая на принципиальную непостижимость этого предельного пространства. Мы видим эту жизнь в феноменах свободы и веры, где отражается бесконечность и безграничность духа и духовной жизни. В целостности духа и духовной жизни, по Ясперсу, мы наблюдаем связь духа с самим собой, поэтому ничто в мире не существует как конечное, включаясь в целостность жизни духа.

Проект систематики и таксономии жизни, представленный в «Психологии мировоззрений», отражает не только мысль Ясперса того периода, но и ситуацию его времени. В предисловии к этой работе он пишет: «Если кто-то рассчитывает найти здесь прямой ответ на вопрос, как нужно жить, то в этой книге его нет. То, что стоит за конкретными поворотами нашей личной судьбы, навсегда сокрыто от нас. Эта книга будет полезна лишь тем, кто с удивлением для себя самих в своей рефлексии начинает видеть сомнительность существования, а также тем, для кого жизнь сопряжена с личностной, иррациональной и не отменяемой ничем ответственностью. Она обращается к свободной духовности и активности жизни, давая им способы ориентирования, но не стремится организовывать жизнь и учить»⁴.

Эта книга, скорее, – путеводитель по лабиринтам жизни: жизни души и духа. Прочитавший ее Мориц Шлик говорил о том, что она написана на языке образов и метафор и не дает законченного знания, а скорее стимулирует читателя к переживанию опыта других людей и пытается так обратиться к истокам мировоззрения как такового. «В

¹ *Jaspers K. Psychologie der Weltanschauungen.* S. 141.

² *Ibid.*

³ *Ibid.* S. 326.

⁴ *Ibid.* S. vii.

безднах и высотах человеческого существования, – писал он, – нам открываются все новые и новые горизонты опыта; через этот волшебный сад нас ведет Ясперс... Тот, кто не ожидает получить от этой книги новое объективное знание, а желает узреть неиссякаемый глубинный источник мировоззрения, тот найдет в Ясперсе знающего проводника и получит только превосходные впечатления»¹.

Жизнь в философии Ясперса

Исследование жизни Ясперс продолжает и в своих более поздних работах. Внимание к жизни и биографии ложится в основании его патографий, в частности исследований «Стриндберг и Ван Гог» и «Ницше». В первой из них он подчеркивает: «Настоящая работа выросла из вопроса о границах возможного понимания жизни и творчества человека»². В патографиях Ясперс стремится представить набросок конкретной душевной жизни: ее развития, ее коллизий. На основании дневниковых записей, интерпретации продуктов творчества личности он пытается посмотреть на эту «жизнь» изнутри, словно бы этот портрет писал сам художник, писатель или философ. Он соединяет выделяемые психические феномены свойственными этому человеку ценностями и получает целостный образ, который может пролить свет на систему взглядов личности. Такой метод проникновения в душевную жизнь он использует в работе о Ницше, где, вслед за философом, постулирует принцип единства мысли и жизни. Стоящую за разбитым на фрагменты творчеством идейную целостность философии Ницше, как убежден Ясперс, можно воссоздать, во-первых, восстановив внутренние мысленные связи, а во-вторых, проследив развитие этих связей во времени, т. е. обратившись к действительности его жизни, его биографии»³.

Философией жизни становятся и историко-философские исследования Ясперса. В них он направляет внимание не столько на идеи, сколько на опыт, сознание, мир философов, поскольку, по его убеждению, именно мир только и может нам открыться. «Постичь, – под-

¹ Schlick M. [Rezension von:] Karl Jaspers, *Psychologie der Weltanschauungen* // Schlick M. Rostock, Kiel, Wien: Aufsätze, Beiträge, Rezensionen (1919–1925). Wien, New York, 2012. S. 517.

² Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина / Пер. Г. Ноткин. СПб., 1999. С. 7.

³ Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования / Пер. Ю. Медведев; ред. М. Ермакова. СПб., 2004. С. 76.

черкивает он, – можно только *мир* философа в его существовании и предварительные условия, заключающие в его *субъективности*: поскольку то, что есть, он не слышит ни в каком непосредственном откровении, то он должен вступить в мир, чтобы *пережить опыт*. Побуждаемый изначальной *волей к знанию*, он в ориентировании в мире обращается ко всему, что случается или что встречается ему»¹. На этом пути он движется истиной и правдивостью, и этой путь ведет его к целостности, которой достичь невозможно, поэтому бытие философа – принципиально незавершаемая и незавершенная экзистенция, постоянно развивающееся существование, не знающее покоя и никогда не довольствующаяся своим настоящим состоянием.

История философии точно так же, как психопатология и психология Ясперса, строится на «оживлении» душевной жизни. Посредством понимающей интерпретации историк философии словно бы «воскрешает» философа прошлого в настоящем, делая его идеи актуальными для современности. Все это служит тому, чтобы предоставить голос самим философам. «Задачей, – пишет Ясперс, – является, скорее, увидеть великих философов как сверхисторическое, всегда современное нам и услышать их из глубины посредством объективности (анализа) и сквозь призму образа его типа»².

Оживление душевной жизни великих философов связано с собственным мышлением историка философии. Именно сопряженность понимания с душевной работой самого исследователя обеспечивает сохранение философской мысли живой. Философия прошлого не просто воспроизводится в застывшей и мертвой форме, она оживает внутри души. Душа исследователя словно бы становится душой великого философа, захватывается ею. Ясперс поэтому напоминает, что философия не может быть осмыслена извне, поскольку представляет собой живой опыт, и при осмыслении извне будет умерщвлена. Это внутренне проникновение приводит и к тому, что сам исследователь погружается в нее и не может в момент понимания из нее выйти. По Ясперсу, философию прошлого нельзя «окинуть взглядом», нельзя сделать ее предметом, можно лишь окунуться в нее, утратив при этом способность оценить ее со стороны. Однако эта специфическая субъективная объективность – единственный путь историка философии.

Мотив сохранения живой душевной жизни и ее оживление в исследовании – сквозной мотив для всех периодов творчества Ясперса: начиная с занятий психопатологией до историко-философских иссле-

¹ Ясперс К. Философия. Книга вторая / Пер. А. К. Судаков. М., 2012. С. 417.

² Ясперс К. Великие философы: Будда, Конфуций, Лао-Цзы, Нагарджуна. М., 2007. С. 82.

дований. Умерщвление целостного человека и его мира уже в ранних работах он ставит в упрек психопатологии и психологии, поэтому обращение к философии становится для него закономерным: именно она позволяет ему во всей продуктивности использовать метод понимания. Так философия становится для него философией душевной жизни, вскрывающей в работе понимающей интерпретации единство разума и экзистенции. В своей психопатологии, психологии, философии посредством понимающей психологии, посредством биографического метода, путем обращения к текстам и идеям он стремится дать слово самой жизни и вслушивается в ее дыхание.

КОНГРЕССЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

КОНФЕРЕНЦИИ ФИЛОСОФОВ СЛАВЯНСКИХ СТРАН¹

В. М. Дианова

К. М. Цвынар

Проведение конференций философов славянских стран является одной из инициатив, направленных на актуализацию философского наследия и презентацию оригинальных профессиональных идей философов, принадлежащих славянским этносам. Подобные встречи проходят в различных форматах и на разных площадках стран Польши, Словакии, Украины, России. Здесь пойдет речь о регулярно проводимых конференциях в Польше, которые с 1999 г. проводились по инициативе и под неизменным руководством профессора Анджея Л. Захариаша. В процессе работы этих конференций сложились оригинальные принципы и традиции, были выдвинуты и реализованы важные инициативы. Об этом речь пойдет ниже, но один из принципов следует указать в начале: все конференции проходят на языках славянских народов, т. е. каждый из участников может читать доклад и вступать в творческие дискуссии на родном языке, остальные должны его понимать, не прибегая к услугам переводчиков. Представляя далее своеобразную летопись проведения конференций философов славянских стран, будем до некоторой степени следовать этому принципу, оставив без перевода тематику конференций.

Первая конференция, темой которой была «Europejskie modele tolerancji», состоялась 27–29 мая 1999 г. в г. Жешув. Она была организована Институтом философии педагогического университета (г. Жешув) и Факультетом философии и социологии университета Марии Склодовской-Кюри (г. Люблин) в сотрудничестве с Киево-Могилянской академией и созданной в ней кафедрой ЮНЕСКО по правам человека, мира, демократии, толерантности и взаимопонимания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, проект №15-33-01018.
Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений

между народами (Украина). Почетным руководителем конференции был Александр Квасъневский, являвшийся в то время президентом Польши. В работе приняли участие философы из семи стран. Они представляли разнообразие философские центры городов Чешской Республики (Прага, Брно, Оломоуц, Острава), Словакии (Прешов, Банска Быстрица), Украины (Львов, Киев, Дрогобыч, Одесса), России (Ростов-на-Дону), Беларуси (Минск), Литвы (Вильнюс), Польши (Люблин, Жешув, Быдгощ, Гданьск, Катовице, Краков, Познань, Варшава, Вроцлав). В конференции приняли участие 93 человека¹. Обсуждения проходили на пленарных заседаниях и двух тематических секциях: в первой были рассмотрены теоретические вопросы, связанные с трактовкой понятия толерантности, обсуждалось значение этого феномена для жизни социума; тематика второй секции касалась исследования феномена толерантности и его проявлений на конкретных исторических сценах.

К измеримым результатам этой встречи профессионалов можно отнести не только изданную впоследствии книгу материалов конференции «Европейские модели толерантности» (2001)², но и ряд важных инициатив, направленных на развитие философии среди славянских народов. Так, в ходе панельной дискуссии «Narody słowiańskie wobec przyszłości: razem czy osobno?»³ было выдвинуто предложение инициировать создание Движения философов славянских стран, а обязанности по его организации в форме Ассоциации философов славянских стран возложить на профессора Анджея Л. Захариаша. Здесь же присутствующими были предприняты шаги, направленные на организацию и проведение следующей подобной конференции. Именно уникальный опыт проведения этой конференции, который не практиковался никогда ранее (встреча проходила только на славянских языках), побудил участников сохранить этот способ коммуникации впоследствии, о чем уже упоминалось выше. Этот же принцип был воспринят редколлегией печатного органа «Ассоциации философов славянских стран», решение об издании которого было принято на этой же конференции.

В 2000 г. был учрежден журнал Ассоциации философов славянских стран под названием «ΣΟΦΙΑ», главным редактором которого

¹ См.: *Zachariasz A.L. Konferencja: Europejskie modele tolerancji // ΣΟΦΙΑ. Pismo Filozofów Krajów Słowiańskich. 2001. № 1. S. 222–224.*

² См.: *Europejskie modele tolerancji / A. L. Zachariasz, S. Symotiuik (red.). Rzeszów, 2001. S. 352.*

³ См.: *ΣΟΦΙΑ. Pismo Filozofów Krajów Słowiańskich. 2001. № 1. S. 194–211.*

стал профессор Анджей Л. Захариаш. Первый номер вышел в 2001 г. Помимо бумажной версии, все выпуски журналов «ΣΟΦΙΑ» выставляются на соответствующем сайте журнала¹. Кроме того, в полной версии в формате PDF они представлены в CEEOL (Central and Eastern European online library) – электронной библиотеке Центральной и Восточной Европы². Материалы журнала «ΣΟΦΙΑ» представлены также в реферативной базе CEJSH (The Central European Journal of Social Sciences and Humanities) – Центрально-европейского журнала социальных и гуманитарных наук³, основателями которого являются Академии наук стран Вышеградской четверки: Польши, Словакии, Венгрии и Чешской Республики. Согласно установленным правилам этого электронного журнала в нем представлены на английском языке аннотации опубликованных материалов всех сотрудничающих с ним журналов.

В 2000 г., еще до первого выпуска журнала «ΣΟΦΙΑ», состоялась вторая конференция философов славянских стран, организованная Институтом философии и Высшей педагогической школой г. Жешув (с 2001 г. – университет г. Жешув), директором которой тогда был проф. А. Л. Захариаш. Конференция проходила с 8 по 10 декабря в конференц-центре г. Богухвала (в 10 км от г. Жешув), тема – «Filozofia w krajach słowiańskich a procesy globalizacji kulturowej i integracji politycznej Europy». Среди участников были философы из Чехии (Брно), Польши (Люблин, Катовице, Варшава, Вроцлав, Жешув, Познань, Щецин), Словакии (Банска-Быстрица, Прешов), Словении (Любляна), России (Ростов-на-Дону), Украины (Одесса, Львов). В целом в ней приняли участие 50 человек. Презентации и дискуссии были посвящены не только концепции глобализации, но и вопросам, связанным с сохранением национальной идентичности, значимости этих моментов при объединении Европы. Особое внимание было уделено вопросам о ценностях, мышлении, идеологических и социальных движениях, возникающих в условиях меняющейся европейской культуры под влиянием глобализационных процессов. В ходе организованного на второй день круглого стола среди философов славянских стран возникли дебаты по поводу отношения к европейским интеграционным процессам и проблемы сохранения национальной идентичности. Проведение круглых столов, принимающих всякий

¹ См.: URL: www.sofia.sfks.org.pl/index_sofianr14.htm.

² См.: URL: www.ceeol.com.

³ См.: URL: cejsh.icm.edu.pl.

раз форму дискуссии, стало с тех пор традицией. Результатом этой встречи стала публикация сборника материалов конференции¹.

Менее чем через год, 23–25 ноября 2001 г., также в конференц-центре г. Богухвала, близ Жешува, прошла третья конференция философов славянских стран, организованная Институтом философии университета г. Жешув в сотрудничестве с Кафедрой философии и социологии университета г. Люблин. Тема конференции – «*Byt i możliwość jego ujęcia pojęciowego*». Как и на предыдущих конференциях, в ней приняли участие философы из многих славянских стран, в том числе Украины (Одесса, Дрогобыч, Киев, Львов), Литвы (Вильнюс), Словакии (Прешов, Банска-Быстрица), Польши (Люблин, Познань, Вроцлав, Жешув, Слупск, Краков, Белосток, Щецин, Зелена-Гура, Катовице). Было заслушано 58 докладов² в рамках четырех тематических разделов: 1) экзистенция и метафизика: история понятий; 2) онтология и метафизика; 3) Бог, человек и мир человека; 4) экзистенция и ее концептуализация. Результаты дискуссии по теме «*Stan refleksji nad bytem w krajach słowiańskich*», состоявшейся в рамках круглого стола, были опубликованы³.

Следующая, четвертая конференция философов славянских стран, тема которой была «*Byt i powinność. Status i funkcje wartości*», проходила в конференц-центре г. Богухвала, близ Жешува, с 29 мая по 1 июня 2003 г. В ней приняли участие философы из Украины (Одесса, Харьков, Львов, Острог, Сумы, Полтава), Беларуси (Минск), Чехии (Брно), Словакии (Прешов, Банска Быстрица), Литвы (Вильнюс) и Польши (Познань, Белосток, Люблин, Жешув, Вроцлав, Варшава, Катовице, Ольштын, Слупск), Сербии (Белград). Было представлено 67 докладов, заслушанных на четырех секциях⁴. На второй день встречи был организован традиционный дискуссионный круглый стол, тема которого была «*Wartości i ich systemy a Unia Europejska i procesy globalizacji*»⁵. Основой для дискуссии стала система

¹ См.: *Narody słowiańskie wobec globalizacji* / A. L. Zachariasz (red.). Rzeszów, 2003. S. 312.

² См.: *Cwynar K.M. III Międzynarodowa Konferencja Filozofów Krajów Słowiańskich: Byt i możliwość jego ujęcia pojęciowego (23–25.11.2001) // ΣΟΦΙΑ. Pismo Filozofów Krajów Słowiańskich. 2003. № 3. S. 341–346.*

³ См.: *Byt i jego pojęcie // A. L. Zachariasz (red.). Rzeszów, 2003. S. 472.*

⁴ См.: *Cwynar K.M. IV Międzynarodowa Konferencja Filozofów Krajów Słowiańskich: Byt i powinność. Status i funkcje wartości (29.V. – 1.VI.2003 r.) // ΣΟΦΙΑ. Pismo Filozofów Krajów Słowiańskich. 2004. № 4. S. 359–366.*

⁵ См.: *Zięba W. Filozofowie Krajów Słowiańskich przy okrągłym stole (30.V.2003 r.) // ΣΟΦΙΑ. Pismo Filozofów Krajów Słowiańskich. 2004. № 4. S. 366–368.*

ценностей и вопрос о том, сохранится ли она в будущих европейских сообществах. Принимая во внимание изменения в европейской культуре, философы обратились к обсуждению темы о различиях в морали, нравственной и религиозной жизни, рассмотрели проблемы свободы, плюрализма и толерантности. Не менее важными для участников дискуссии были вопросы унификации и сохранения национальной идентичности в глобализирующемся мире. Выступления, прозвучавшие в ходе дискуссии, были опубликованы в четвертом номере журнала «ΣΟΦΙΑ». Позже были опубликованы пленарные доклады¹.

В 2005 г. со 2 по 5 июня была проведена пятая конференция философов славянских стран на тему «Filozofia w kulturach narodow słowiańskich». На этот раз к Институту философии университета г. Жешув и редакции журнала «ΣΟΦΙΑ», как главным организаторам мероприятия, присоединилась школа социальных и экономических наук г. Тычин. Конференция была проведена в конференц-центре в Богухвале (2, 4 и 5 июня 2005 г.) и в WSSG в г.Тычин (3 июня 2005 г.). В работе конференции приняли участие философы из Беларуси (Минск), Чехии (Брно, Прага), Польши (Жешув, Люблин, Ольштын, Лодзь, Катовице, Зелена-Гура, Вроцлав, Краков, Торунь, Гданьск, Варшава, Познань, Слупск, Ярослав, Быдгощ, Белосток), России (Москва, Самара), Словакии (Банска-Быстрица, Кошице, Прешов), Украины (Киев, Харьков, Сумы, Одесса, Острог, Львов), а также из Великобритании (Лондон) и Литвы (Вильнюс). В итоге было заслушано 83 доклада на четырех пленарных заседаниях и шести тематических секциях: 1) история философии в славянских странах; 2) европейская философия и философия славянских стран: поток идей, взаимное вдохновение; 3) славяне и философия; 4) философия, культура, цивилизация; 5) философия и этика, искусство, наука; 6) философия, политика, общество. Кроме того, были проведены две панельные дискуссии о природе авторского права.

В завершении конференции состоялась дискуссия – круглый стол на тему «Философия в славянских странах в процессе культурной интеграции». Обсуждались вопросы общности идей, религии, места славянской культуры и значения философии в видении будущего Европы. Темы, затронутые в обсуждениях, касались понимания философии и ее места в культуре славянских стран, вопроса о национальной идентичности, историософии славянских народов, морали в религиозной, социальной и политической жизни, а также концепции человеческой культуры и цивилизации. Все они нашли отражение в

¹ См.: Byt i powinność czyli status i funkcje wartości / A. L. Zachariasz (red.). Rzeszów, 2005. S. 428.

сборнике «*Filozofia w kulturach krajów słowiańskich*»¹. Тексты докладов были опубликованы в шестом выпуске журнала «ΣΟΦΙΑ».

Два года спустя, с 31 мая по 3 июня 2007 г., вновь в конференц-центре г. Богухвала состоялась шестая конференция философов славянских стран по теме «*Poznanie teoretyczne a prawda*». Она была организована Институтом философии университета г. Жешув и редакцией журнала «ΣΟΦΙΑ». В течение четырех дней в обсуждениях приняли участие представители польских философских центров различных городов (Жешув, Ольштын, Люблин, Варшава, Краков, Зелена-Гура, Слупск, Белосток, Краков, Вроцлав, Лодзь, Торунь, Гданьск, Катовице) и разных славянских и неславянских стран: Беларуси (Минск), Чехии (Прага, Брно), России (Пермь, Москва), Словакии (Банска-Бистрица, Прешов, Кошице), Украины (Киев, Полтава, Львов, Сумы, Острог, Одесса, Харьков, Житомир), Литвы (Вильнюс), Австралии (Мельбурн), Италии (Лечче). Было заслушано 100 докладов, проведено четыре пленарных заседаний и шесть тематических секций: 1) теоретические знания и истины в истории философии; 2) правда и пределы теоретического познания; 3) истина и ее экзистенциальный, эмоциональный и практический аспекты; 4) истина о человеке и его мире; 5) философия, наука и логика; 6) правда о религии и этике. Традиционный круглый стол философов славянских стран был организован по теме «Место философии и религии в процессе формирования сознания славянских народов». В течение нескольких часов проходили дебаты по вопросам о влиянии религии и философского мышления на формирование менталитета общества, в частности славянского, о природе конфликтов на религиозной почве, а также о соотношении философии и религии. Основные доклады были опубликованы в седьмом выпуске журнала «ΣΟΦΙΑ». Научные статьи всех других участников конференции были опубликованы в сборнике «*Poznanie a prawda*»².

Седьмая конференция философов славянских стран, тема которой была «*Człowiek i jego pojęcie*», состоялась 16–19 июня 2010 г. На этот раз дискуссии проходили в историческом здании, находящемся на территории одного из старейших курортов Польши, расположенном в Подкарпатье, именуемом Ивонич-Здруй. Конференция была организована Институтом философии университета г. Жешув и редакцией журнала «ΣΟΦΙΑ». В ней приняли участие философы Бела-

¹ См.: *Filozofia w kulturach krajów słowiańskich* / A.L. Zachariasz, Z. Stachowski (red.). Rzeszów, 2007. S. 476.

² См.: *Poznanie a prawda* / A. L. Zachariasz (red.). Rzeszów, 2009. S. 440.

руси (Минск), Чехии (Брно), Польши (Жешув, Ольштын, Варшава, Белосток, Краков, Катовице, Вроцлав, Люблин, Польша, Зелена-Гура, Лодзь, Кельце, Гдыня, Замостье, Радом Торунь), России (Самара), Словакии (Прешов) и Украины (Киев, Львов, Дрогобыч, Одесса)¹. В течение четырех дней было заслушано 80 докладов на пленарных заседаниях и тематических секциях. Традиционный круглый стол был назван так: «Koniec kultury europejskiej czy początek nowego człowieka?». Материалы были опубликованы в сборнике научных работ² и в ближайших номерах журнала «ΣΟΦΙΑ».

Два года спустя, снова во дворце в Ивонич, с 21 по 24 июня 2012 г. состоялась восьмая конференция философов славянских стран. Ее тема – «Polityka a wartości i interesy». Конференция была организована Институтом философии университета г. Жешув, редакцией журнала «ΣΟΦΙΑ» и учрежденной 15 ноября 2011 г. Ассоциацией философов славянских стран. В совещании приняли участие философы из Беларуси (Минск), Литвы (Вильнюс), Польши (Ольштын, Белосток, Варшава, Щецин, Познань, Зелена Гура, Торунь, Вроцлав, Люблин, Жешув, Катовице, Ченстохова, Замостье, Гдыня), России (Москва, Орел, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Барнаул, Саранск, Уфа, Биробиджан), Словакии (Прешов, Тренчин) и Украины (Одесса, Острог, Житомир, Дрогобыч, Стрий). В течение четырех дней работы конференции было заслушано 92 доклада на пленарных заседаниях и тематических секциях: 1) политическая теория и практика; 2) политика и аксиология; 3) политика и человек; 4) из истории политической мысли³. Круглый стол состоялся 23 июня 2012 г. Его тема была сформулирована так: «Czy współczesnemu światu konsumpcji i techniki wystarczy dekonstrukcjonizm i pragmatyzm czy też potrzebne są nowe idee?». Материалы конференции были опубликованы в одиннадцатом номере журнала «ΣΟΦΙΑ».

Таким образом, благодаря деятельности Движения философов Славянских стран и при поддержке Института философии университета в г. Жешув сформировался один из философских центров в Польше. Более того, он стал центром развития собственно движения философов славянских стран. Это стало возможным благодаря состоявшимся конференциям, вкладу в развитие философского знания

¹ См.: *Cwynar K.M.* VII Konferencja Filozofów Krajów Słowiańskich: Człowiek i jego pojęcie (16–19 VI 2010 r.) // *ΣΟΦΙΑ. Pismo Filozofów Krajów Słowiańskich*. 2011. № 11. S. 345–358.

² См.: *Człowiek i jego pojęcie* / A. L. Zachariasz (red.). Rzeszów, 2011. S. 426.

³ См.: *Cwynar K.M.* VIII Konferencja Filozofów Słowiańskich Stran: Polityka – ценности – интересы (21–24 VI 2012) // *ΣΟΦΙΑ. Журнал философов славянских стран*. 2013. № 13. С. 377–389.

посредством научных публикаций большинства участников конференций на страницах журнала «ΣΟΦΙΑ». Этому способствовало также привлечение в Институт философии университета философов из зарубежных философских центров: профессоров из России, Белоруссии, Словакии, Украины и Италии.

Девятая конференция философов славянских стран состоялась в г. Наленчув 22–24 сентября 2014 г. Тема конференции – «Filozofia a współczesność». Она была организована Ассоциацией философов славянских стран, редколлегией журнала «ΣΟΦΙΑ», Институтом философии и редакцией газеты «Завтра Наленчува». Заседания проходили в старинном здании Дворца Малаховского, принадлежащего городу Наленчув. В конференции приняли участие философы из Польши (Жешув, Познань, Катовице, Кельце, Вроцлав, Зелена-Гура, Белосток, Варшава, Ольштын, Люблин, Торунь, Слупск, Гданьск, Новы Сонч, Иосифов), Чехии (Брно, Оломоуц), Словакии (Прешов, Банска-Бистрица), Беларуси (Минск), России (Москва, Пенза, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Екатеринбург), Украины (Житомир, Львов, Одесса, Киев, Дрогобыч, Стрий, Черновцы, Черкассы, Харьков). В первый день, после Пленарного заседания, начали работу две тематические сессии: 1) теоретическая и историческая философия; 2) практическая философия (работа которой продолжилась и на второй день). В ходе заседаний обсуждались вопросы, касающиеся соотношения науки и философии, значения философии в формировании человека и общественной жизни, проблемы маргинализации современного философского мышления и возникшего приоритета практического мышления. Вызвали интерес темы эволюции философского образа жизни, влияния этики на моральное состояние общества, философии права, проявления философии в области литературы, искусства, политики. Во второй день работы конференции состоялось заседание круглого стола, тема которого была сформулирована так: «Komu potrzebna jest jeszcze filozofia i filozofowie?». Возникли интересные дискуссии и оригинальные суждения по поводу поставленного вопроса. Всего в Программе конференции было заявлено 96 докладов, но не все докладчики в силу разнообразных причин смогли приехать. Как и в предыдущие годы, некоторые доклады были опубликованы на страницах журнала «ΣΟΦΙΑ» (четырнадцатого выпуска). В настоящее время готовится публикация выступлений, прозвучавших в ходе дискуссии по теме круглого стола.

Помимо собственно научного общения, работа многих конференций сопровождалась культурной программой, которая включала проведение славянских пиршеств, выступления фольклорных кол-

лективов, представляющих фольклорное Подкарпатье, концерты камерной музыки, презентацию групп реконструкции, воссоздающих культуру средневековой Европы. Были организованы также поездки в замок Вавель в Кракове (1999) и в Ланьцутский замок (1999, 2003), а также другие интересные культурные мероприятия. Все это, помимо заинтересованного и продуктивного научного общения, было направлено на формирование атмосферы взаимопонимания и чувства единения славянских народов.

В итоге девять конференций и семь томов сборников их материалов, четырнадцать выпусков журнала «ΣΟΦΙΑ» – таковы конкретные результаты описанной деятельности. В настоящее время идет работа по подготовке к печати пятнадцатого тома. Все это свидетельствует о немалых совместных достижениях философов славянских стран. Если прибегнуть к статистике, то в рамках всех проектов в общей сложности участвовало 480 человек, правда, большинство из них были участниками неоднократно.

Символом инаугурационных сессий на каждой конференции стал колокольный звон: организаторы обратились к древней символике, используемой в Древней Руси и связываемой ими с новгородскими традициями: бить в набат означает поднимать тревогу, созывать народ. Символический колокол звучит каждый раз, когда главный инициатор научных встреч профессор Анджей Л. Захариащ объявляет о начале совместных профессиональных обсуждений жизненно важных вопросов в кругу философов славянских стран.

В заключение следует отметить, что Польша оказалась единственным международным центром по организации работы в сфере философского знания в университетских структурах, предметом интереса которого стало сотрудничество философов и развитие философского знания в культуре славянских стран.

IX ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ICSEES В МАКУХАРИ (ЯПОНИЯ)

Т. Симосато, Х. Хориэ

С 3 по 8 августа 2015 г. в городе Чiba (в районе Макухари) близ Токио проходил IX Всемирный конгресс ICSEES (International Council for Central and East European Studies). Он проводился под лозунгом «Макухари – здесь ученые Запада встретятся с учеными Востока» и собрал исследователей со всего мира. Согласно данным Оргкомитета, в работе конгресса приняли участие 1310 специалистов из 50 различных стран. Больше всего участников было из Японии, страны-организатора конгресса, – 572 человека; делегация ученых из России была второй по численности и составила 166 человек; третье место заняли США – 112 участника. Далее следуют Германия (67 человек), Великобритания (61 человек), Финляндия (49 человек), Швеция (40 человек), Китай (33 человека), Южная Корея (23 человека), Казахстан (21 человек). Остальные страны были представлены многочисленными делегациями ученых (не более 9 человек).

На церемонии открытия конгресса, которая состоялась в съездовском зале Макухари Messe, с приветственным словом выступил президент ICSEES, профессор Университета Сиднея Г. Гилл. Он напомнил о том, что ICSEES был создан в 1974 г. как международное сообщество ученых для исследования СССР и социалистических стран Восточной Европы, однако после распада СССР характер исследований этого региона радикально изменился¹. Так, если до 1990-х гг. конгрессы ICSEES проводились исключительно в Западной Европе и Северной Америке (Канаде, Западной Германии, США, Англии), то в 1995 г. X всемирный конгресс был проведен в Варшаве, в 2000 г. VI всемирный конгресс состоялся в Тампере, в 2005 г. VII всемирный конгресс прошел в Берлине, причем темой конгресса была тема «Ев-

¹ Gill G. Welcome message // The 9th World Congress of ICSEES: Program. Makuhari, 2015. P. 6.

ропа – наш общий дом». В 2010 г. VIII всемирный конгресс был проведен в Стокгольме под общей темой «Евразия: перспективы расширения сотрудничества». Отметив тенденцию к привлечению все большего числа стран к организации конгрессов, Г. Гилл подчеркнул особое значение IX конгресса в истории ICCEES: это первый конгресс, который состоялся за пределами Европы и Серверной Америки, причем не только в геополитическом, но и в культурном смысле.

После речи президента ICCEES выступил представитель JCREES (The Japan Council for Russian and East European Studies), один из сопредседателей оргкомитета IX конгресса ICCEES, профессор Токийского университета М. Нумано. Он сказал, что JCREES состоит из 6 главных научных организаций, созданных для изучения Центральной и Восточной Европы: Японской ассоциации по изучению России и Восточной Европы; Японской ассоциации по изучению русского языка и литературы; Японского общества изучения истории России; Японской ассоциации по компаративному изучению экономики; Японского общества изучения славянских языков и литературы. По мнению М. Нумано, такая организация неслучайно стала соорганизатором международного конгресса в Японии, так как именно JCREES наиболее компетентна в проведении мероприятий такого рода. Вспомнив слова известного поэта конца XIX в. о том, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им никогда не сойтись», М. Нумано отметил, что, несмотря на традиционное противостояние Запада и Востока, в настоящее время наблюдается действительно мирный диалог между двумя культурами, который, к тому же, ведется в Японии – идеальном месте для встречи людей из Европы, Африки, Америки, России и Азии¹.

Затем с приветственными речами выступили вице-президент Научного совета Японии, профессор Токийского университета К. Ханак и председатель Международного программного комитета и вице-президент ICCEES, профессор Токийского университета К. Мацузато. Указывая на то, что IX всемирный конгресс проводится в непростой ситуации, а именно в контексте гражданской войны на Украине, в которую так или иначе вовлечены Россия и страны «большой семерки», а также в условиях международных санкций против России, К. Мацузато отметил, что эти факторы негативно сказались на организации конгресса, сократив число его участников. Так, вследствие финансовых трудностей не смогли приехать многие ученые, и прежде всего из России и Украины. Но тем не менее конгресс состоялся².

¹ Numano M. Welcome message // The 9th World Congress of ICCEES: Program. P. 8.

² Matsuzato K. Welcome Message // The 9th World Congress of ICCEES: Program. P. 9.

Церемонию открытия завершили выступления сопредседателя оргкомитета IX конгресса ICCEES, профессора Университета Хосей Н. Симотомай, который заметил, что проведение всемирного конгресса, первого подобного рода мероприятия в Азии, для японского сообщества славянистов, а также исследователей России и Евразии является большой честью¹, и мэра города Чива Т. Кумагай. В конце церемонии было прочитано приветственное слово премьер-министра Японии Синзо Абэ.

Если судить о работе конгресса в целом, то можно прежде всего констатировать высокое качество докладов и сессий. Наибольшее количество ученых приняли участие в открытой сессии «Глобальный поворот к Азии и подъем Китая». Основными докладчиками этой сессии были Сергей Степашин, бывший премьер-министр России, Хан Сын Чу, бывший министр иностранных дел Южной Кореи, и Ясуо Фукуда, бывший премьер-министр Японии. Все участники активно вступали в дискуссию, делясь своими действительно интересными мыслями о последних событиях. Например, Ясуо Фукуда заявил о том, что хотя не следует подвергать сомнению важность японско-американских отношений, поскольку США являются соседями Японии по Тихому океану, но вместе с тем для будущего развития Японии имеют важное значение взаимоотношения с материковой стороной, то есть с Китаем, Южной Кореей и Россией.

Согласно данным оргкомитета конгресса, всего было проведено 378 сессий, круглых столов и симпозиумов в аудиториях Университета международных исследований Канда. Был рассмотрен широкий спектр вопросов: от проблем международных отношений до литературоведения и философии. Несколько сессий было посвящено исследованиям русской философии – как ее истории, так и современного состояния. Хотелось бы остановиться на анализе нескольких наиболее интересных сессий.

В сессии «Русская и восточно-европейская религиозная философия» было заслушано два доклада. Сначала выступил Хироюки Хориэ, представляющий Японское общество исследователей истории русской мысли. В своем докладе «К вопросу о понимании рационализации Нового времени у Сергея Булгакова», основываясь на понятии «модернизация», введенном М. Вебером и Ю. Хабермасом, Хироюки Хориэ проанализировал понятие «христианская общественность» С. Булгакова и пришел к выводу, что булгаковская теория иерархии

¹ Shimotomai N. Welcome Message // The 9th World Congress of ICCEES: Program. P. 7.

ценностей направлена против господства рационализма, а понятие «христианская общественность» можно рассматривать в контексте создания пространства «коммуникативной открытости». Второй доклад был прочитан Мигленой Диковой-Милановой (Международная школа Брюсселя) по теме «Интимность Бытия в мире: православное отношение к себе». В этом докладе рассматривалась философская позиция Калина Янакиева, современного православного мыслителя из Болгарии, который, как показала Миглена Дикова-Миланова, под влиянием С. Булгакова, И. Мейендорфа и В. Лосского противопоставил личность-субъект, ведущий блаженную жизнь в православной семье, индивидуальности-субъекту, рационализированному в европейской философии и вследствие этого обреченному на изолированное существование.

В сессии «О нормативном самосознании в русской философии и мысли» выступили три специалиста. Сначала был прочитан доклад по теме «О развитии идей национального самосознания в России во второй и третьей четвертях XIX в.». Докладчик – Он Оя из Университета Саппоро – сделал хронологический обзор развития понятия «народность» как маркера общественного самосознания, проанализировав воззрения С. Уварова, П. Чаадаева, С. Хомякова, И. Аксакова и других славянофилов и западников. Затем выступил Томофуми Омата (Университет Васэда) с докладом «Толкование мысли Н. Федорова с точки зрения нормы науки». Указав на то, что вопрос о понятии нормы в науке является дискуссионным, докладчик проанализировал интерпретацию В. Кожевниковым философских идей Н. Федорова с точки зрения вопроса об идеальной теории науки в контексте русского космизма и показал, что данная Кожевниковым интерпретация повлияла на формирование представления о философии Федорова у С. Булгакова, Н. Сетницкого и евразийцев. Третий докладчик – Фумикадзу Осуга из Йогогамского государственного университета – выступил с докладом «“Норма” в русской религиозной философии в начале XX века» и сравнил позицию Н. Бердяева по отношению к понятию «норма» с соответствующими воззрениями А. Лосева. По мнению Фумикадзу Осуга, разница между взглядами двух религиозных мыслителей состоит в том, что Бердяев считал познающий субъект исключительно личностью, а Лосев полагал, что само познание есть не что иное, как взаимодействие личности и вещей. После заслушивания докладов выступили дискуссанты сессии. Один из них, Алексей Козырев из Московского государственного университета, свою речь озаглавил так: «Нормальное и идеальное: возможные подходы к поискам нормы в русской философии». Под «нормой» он предложил понимать «гармонический идеальный образ», поиском которого и занимались русские философы с конца XIX века. Изло-

жив историю теории ценности, как она представлена в работах В. Соловьева, С. Трубецкого, П. Новгородцева, Н. Сетницкого и Г. Флоровского, дискуссант разъяснил противоположность двух позиций: утверждения трансцендентности социального идеала (у С. Трубецкого, П. Новгородцева и Г. Флоровского) и ее отрицания (у Н. Сетницкого и в советской философии). По поводу возникшей полемики относительно необходимости воспитания на основе традиционных ценностей в современной России он констатировал, что традиция сообщает не сами ценности, а передает формы социального опыта, относящие нас к определенным ценностям, и что выбор ценностей – это дело индивидуальности, заполняющей традиционные формы новым содержанием.

В сессии «Вопросы русского идеализма» выступили с докладами три ученых. Сначала доклад на тему «Идеал и действительность в русской философской лирике 1820–1840-х гг.» прочел Ацуси Саканова из Университета Васэда. Он поставил вопрос о возможности философии как «поэзии мысли» и обозначил его как «проблему Платона», решить которую и пытались русские философствующие литераторы XIX века. Затем был заслушан доклад Тосиюки Симосато из Университета образования Дзеецу на тему «Н. И. Надеждин: от христианско-платонической критики к этнографическому исследованию». В докладе был представлен анализ принципиального положения Н. Надеждина «Где жизнь, там и поэзия», а также понятия «народность». Как показал докладчик, подлинная поэзия, согласно Надеждину, – это философия как самосознание народа. Третий доклад был прочитан Игорем Евлампиевым из Санкт-Петербургского государственного университета на тему «Влияние немецкого идеализма на философское мировоззрение Ф. Достоевского». По мнению докладчика, философские взгляды Ф. Достоевского по существу совпадают с взглядами И. Фихте, что позволяет сделать вывод о непосредственном влиянии учения немецкого философа, и прежде всего его идеи «истинного христианства», на мировоззрение русского писателя. В выступлениях дискуссантов – Александра Рыбаса и Алексея Малинова из Санкт-Петербургского государственного университета – были отмечены наиболее интересные идеи докладчиков, а также высказаны некоторые критические замечания. Выделяя общее содержание трех докладов, а именно рассмотрение проблематики русской философии в контексте художественного творчества, Александр Рыбас заметил, что это не случайно, так как одной из особенностей русской философии является литературоцентризм. Обычно под литературоцентризмом понимают следующее: 1) использование русскими

философами риторических, а не чисто логических способов аргументации, что ведет к отказу от трактатной формы изложения философских мыслей; 2) демонстрацию своих философских идей на материале художественной литературы; 3) рассмотрение художественных произведений исключительно сквозь призму выражения философских взглядов их авторов, вследствие чего поэты, писатели и литературные критики становятся философами и помещаются в «канон» русской философии. Дискуссант Алексей Малинов высоко оценил усилия японских ученых, направленные на исследование философских взглядов тех русских мыслителей, которым, к сожалению, не уделяют должного внимания российские историки русской философии.

Необходимо упомянуть также о сессии «Философская культура в России и Советском Союзе», в которой были прочитаны следующие доклады: «Между универсализмом и национализмом: историография национальной философии как вызов марксистско-ленинской метафилософии советской философской культуры» (Жаре Йохан Миор, Университет Упсала); «Философская культура в досоветской, советской и постсоветской России: сравнительный анализ» (Еверт ван дер Звееде, Университет Радбод); «Немецкий идеализм и Маркс в постсоветской России: изменение перспективы» (Марина Буква, Университет штата Северная Каролина); «Дьявол из Кенигсберга: Кант и русской философской культуре» (Веса Ойттинен, Университет Хельсинки).

Можно сказать, что первый на Востоке всемирный конгресс ICCEES стал значительным событием в интеллектуальной истории и оказал плодотворное воздействие на развитие философского диалога культур. Надеемся, что сотрудничество ученых Востока и Запада продолжится и в будущем, в частности, на следующем всемирном конгрессе ICCEES, который состоится в Монреале в Канаде в 2020 году.

ЮБИЛЕИ

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ-ФИЛОСОФОВ В ДАГЕСТАНЕ К первому юбилею образования отделения философии в ДГУ

В. Х. Акаев

24 апреля т. г. исполнится 10 лет со дня образования отделения философии в Дагестанском госуниверситете, которое после объединения с психологами находится в составе факультета психологии и философии. В создании отделения философии ключевую роль сыграл доктор философских наук, профессор М. И. Билалов. Сам по себе этот процесс – организационный. Но ему предшествовал напряженный труд и профессионализм его деятельности, основательные результаты научно-педагогической работы его коллег по цеху. Хорошо помню, как он вынашивал идею создания в родном университете структуры, которая непосредственно осуществляла бы подготовку специалистов-философов.

Многие годы, заведя кафедрой философии, руководя аспирантами, диссертационным советом при ДГУ, он готовил кандидатов и докторов наук не только для своей республики, но и для соседей, например, для Чечни. Созданная им философская школа сегодня нацелена на исследование важнейших проблем онтологии, познавательной культуры, интеллектуально-мировоззренческих особенностей народов Дагестана, влияния исламской культуры на народы Северного Кавказа и России в целом. Но его заветной мечтой было осуществление постоянной подготовки специалистов-философов в Дагестане. И она сегодня успешно реализовывается в ходе активной научно-педагогической деятельности М. И. Билалова и его коллег.

Надо признать, что сам профессор М. И. Билалов формировался как оригинальный мыслитель, организатор науки, опираясь на научные традиции своих предшественников: дагестанских и московских

учителей. Эта преемственная связь в его творчестве получила особое продолжение, что придало ему особое интеллектуальное, философское изящество. Общаясь с ним почти 40 лет, всегда вижу в нем творческую личность, вынашивающую оригинальные идеи, и успешно решающую важнейшие задачи регионального и общегосударственного масштаба, сопряженные с реформой образования и науки, формированием гражданского общества, совершенствованием межнациональных отношений.

Как известно, на Северном Кавказе многие годы единственным вузом, где велась подготовка специалистов по философии, являлся Ростовский университет. И его роль в подготовке кандидатов и докторов наук для республик Северного Кавказа значительна. А факультет философии и культурологии этого университета, осуществлял широкую подготовку специалистов на основе европейской философской культуры, воспринятой у философского факультета МГУ. Но в ходе этого непрерывного процесса, как представляется, не велась направленная подготовка философов, исследующих общественную мысль, культурные, религиозные ценности народов Северного Кавказа, влияние исламской культуры, русской философской мысли на мировоззрение и образ жизни народов региона. Во многих своих выступлениях, лекциях в ИПК РГУ, в различных научных публикациях, проектах, необходимость в таком подходе высказывал член-корреспондент Ю. А. Жданов. Разработанная им концепция синтеза восточной и западной философско-культурной традиции, могла бы получить должное научное развитие, осваиваться студентами философами. К сожалению, в целом она недостаточно востребована не только обществом, но и ростовским научным сообществом. Только, благодаря, директору Института социологии и регионоведения ЮФУ, проф. Ю. Г. Волкова, зав. кафедрой конфликтологии этого института проф. В. В. Черноуса, частично удается популяризировать идеи Ю. А. Жданова.

Как очевидец, могу сообщить, как М. И. Билалов приезжал в Ростов в поисках поддержки в деле создания факультета философии в ДГУ от члена-корреспондента РАН, Председателя Президиума СКВШ Ю. А. Жданова. Узнав об этом, он сразу же отреагировал: «В Дагестане выросли философы, а потому поддерживаю создание в ДГУ философского факультета». Поддержка в этом вопросе была получена и от декана философии и культурологии РГУ проф. Г. В. Драча. При организационно-методической поддержке философского факультета МГУ, коллег из РГУ с первых дней под руководством проф. М. И. Билалова началась целенаправленная подготовка философов в Дагестане. В этом сложном деле организации преподавания по новой специальности, значительную лепту внесли профессора, доценты,

преподаватели и методисты: Л. Лагиева, А. Буттаева, К. Алилова, М. Курбиев, Г. Габуния, К. Гусаева, А. Ибрагимов, К. Магомедов, З. Омарова, З. Мусаева, И. Ахмедов, А. Бабатова, К. Абасов, М. Курбанов, Г. Байсаидова, С. Алибекова, К. Магомедалиева и др. При этом курс был взят на необходимость осмысления, сохранения и развития интеллектуального многообразия региона, концептуального его осмысления.

Студенты и ученые на факультете пишут курсовые, дипломные работы, научные статьи, диссертации, в которых раскрываются различные аспекты истории философии, философии науки, философии культуры и религии, восточно-западного духовно-культурного синтеза. Профессорско-преподавательский состав факультета осуществляют широкую теоретическую подготовку студентов, что способствует осмыслению и духовно-культурной и этнокультурной специфики Дагестана и всего Северного Кавказа. Особенности, региональные процессы важно рассматривать на основе общих философско-методологических позиций, параметров. Специальность направлена на представление философской традиции в проблемно-теоретическом ракурсе и разработку актуальных современных философских проблем и вопросов, вызывающих острые дискуссии на переднем крае философской мысли, такие как природа философского знания, судьба метафизики в современной философии, философское осмысление данных когнитивных наук, критика классического понятия субъекта, современные формы материализма, современные концепции истины и др. Между тем только через них удается высвечивать, прояснять конкретное, специфическое, локальное явление, связанное тысячами нитей с общими закономерностями.

За 10 лет факультет выпустил более ста специалистов-философов. Многие из них, несмотря на современные сложности трудоустройства, работают учителями школ, преподавателями колледжей, вузов, журналистами, сотрудниками различных ведомств и министерств. Радует, что с каждым годом на факультете увеличивается число выпускников с красным дипломом. Основательную философскую подготовку продемонстрировали: Хадиджат Магомедова, выпускница 2011 года, ныне преподаватель кафедры онтологии и теории познания, аспирант ДГУ; Зайнаб Саидова, выпускница 2012 года, аспирант ЮФУ; Раджаб Омаров, выпускник 2012 года, аспирант ДНЦ РАН; Заира Асадова, выпускница 2013 года, аспирант ДГУ; Джамбулат Ферзалиев, выпускник 2014 года, магистрант ДГУ; Айшат Абдулгаджиева, выпускница 2013 года, магистрант ДГУ.

Подготовка специалистов-философов на факультете осуществляются три философские кафедры. Выполняются программы подготовки бакалавров, магистров и аспирантов. Их подготовку осуществляют 10 докторов и более 30 кандидатов философских и психологических наук. Студенты, магистранты, аспиранты факультета многие годы периодически принимают участие на различных философских форумах в стране и за рубежом. Именно дагестанская делегация философов всегда является одной из самых многочисленных на всех Российских философских Конгрессах. Профессор М.И. Билалов, многолетний их участник и организатор, является членом Президиума Российского философского общества, членом редколлегии «Вестника Российского философского общества», в которой он ведет свою рубрику. Он сумел создать достаточно единый коллектив более 100 дагестанских философов, около 20 лет возглавляет Дагестанское отделение РФО. Это убедительный пример для студентов философов и молодых ученых ДГУ.

О состоянии подготовки специалистов по философии свидетельствуют высказывания В. Д. Бакулова, декана философии и культурологии ЮФУ, который с прошлого года является Председателем ГАК на факультете. Приходилось слышать от него прекрасный отзыв о выпускниках-философах ДГУ, отмечавший качественный уровень их профессиональной подготовки. В этом году по его рекомендации в аспирантуру возглавляемого им Института философии и социально-политических наук в ЮФУ поступила выпускница факультета психологии и философии ДГУ Зайнаб Саидова.

Постоянный автор журнала «Вестник Российского философского общества», к. ф.-м. н. С. Перуанский, ознакомившись со статьей студентки 5 курса факультета психологии и философии ДГУ Мадинат Мухтаровой, отметил ее хороший теоретический уровень. Он пишет: «И на десерт о приятном: о статье М. Мухтаровой «Дагестанцам нужно философское образование». С хорошим знанием дела (философии и реальной жизни) здесь анализируются важность философии с точки зрения формирования мировоззрения, трудности на этом пути, вызванные как недостатками системы образования, так и состоянием гражданского общества. Статья внушает оптимизм в том плане, что семена, посеянные руководителем философского отделения Дагестанского государственного университета М. И. Билаловым, упали не на каменистую почву, а на почву благодатную, обещающую хороший урожай».

Надо признать, что региональные аспекты философского исследования находят реализацию в научной и учебно-методической деятельности ученых, аспирантов, магистров, студентов факультета психологии и философии ДГУ. Одним из важнейших и актуальных

проектов, реализуемых на факультете – это философские, идеологические и психологические основы осуществления противодействия религиозно-радикалистским и экстремистским проявлениям. Эта исключительно важная задача для Дагестана и страны успешно решается группой ученых факультета под руководством его декана, проф. М. Я. Яхьяева.

В связи с 10-летием со дня начала функционирования подразделения ДГУ, осуществляющего качественную подготовку философов хочется поздравить своих коллег с этим знаменательным юбилеем, пожелать им новых творческих результатов, крепкого здоровья, достойной смены. А студентам факультета желаю постоянного поиска истины, глубокого освоения многообразных направлений философии, постоянных диалогов с философами прошлого и настоящего, основательного приобретения культуры философского анализа и мышления.

Полагаю, что это знаковое событие найдет соответствующий отклик у власти и общественности Дагестана. Приветствую поддержку, оказываемую руководством Дагестанского университета и Минобрнауки РФ весьма важному для духовного и политического единства страны благородному делу подготовки философов, и очень надеюсь, что напряженный и созидательный труд сотрудников факультета, а также успехи лучших студентов и впредь будут ими достойно оценены.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на учебник: *Философия* / Ред.: В. Д. Губин, Т. Ю. Сидорина. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. – 816 с.

А. С. Колесников

Учебник «Философия», подготовленный коллективом известных российских ученых – преподавателей Российского государственного гуманитарного университета, Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики», МГУ, Института философии РАН – представляет собой в настоящее время одно из инновационных изданий по философии. Это креативный диалогичный учебник, который провоцирует на поиск ответов и новых вопросов, а по ходу стремится научить способу философской рефлексии через дискуссию. Подобный учебник не приемлет школьных «решебников» и отпечатанных «шпаргалок».

Учебник принципиально отличается от традиционных учебников и учебных пособий:

1. Авторам удалось, на наш взгляд, окончательно преодолеть влияние конструкций и схем диалектического и исторического материализма, которые в явном или подспудном виде все еще присутствуют во многих изданиях. (Онтология – как загримированный диамат, социальная философия – как истмат, и т. д.)

2. Еще одно принципиальное отличие нового учебника: авторы, писавшие те или иные разделы, являются специалистами в тех областях, которым посвящен раздел, имеют книги, монографии, статьи, обзоры. В основу глав и параграфов учебника положены результаты проведенных исследований, как в области истории философии, так и онтологии, гносеологии, социальной философии. Каждый раздел сопровождается списком литературы по теме раздела. Так, глава «Онтология» предлагает для более подробного ознакомления с темой обратиться к книге В. Д. Губина «Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии». Глава «Философия кризиса» отсылает к од-

ноименной монографии Т. Ю. Сидориной. Глава по истории философии Средних веков написана крупнейшим специалистом в этой области С. С. Неретиной. Глава, посвященная философии права, написана замечательным ученым, работающим в области философии, Э. Ю. Соловьевым и т. д. Таким образом, авторы работали над учебником с опорой на результаты собственных научных изысканий.

3. Прошедшие десятилетия выявили необходимость создания нового современного учебника по философии, сочетающего историко-философское наследие, его современное осмысление и изложение комплекса основных философских проблем, которые составляют основу современного мировосприятия и над которыми размышляют современные философы.

При написании учебника авторы соединили ряд принципов – новизны, соответствия формы и содержания, ситуативности, диалогичности, конструирования (конструктивно-игрового начала), процессуальности, эстетической привлекательности, чувство меры и времени. Они необходимы были для авторов, чтобы уйти от разноголосицы относительно места и статуса философии в современном обществе, в современной культуре в целом, и в российской – в частности. Конечно, главное, чем были озабочены авторы, это проблемой – чему и как должна учить философия. Здесь следует привести слова В. Д. Губина – редактора и автора не одного учебника: учебники призваны «не передавать знания, а будить человека, его душу». Мне кажется, что авторам удалось это сделать.

Из этого призвания вытекает еще одна особенность учебника: он связан напрямую с «человеческим» измерением: философия ищет среди закономерностей различного порядка место человеку. Другими словами, философское знание обязано помогать конкретному человеку решать стоящие перед ним экзистенциальные проблемы.

Подобные задачи были выполнены на основе таких подходов к изучению философии, как генетический, содержательный, формально-методологический, интердисциплинарный, персоналистический. Текст учебника напоминает слова Осипа Мандельштама:

И Шуберт на воде, и Моцарт – в птичьей гаме,
И Гете, свищущий на вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.
Быть может, прежде губ уже родился шепот,
И в бездревесности кружились листы,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

Уже во Введении авторы учебника вводят читателя в мир философских исканий, пытаются объяснить читателю, возможно, впервые обратившемуся к чтению текстов по философии, к изучению философских вопросов, прояснить, в чем особенность философии, философского дискурса, образа мысли философа. Авторы начинают изложение истории философии и обсуждение философской проблематики с утверждения, что «для изучения философии необходим определенный труд ума и души, поскольку она не передает какой-то строгий набор знаний, а направлена на то, чтобы помочь человеку думать самостоятельно и самому решать главные вопросы своей жизни. Каждый человек вовсе не обязан быть философом в профессиональном смысле слова, и не обязан изучать философию, но он *обязан быть умным*. Обязан сам всегда и во всем доходить до сути дела, обязан знать самого себя и свое место в мире, чувствовать свою ответственность за все беды и несчастья окружающих. И в этом смысле он обязан жить, философствуя. Только тогда он и будет соответствовать своему человеческому призванию. *Люди, для того, чтобы быть людьми, должны философствовать*. Изучая философию, мы таким образом «закрепляем» в себе наше истинно человеческое измерение. Именно философию, потому что никакое другое теоретическое учение не говорит о самом главном: *как быть человеком*. Философия – это не система записанных представлений о мире, человеке, обществе, истории, а способ самосозидания человека. Философия конструктивна по отношению к нашим усилиям быть людьми.

Учебник «Философия» предлагается широкому кругу читателей и рекомендуется как для студентов, начинающих изучать вузовский курс философии, так и для аспирантов, преподавателей; всех интересующихся современным уровнем рассмотрения проблем истории философии и ее теоретических областей. Но прежде всего это вузовский курс философии для студентов нефилософских специальностей. Книга соответствует современным стандартам и требованиям, предъявляемым к курсу философии. Вместе с тем Учебник подготовлен авторами с некоторым «запасом». Сегодня на разных факультетах университетов, в вузах различного профиля изучаются разные по объему курсы философии, предлагаются разные подходы к преподаванию этой дисциплины: с акцентом на историю философии или на системном рассмотрении ее проблем. Кроме того, в таких специальностях как экономика, право, культурология и др., упомянутый выше запас в содержании Учебника позволяет преподавателям выбрать из него те разделы, которые больше соответствуют объему и целям курса, профилю вуза. В полном же объеме учебник ориентирован на годовой курс философии.

Авторы стремились сделать изложение материала интересным и доступным. Но стремление к простоте при изучении философии имеет свои пределы, поскольку сама философия – далеко не простая вещь.

Учебник может быть также рекомендован для тех, кто поступает в аспирантуру или изучает аспирантский курс философии. По охвату материала книга в целом соответствует таким курсам. Там же, где этого недостаточно, читателю поможет *литература*, рекомендованная для *дополнительного* чтения.

Авторы посчитали нужным сопроводить изложение историко-философского и теоретического материала короткими сведениями («портретами») о жизни и творчестве западных и российских философов. Это позволило сделать историко-философский раздел Учебника более полным: не только расширив информацию о персоналиях, но и экстраполировав историко-философскую проблематику на разделы, построенные в проблемном ключе.

При этом многие вопросы, входящие в вузовский курс философии, освещены достаточно подробно, что позволит студентам и преподавателям специализированных вузов углубленно изучить философские проблемы применительно к своей специальности. Изложение тематического материала сопровождается дополнительными вопросами и комментариями.

Учебник состоит из пяти частей: Исторические типы философии, Теоретическая философия (Онтология: проблема бытия в философии; Эпистемология; Философия науки); Философия и общество; Философия человека; Философские идеи нашего времени.

Таким образом, знакомство с книгой позволит получить представление о предмете философии, о наиболее известных философских учениях прошлого и о состоянии современной философии. Аристотель, рассуждая о «счастье» (*eudaimonia*) в «Никомаховой этике» и отвечая на вопрос «зачем нужна философия?», доказывал, что счастье – не сумма счастливых обстоятельств, и не «эмоция», но деятельность, заслуживающая избрания ради себя самой. Это высшая цель, которая установлена в «Метафизике» и связана она с «самой божественной частью» души, это – ум, созерцающий начала и основания сущего.

АННОТАЦИИ

Разумов В.И. Философия в интеллектуальной культуре XXI века

Место и перспективы философии в XXI веке определяются с учетом вступления человечества в новую эпоху, что сопоставимо по масштабам с «осевым временем». Дан критический анализ причин смещения современной философии на периферию интеллектуальной культуры. Формулируются предложения, способные усилить конкурентные и кооперационные возможности философии.

Ключевые слова: интеллектуальная культура, кризис, междисциплинарные исследования, наука и образование, новая эпоха, синтез, философия.

Рыбас А.Е. Современная философия как «проблемное» знание

В статье анализируется «проблемный» подход к пониманию философии, который характерен для современности и предполагает возможность процессуального осмысления предметности философского познания. Специфика философии как проблемного знания показана на примере проблематизации понятия «человек», т. е. при помощи деструкции и актуализации его основных исторических определенностей. Делается вывод, что современная философия существует в форме историко-философского дискурса, который ведется не с целью воссоздания существовавших философских учений, а с целью творческого моделирования возможной действительности.

Ключевые слова: современная философия, проблема человека, субъект, деструкция субъективности, собирание человека.

Ноговицын Н.О. Сериация как смыслообразующая модель

В XX веке в европейской культуре происходит обновление культурных ценностей, понятий и норм общества. Важной частью социокультурных трансформаций являются стратегии написания текстов культуры. Одним из

наиболее интересных для анализа способов формирования смысла является сериация – процесс повторения события с небольшими изменениями. В статье на примере философии Ж. Делеза проводится анализ одной из теорий смыслопорождения.

Ключевые слова: философия культуры, история философии, постмодернизм.

Громов П.Е. Информационные технологии: уточнение понятия

В статье предпринята попытка разведения понятий «информационное» и «техническое» и в то же время прояснения их содержательной соотношенности. Рассмотрены основные этапы развития Интернета в его взаимосвязи с культурой повседневности. Выводятся особые основания информационного, а также указывается определенная терминологическая недостаточность в исследованиях феномена цифровой культуры.

Ключевые слова: Интернет, цифровая культура, web, культура повседневности, техника.

Аблажей А.М. Постсоветская наука: адаптационные процессы и перспективы трансформации

В статье представлены основные результаты изучения состояния отечественной науки в постсоветское время. Проанализированы основные модели финансирования научных исследований, особенности кадровой структуры и методы ее оптимизации, способы и методики оценки эффективности работы научных сотрудников в современных условиях. Показано, что российские ученые научились работать в рыночных условиях, нарабатывали опыт быстрой и успешной адаптации к меняющемуся социальному, управленческому и экономическому контексту.

Ключевые слова: фундаментальная наука, адаптация, трансформация, финансирование науки, оценка эффективности, перспективы.

Никитин В.Е. Образование и наука в эпоху совершенства техники

Данная статья посвящена анализу особенностей развития науки и образования в условиях технократической цивилизации. В век технического прогресса и автоматизированного производства происходит механизация всех сфер человеческой деятельности. Прямыми следствиями этого процесса являются превращение человека в элемент технической организа-

ции, тотальная бюрократизация социума и реформирование науки и образования на основе принципов машинной рациональности. Диктат технического разума ведет к рационализации и стандартизации жизни и формирует особый тип управления наукой и образованием. Решающую роль при этом начинают играть количественные показатели, стандарты, рейтинги, тесты и планы. Следствиями этого процесса являются падение качества образования и широкомасштабная подмена творческой деятельности в науке ее формальной имитацией.

Ключевые слова: техника, наука, образование, рационализация, техническая организация, технический разум, бюрократия.

Черных О.Н. Сетевые сообщества как вид социокультурной организации

Статья посвящена рассмотрению современного коммуникативного процесса, связанного с повседневным использованием «виртуально»-сетевых взаимодействий. Сетевая коммуникация, как новый тип социокультурных взаимодействий, формирует новые границы и формы социальной солидарности, обладающие особыми характеристиками и влияющие на ключевые мировоззренческие, деятельностные, ценностные и идентификационные позиции человека.

Ключевые слова: сеть, взаимодействие, проектность, кластерные сообщества, идентификация.

Пучковская А.А. Иммануил Валлерстайн о миссии интеллектуалов

В статье рассматриваются взгляды одного из самых ярких представителей школы мир-системного подхода Иммануила Валлерстайна по поводу роли интеллектуалов в современную эпоху. Акцентируется внимание на позициях М. Вебера и А. Грамши относительно роли интеллектуалов в общественной жизни, их корреляции с точкой зрения И. Валлерстайна. Делается вывод о том, что миссия интеллектуалов заключается в комплексном понимании культуры и в применении целостного подхода к изучению и описанию современного мира.

Ключевые слова: миссия интеллектуалов, мир-системный подход, структурный кризис, эпоха перехода.

Душин О.Э. Средневековые университеты: формирование интеллектуальной элиты

В статье рассматривается проблематика исторического становления западноевропейских университетов и формирования нравственного этоса

и социальных диспозиций корпорации ученых мужей, которые приобретают в рамках средневекового общества статус своеобразного интеллектуального нобилитета. При этом отмечается, что «благородство» людей науки определяется приоритетом интеллекта и уникальным видом их деятельности.

Ключевые слова: университет, образование, гильдия, корпорация, диспут, лекция, благородство, элита.

Соколов Е.Г. Учителя: история

Вспоминая о преподавателях философского факультета ЛГУ (СПбГУ), работавших в 80-е годы прошлого века, автор излагает собственные взгляды на профессию философа, которые были сформированы благодаря его учителям. Вопросом первостепенной важности при подготовке специалистов в области философии является изучение истории философии. Сама по себе эта установка не нова: она реализована во всех образовательных программах любого профиля. Однако принципиальным моментом должно быть понимание того, что в своем дисциплинарном единстве история философии и представляет собой собственно философию как таковую.

Ключевые слова: философский факультет, преподавание философии, философия как история философии.

Красиков В.И. Философско-образовательная вертикаль в России

Статья посвящена выявлению основных особенностей построения образовательных институций, готовящих профессиональных философов. Автор представляет модель, в которую входят четыре категории подобных институций, а именно: 1) «чистые» философские факультеты; 2) «комбинированные» философские факультеты; 3) выпускающие кафедры философии; 4) общеобразовательные кафедры философии. Автор также обсуждает вопросы о специфике положения дел, связанных с преподаванием философии.

Ключевые слова: образовательные институции, преподавание философии.

Соловьев В.М. Код русской культуры: опыт истолкования проблемы самоидентификации

Статья посвящена выявлению ключевых и уникальных для русской культуры особенностей и самоидентифицируемых признаков, сводящихся

в так называемый «код культуры». Под этим термином автор понимает нечто единственное, беспримерное, раз навсегда установленное, а сложный комплекс составляющих, одной из важнейших среди которых является государство.

Ключевые слова: код культуры, самоидентификация, этос, государство, этатизм, национальные ценности, культурно-историческая традиция, массовая культура, глобализация, культурная революция, культурная эволюция.

Замалеев А.Ф. Понять и выразить истину (исследование схем в лекциях по истории русской философии)

В статье обосновывается важность использования схем в процессе преподавания гуманитарных дисциплин. Благодаря схематическому изложению материала его усвоение делается более успешным, так как студенты получают возможность наглядно представить себе предмет изучения. Особенность схем для философских наук заключается в том, что они должны строиться по принципу движения мысли от общего к частному. Эффективность использования схем в педагогической практике демонстрируется на материале истории русской философии.

Ключевые слова: преподавание философии, схема, история русской философии.

Дьяков А.В. Что такое философия? (Пропедевтическая лекция)

Текст представляет собой пропедевтическую лекцию, предназначенную студентам, обучающимся по специальности «Философия». Автор делает упор на определении философии как мышления в понятиях, обращаясь к анализу философской традиции от Канта и Гегеля до Делеза и Гваттари. Вместе с тем, лекция предлагает взвешенную оценку баланса философской теории и философской практики в академической системе образования и за ее пределами.

Ключевые слова: философия, история философии, онтология, теория познания, гносеология, логос, философская практика.

Соколова Л.Ю. Г. Башляр о формировании научного мышления

«Двузначность» в понимании разума у Башляра (как рациональных посылок и как психологической способности творческого мышления) позволяет увидеть в его работах не только историческую эпистемологию в духе психологизма, но и психологию, а также психоанализ науки, наце-

ленный на решение педагогической проблемы формирования научной культуры мышления. В психологических особенностях научного творчества и связанных с ними стихийных «философий», как дорефлексивных мыслительных диспозиций, философ видит важный фактор развития науки. Выдвигая идею эпистемологического разрыва между эмпирическим и рациональным знанием и отдавая приоритет последнему, Башляр считает задачей педагогики воспитание творческого рационального мышления, преодолевающего бессознательные психологические комплексы эмпиризма.

Ключевые слова: Башляр, историческая эпистемология, психоанализ науки, педагогика, творческое мышление.

Дианова В.М. Теория цивилизаций Феликса Конечного: своеобразие и смысловые параллели

Рассматриваются основные вехи творческой биографии польского историка Ф. Конечного, малоизвестного в России. Анализируются некоторые идеи его концепции множественности цивилизаций в контексте воззрений известных представителей цивилизационного подхода. Освещаются спорные трактовки его наследия современными философами. Делается вывод о необходимости пристального изучения оригинальных идей философии истории польского мыслителя.

Ключевые слова: цивилизация, плюрализм, столкновение, евразийство, латинство, туранские народы, коммуникативные стратегии.

Власова О.А. Психопатология и психология Карла Ясперса как философия жизни

В статье предлагается авторская интерпретация психопатологии и психологии Карла Ясперса как философии жизни. Подчеркивается, что мотив сохранения душевной жизни и ее оживление в философском исследовании – это сквозной мотив для всех периодов творчества Ясперса, начиная с занятий психопатологией и до историко-философских исследований. Делается вывод о том, что он рассматривает философию как философию душевной жизни, вскрывающую в работе понимающей интерпретации единство разума и экзистенции.

Ключевые слова: Ясперс, философская психопатология, психология, понимающая психология, философия жизни, душевная жизнь.

Дианова В.М., Цвынар К.М. Конференции философов славянских стран

В статье дается информация об уникальном опыте организации конференций философов славянских стран, проводимых на языках славянских народов в Польше. На конференциях поднимаются проблемы, касающиеся не только профессиональных интересов участвующих в них философов, но всегда лейтмотивом всех встреч звучит тема единства и взаимопонимания славянских народов. Такого рода научные конференции расцениваются как уникальные культурные практики, заслуживающие всяческой поддержки.

Ключевые слова: философы славянских стран, международные конференции, славянство, актуальные проблемы философии и культуры.

Симосато Т., Хироюки Х. IX всемирный конгресс ICCEES в Макухари (Япония)

Представлен обзор работы философских секций IX Всемирного конгресса ICCEES (International Council for Central and East European Studies), проводившегося в Японии в августе 2015 года. Особое внимание уделено докладом, посвященным исследованию русской философии – ее истории и современного состояния. Отмечается, что конгресс ICCEES стал значительным событием в интеллектуальной жизни и оказал плодотворное воздействие на развитие философского диалога культур Востока и Запада.

Ключевые слова: конгресс ICCEES, современная философия, русская философия, диалог культур Востока и Запада.

Акаев В.Х. Подготовка специалистов-философов в Дагестане (К первому юбилею образования отделения философии в ДГУ)

В публикации описывается процесс организации в ДГУ факультета психологии и философии, созданного на базе отделения философии. Отмечается, что решающую роль в этом процессе сыграл доктор философских наук, профессор М. И. Билалов. Показывается, что деятельность профессорско-преподавательского состава факультета является эффективной и соответствует современным стандартам обучения. В результате ДГУ становится важнейшим региональным центром по подготовке философов-специалистов.

Ключевые слова: ДГУ, отделение философии, факультет психологии и философии, программы подготовки бакалавров, магистров, приобретение студентами культуры философского анализа.

SUMMARIES

Razumov V.I. Philosophy in the intellectual culture of the 21st century

The place and prospects of philosophy in the 21st century are determined by the fact that mankind has begun living in a new epoch in its history that can be compared with the “axial time”. A critical analysis of the reasons why contemporary philosophy found itself at the periphery of the intellectual culture is given. Some propositions aimed at making philosophy more competitive and cooperative are formulated.

Keywords: intellectual culture, crisis, interdisciplinary researches, science and education, new epoch, synthesis, philosophy.

Rybas A.E. Modern philosophy as “problem” knowledge

The article provides an analysis of the “problem” approach to treating philosophy. This approach is characteristic to modernity and suggests the possibility of a procedural understanding of the objectness of philosophical knowledge. The specificity of philosophy as problem knowledge is shown by the example of problematization of the concept of “man”, that is, with the help of both destruction and actualization of its main historical interpretations. It is concluded that modern philosophy develops in the form of historico-philosophical discourse, which is held rather to create a possible reality than to reconstruct the existing philosophical doctrines.

Keywords: modern philosophy, problem of man, subject, destruction of subjectivity, creativity of man.

Nogovitsyn N.O. Seriation as a sense generating model

The 20th century European culture happened to have some cultural values, concepts and norms of society changed. An important aspect of social and cultural transformations is writing culture texts. One of the ways of sense formation, most interesting for analyzing, is seriation – the process of reiteration of

events with little changes. The article analyzes a sense creating theory by means of Z. Deleuze's philosophy.

Keywords: philosophy of culture, history of philosophy, postmodernism.

Gromov P.E. Information technology: clarification of the concept

The article attempts to clarify the concepts "informational" and "technical" in order to stress both their difference and correlation. The main stages of the Internet development are examined in the context of the culture of everyday life. The author analyzes the specific foundation of the informational and concludes that there is lack of terminology to study the phenomenon of the digital culture.

Keywords: Internet, digital culture, web, culture of everyday life, technology.

Ablazhei A.M. Post-Soviet science: processes of adaptation and perspectives of transformation

The main results of studying the condition of Russian science in the Post-Soviet epoch are presented in the article. The basic models of scientific researches funding, the specific features of personnel structure and the methods of its optimization, the ways and techniques of determining the efficiency of research associates' work under the current circumstances are analyzed. It is shown that Russian scientists have adjusted to work following the market economics, acquired experience of fast and successful adaptation to the changing social, administrative and economic contexts.

Keywords: fundamental science, adaptation, transformation, funding of science, efficiency estimate, prospects.

Nikitin V.E. Education and science in the epoch of perfect technology

This article is devoted to the analysis of the specific features of science and education development under the circumstances of technocratic civilization. The century of technical progress and automated production is characterized by mechanization of all spheres of human activity. The direct consequences of this process are turning man into an element of the technical structure, total bureaucratization of society and the reform of science and education based on the principles of machine rationality. The dictate of technical reason leads to the rationalization and standardization of life and creates a special type of science and education control implying quantitative indicators, standards, ratings, tests, and plans. As a result of this control the quality of

education becomes lower and the formal imitation of creative activity in science substitutes for the real scientific work.

Keywords: technology, science, education, rationalization, technical structure, technical reason, bureaucracy.

Chernykh O.N. Network communities as a kind of social and cultural organization

The article considers the modern communication process associated with everyday use of “virtual” network interactions. The network communication as a new type of socio-cultural interaction creates new boundaries and forms of social solidarity which get specific characteristics and affect the key ideological, practical, identification and value positions of man.

Keywords: network, interaction, projectness, cluster community, identification.

Puchkovskaya A.A. Immanuel Wallerstein on the mission of intellectuals

The article deals with the views of one of the most prominent adepts in the world-system approach Immanuel Wallerstein, namely his understanding the role of intellectuals in modern times. The attention is focused on the positions of Max Weber and Antonio Gramsci concerning the role of intellectuals in public life to analyze their correlation with Wallerstein’s point of view. The author concludes that the mission of intellectuals consists in providing an integrated understanding of culture attained by means of the holistic approach to studying and describing the modern age.

Keywords: mission of intellectuals, world-system approach, structural crisis, transition period.

Dushin O.E. Medieval universities: the formation of the intellectual elite

This paper focuses on the problems of the historical development of European universities and the formation of the moral ethos and social dispositions of corporations of scholars who acquired the status of an intellectual elite in the medieval society. It is noted that “nobility” of scientists is determined by the priority of intelligence and by their unique activity.

Keywords: university, education, guild, corporation, debate, lecture, nobility, elite.

Sokolov E.G. Teachers: history

By means of remembering the lecturers who worked at the philosophical faculty of Leningrad (St. Petersburg) State University in the 80s of the last century, the author presents his own views on the profession of philosopher which were formed due to his teachers. To study the history of philosophy is of great importance for future specialists in philosophy. This statement is common knowledge, and all educational programs of any type necessarily include studying this discipline. However, the author stresses that the history of philosophy in its disciplinary unity is philosophy as such.

Keywords: faculty of philosophy, teaching philosophy, philosophy as the history of philosophy.

Krasikov V.I. Philosophical education hierarchy in Russia

The article is devoted to analyzing the main features of the construction of educational institutions that train professional philosophers. The author presents a model that includes four categories of such institutions, namely: 1) “pure” philosophical faculties; 2) “combined” philosophical faculties; 3) departments of philosophy specializing in training philosophers; 4) departments of philosophy in non-philosophical educational institutions. The author also discusses the problems dealt with teaching philosophy nowadays.

Keywords: educational institutions, teaching philosophy.

Soloviev V.M. The code of Russian culture: an attempt of interpretation of the problem of self-identification

The article is devoted to revealing the key and unique for Russian culture peculiarities and self-identified features, which form so called “code of the culture”. This term does not imply anything exclusive, unprecedented, once and for ever established that can be understood as the essence of the culture. On the contrary, it is used to mark a complex of complicated components, one and the main of which is the state.

Keywords: code of the culture, self-identification, ethos, state, etatism, national values, cultural and historical tradition, mass culture, globalization, cultural revolution, cultural evolution.

Zamaleev A.F. To understand and express the truth (an analysis of using schemes when delivering lectures on the history of Russian philosophy)

The article explains the importance of using schemes when teaching the humanities. Due to the schematic presentation of the material its under-

standing is more successful, as students are able to visualize the object of the study. The peculiarity of schemes for philosophy is that they should be based on the principle of the movement of thought from the general to the particular. The efficiency of using schemes in teaching practice is demonstrated by means of the history of Russian philosophy.

Keywords: teaching of philosophy, scheme, history of Russian philosophy.

Dyakov A.V. What is philosophy? (A propaedeutic lecture)

The text is a propaedeutic lecture for students who specialize in philosophy. The author focuses on the definition of philosophy as thinking in concepts, referring to the analysis of the philosophical tradition from Kant and Hegel to Deleuze and Guattari. Besides, the lecture provides a balanced assessment of the balance between a philosophical theory and a philosophical practice in the academic education system and beyond it.

Keywords: philosophy, history of philosophy, ontology, gnoseology, logos, philosophical practice.

Sokolova L.Yu. G. Bachelard on the formation of scientific thinking

The “ambiguity” of Bachelard’s understanding of mind (as rational assumptions and as the psychological potentiality of creative thinking) allows us to claim that his works involve historical epistemology, psychology, and psychoanalysis of science aimed at solving the education problem of the formation of the scientific culture of thinking. The philosopher argues that psychological aspects of scientific activity, on the one hand, and spontaneous “philosophies”, or pre-reflexive thinking dispositions, caused by these psychological aspects, on the other hand, should be considered as an important factor of the development of science. Putting forward the idea of the epistemological gap between empirical and rational knowledge and giving priority to the latter, Bachelard insists that the task of pedagogy is the formation of creative rational thinking which will overcome the unconscious psychological complexes of empiricism.

Keywords: Bachelard, historical epistemology, psychoanalysis of science, pedagogy, creative thinking.

Dianova V.M. Feliks Koneczny's theory of civilisations: the originality and semantic parallels

The author describes the main facts concerning the creative activity of the Polish historian F. Koneczny, who is little-known in Russia. Some ideas dealt with his conception of plurality of civilizations are analyzed in the context of the civilization approach to studying culture. It is shown that many interpretations of F. Koneczny's philosophy of history given by modern philosophers are not adequate. The author concludes that it is necessary to study the original ideas of the Polish thinker's philosophy of history properly.

Keywords: civilization, pluralism, collision, Eurasianism, Latinism, Turan peoples, communication strategies.

Vlasova O.A. Karl Jaspers's psychopathology and psychology as philosophy of life

The paper presents the author's interpretation of Karl Jaspers's psychopathology and psychology as philosophy of life. It is emphasized that the motive of preservation of mental life and its revival in a philosophical research is the central motive for all the periods of Jaspers's work, beginning from his psychopathology to the essays on history of philosophy. The author concludes that Jaspers considers philosophy as philosophy of mental life which demonstrates the unity of reason and existence in the process of understanding interpretation.

Keywords: Jaspers, philosophical psychopathology, psychology, understanding psychology, philosophy of life, mental life.

Dianova V.M., Cwynar K.M. Conferences of philosophers from Slavic countries

The article informs about the unique experience dealt with the organization of conferences of philosophers from Slavic countries which are held in the Slavic languages in Poland. Besides the specific philosophical topics which are interesting for the professionals taking part in the conferences, these scientific events are devoted to discussing the unity of the Slavic peoples and their mutual understanding. The scientific conferences like that are considered to be unique culture practices which are worth supporting.

Keywords: philosophers of Slavic countries, international conferences, the Slavs, actual problems of philosophy and culture.

Shimosato T., Hiroyuki H. ICCEES IX World Congress in Makuhari (Japan)

A review of the work of the philosophical sections of the ICCEES (International Council for Central and East European Studies) XI World Congress, held in Japan in August 2015, is given. Particular attention is paid to the speeches devoted to studying Russian philosophy, its history and actual condition. It is noted that the ICCEES congress was a significant event in the intellectual life as it had a fruitful influence on the development of the philosophical dialogue between the East and the West.

Keywords: ICCEES congress, modern philosophy, Russian philosophy, dialogue between the East and the West.

Akayev V.Kh. Philosophical education in Dagestan (The first anniversary of the formation of the Department of Philosophy in the DSU)

The article describes the process of organizing Faculty of Psychology and Philosophy, which was transformed from Department of Philosophy, in Dagestan State University. It is noted that a decisive role in this process was played by Doctor of Philosophy, Professor M. I. Bilalov. It is shown that the work of the Faculty teaching staff is effective and meets the modern standards of education. As a result, DSU is becoming a major regional center for training specialists in philosophy.

Keywords: Dagestan State University, Department of Philosophy, Department of Psychology and Philosophy, programs of training of bachelors and masters, students' skills of philosophy analysis.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аблажей Анатолий Михайлович – кандидат философских наук, заведующий сектором социологии науки и образования Института философии и права СО РАН (Новосибирск);
e-mail: ablazhey@academ.org

Акаев Вахит Хумидович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН (г. Грозный);
e-mail: akaiev@mail.ru

Власова Ольга Александровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: o.a.vlasova@gmail.com

Громов Петр Евгеньевич – аспирант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: petergromov@yandex.ru

Дианова Валентина Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, главный редактор журнала «Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений»;
e-mail: v.dianova@spbu.ru

Душин Олег Эрнестович – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: odushin@mail.ru

Дьяков Александр Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: a_diakoff@mail.ru

Замалеев Александр Фазлаевич – доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: rusphil@mail.ru

Колесников Анатолий Сергеевич – доктор философских наук, профессор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: akolesnikov1940@yandex.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Министерства юстиции России, г. Москва);
e-mail: KrasVladIv@gmail.com

Никитин Владислав Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: vladislav.nik@gmail.com

Ноговицын Никита Олегович – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: polkita@yandex.ru

Пучковская Антонина Алексеевна – аспирантка Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: artonina@gmail.com

Разумов Владимир Ильич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Омского государственного университета;
e-mail: rvi57@mail.ru

Рыбас Александр Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: alexirspb@mail.ru

Соколов Евгений Георгиевич – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: e.sokolov@spbu.ru

Соколова Лариса Юрьевна – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: l.y.sokolova@spbu.ru

Соловьев Владимир Михайлович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: v-soloviev@mail.ru

Тосиюки Симосато – доктор социологии, профессор Педагогического университета Дзеецу (Япония);
e-mail: simosato@juen.ac.jp

Хироюки Хориэ – магистр философии, сотрудник редакции журнала «Евразия вью»;
e-mail: hiroyukiho@mail.ru

Черных Олег Николаевич – кандидат философских наук, ассистент, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: chernykh.oleg@gmail.com

Цвынар Катажина М. (Свупнар К.М.) – доктор философии, Институт политических наук, Университет информационных технологий и менеджмента в Жешове (Польша), секретарь Генерального совета Ассоциации философов славянских стран, секретарь редколлегии журнала философов славянских стран «ΣΟΦΙΑ»;
e-mail: sofia@sfks.org.pl

CONTENTS

NATURE OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

<i>Razumov V. I.</i> Philosophy in the intellectual culture of the 21 st century.....	5
<i>Rybas A. E.</i> Modern philosophy as “problem” knowledge.....	13
<i>Nogovitsyn N. O.</i> Seriation as a sense generating model.....	22
<i>Gromov P. E.</i> Information technology: clarification of the concept.....	31

ACTUAL PROBLEMS OF EDUCATION AND SCIENCE

<i>Ablazhei A. M.</i> Post-Soviet science: processes of adaptation and perspectives of transformation.....	41
<i>Nikitin V. E.</i> Education and science in the epoch of perfect technology.....	50
<i>Chernykh O. N.</i> Network communities as a kind of social and cultural organization.....	60
<i>Puchkovskaya A.A.</i> Immanuel Wallerstein on the mission of intellectuals.....	72

FROM THE HISTORY OF UNIVERSITY EDUCATION

<i>Dushin O.E.</i> Medieval universities: the formation of the intellectual elite.....	81
<i>Sokolov E. G.</i> Teachers: history.....	94

TASKS AND PURPOSES OF PHILOSOPHICAL EDUCATION

<i>Krasikov V.I.</i> Philosophical education hierarchy in Russia.....	103
<i>Soloviev V.M.</i> The code of Russian culture: an attempt of interpretation of the problem of self-identification.....	114

PHILOSOPHICAL EDUCATION: METHODOLOGY AND EXPERIENCE

- Zamaleev A.F.* To understand and express the truth. An analysis of using schemes when delivering lectures on the history of Russian philosophy..... 124
- Dyakov A.V.* What is philosophy? A propaedeutic lecture..... 132

ON PHILOSOPHY CLASSICS

- Sokolova L. Yu. G.* Bachelard on the formation of scientific thinking..... 145
- Dianova V. M.* Feliks Koneczny's theory of civilisation: the originality and semantic parallels 154
- Vlasova O.A.* Karl Jaspers's psychopathology and psychology as philosophy of life..... 165

CONGRESSES, CONFERENCES

- Dianova V. M., Cwynar K. M.* Conferences of philosophers from Slavic countries 175
- Shimosato T., Hiroyuki H.* ICCEES IX World Congress in Makuhari (Japan)..... 184

ANNIVERSARIES

- Akayev V.Kh.* Philosophical education in Dagestan. The first anniversary of the formation of the Department of Philosophy in the DSU..... 190

REVIEWS

- Kolesnikov A.S.* Review on the textbook: Philosophy / V. D. Gubin, T. Yu. Sidorina (eds.) Moscow: ГЭОТАР-Медиа, 2013. 816 p..... 195

SUMMARIES 206

THE AUTHORS..... 213

*Recommended to be published
by the Bureau of St. Petersburg Philosophy Society*

E d i t o r i a l c o u n c i l :

Chairman of the APPD	V. V. Mironov (Moscow SU)
Co-chairman of the APPD	S. I. Dudnik (St. Petersburg SU)
Co-chairman of the APPD	V. S. Diev (Novosibirsk SU)
	A. A. Guseinov (Inst. of Philosophy RAS)
	V. A. Lektorsky (Inst. of Philosophy RAS)
	V. A. Stepin (Inst. of Philosophy RAS)
	G. V. Drach (Southern FU)
	A. V. Pertsev (Ural FU)
	S. S. Avanesov (Tomsk SU)
	M. D. Schelkunov (Kazan FU)

E d i t o r i a l b o a r d :

Editor-in-chief	V. M. Dianova (St. Petersburg SU)
Co-editor-in-chief	A. A. Krotov (Moscow SU)
Editorial staff:	M. I. Bilalov (Dagestan SU),
	E. V. Borisov (Tomsk SU),
	E. V. Bryzgalina (Moscow SU),
	V. P. Goran (Novosibirsk SU),
	N. V. Kuznetsov (St. Petersburg SU),
	V. N. Porus (Higher School of Economics),
	A. E. Rybas (St. Petersburg SU),
	A. V. Tikhonov (Southern FU),
	O. N. Tomyuk (Ural FU)
Executive secretary	Д. Е. Prokudin (St. Petersburg SU)

Ф 56 **Philosophical education:** Bulletin of the Association of Philosophy Faculties and
Departments: Issue 1 (6), 2015. – Moscow, St. Petersburg, 2015. – 220 p.

ISSN 2076-3883

БК 74

© ASSOCIATION OF PHILOSOPHY FACULTIES AND DEPARTMENTS, 2015
© ST. PETERSBURG PHILOSOPHY SOCIETY, 2015
© AUTHORS OF THE ARTICLES, 2015

У С Л О В И Я П У Б Л И К А Ц И И

Материалы для опубликования в журнале «Философское образование» принимаются по электронной почте в виде текстового файла в формате Word. Желательна сплошная нумерация сносок. Объем статей не должен превышать 20000 знаков, объем рецензий и обзоров – 15000 знаков. К рукописи прилагаются на английском и русском языках: название статьи, аннотация (не более 400 знаков), ключевые слова (не более 8 слов), фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью. Необходимо сообщить также ученые степень и звание, должность и место работы, контактный телефон и электронный адрес автора (авторов).

Присланные статьи рецензируются и могут быть опубликованы с незначительными сокращениями и изменениями, не влияющими на основное содержание. Редакция оставляет за собой право отказа в публикации статей без объяснения причин.

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И :

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., д. 5,
Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Телефон: (812) 328-44-08; факс: (812) 328-94-21.

Электронные адреса:

v_dianova@mail.ru – *Дианова Валентина Михайловна*, главный редактор;
affo@philos.msu.ru – *Кротов Артем Александрович*, ответственный редактор.

Все материалы печатаются в авторской редакции.

Периодическое издание

ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
Вестник
Ассоциации философских факультетов и отделений

2015, 1(6)

Подписано в печать 8.12.2015.
Формат 60×84¹/₁₆. Объем 13,8 печ. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 144.

Типография «Литография»
191119, Санкт-Петербург,
Днепропетровская ул., 8
